

Новейшая российская история: исследования и документы

**Modern Russian History Program
University of Notre Dame**

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Vol. 11

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Bd. 11

M.I. Voronkov

**An Intellectual and His Epoch:
Diaries, Memoirs, and Essays (1911 – 1941)**

Riazan

2013

**Программа по изучению новой и новейшей русской истории
Нотр-Дамский университет (США)**

Музей истории молодежного движения

**Новейшая российская история:
исследования и документы**

Том 11

М.И. Воронков

**Интеллигент и эпоха:
Дневники, воспоминания и статьи (1911 – 1941 гг.)**

Рязань

2013

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Editors

S. Lyandres, University of Notre Dame (USA)

P. Tribunskii, House of Russian Diaspora named after A. Solzhenitsyn (Moscow, Russia)

D. Wulff, Universität Bielefeld (Germany)

Editorial board

B.V. Anan'ich, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (Russia)

T. Emmons, Stanford University (USA)

G.M. Hamburg, Claremont McKenna College (USA)

M.D. Karpachev, Voronezh State University (Russia)

S. Merl, Universität Bielefeld (Germany)

S.I. Mikhal'chenko, Briansk State University (Russia)

Iu.A. Petrov, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

A.B. Sokolov, Iaroslavl' State Pedagogical University (Russia)

A. Walicki, University of Notre Dame / Polish Academy of Sciences (USA / Poland)

Новейшая российская история: исследования и документы

Редакторы серии:

Д. Вульф, Билефельдский университет (Германия)

С.М. Ляндрес, Нотр-Дамский университет (США)

П.А. Трибунский, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва, Россия)

Редакционный совет серии:

Б.В. Ананьич, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Россия)

А. Валицкий, Нотр-Дамский университет / Польская Академия наук (США / Польша)

М.Д. Карпачев, Воронежский государственный университет (Россия)

Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)

С.И. Михальченко, Брянский государственный университет (Россия)

Ю.А. Петров, Институт российской истории РАН, Москва (Россия)

А.Б. Соколов, Ярославский государственный педагогический университет (Россия)

Г.М. Хамбург, Колледж Клермонт Маккена (США)

Т. Эммонс, Стэнфордский университет (США)

УДК 94(47).084.1-6
ББК 63.3(2)61
В 75

Воронков М.И.

В 75 Интеллигент и эпоха: Дневники, воспоминания, статьи (1911–1941 гг.) / Сост., вступ. ст. и коммент. А.О. Никитина. – Рязань, 2013. – 684 с., ил. – (Сер. «Новейшая российская история: исследования и документы». Т. 11)

ISBN 978-5-94473-017-6

Впервые публикуются дневники за 1911–1941 гг. М.И. Воронкова (1893–1973), участника Октябрьской революции 1917 г., занимавшего затем руководящие должности в Рязанской и Семипалатинской губерниях, Наркомпроде, а в 1923 г. вышедшем из рядов РКП(б). В приложениях публикуются другие работы Воронкова – воспоминания, статьи, речи, воззвания, стихотворения, записные книжки – почти полный корпус дошедшего до нас литературного наследия автора. Значительный массив впервые вводимого в научный оборот во вступительной статье, примечаниях, комментариях и дополнениях к текстам Воронкова архивного материала, встраивание эмоционально окрашенных дневниковых записей в документальный контекст, позволяет скрупулёзно реконструировать события, в частности, в Рязанской губернии периода Гражданской войны. Ценные своими литературными достоинствами, широтой временного и географического охвата, дневники Воронкова – видного большевика, разочаровавшегося в революции, покинувшего общественную сцену и ушедшего во внутреннюю эмиграцию – уникальный источник, позволяющий вплотную соприкоснуться с ключевыми событиями советской истории 1917–1941 гг., увидеть их в неожиданном ракурсе.

Издание предназначено для исследователей и всех интересующихся историей России.

Охраняется законом РФ об авторском праве и смежных правах. Воспроизведение всей книги или ее любой части (в том числе в электронном виде) без письменного разрешения издателя и редакторов серии запрещается. Попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-94473-017-6

- © Д. Вульф, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2013
- © С.М. Ляндрес, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2013
- © П.А. Трибунский, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2013
- © А.О. Никитин, составление, вступительная статья, комментарии, 2013

А.О. Никитин

Мих. Воронков: интеллигент и эпоха

Михаил Иванович Воронков с детства хотел стать писателем. Даже в его манере подписываться – «Мих. Воронков» – заявляло о себе авторское начало. С какого-то момента он и считал себя писателем по преимуществу, несмотря на то, что драгоценное жизненное время уходило, год за годом, на служебные обязанности – изнурительные, чуждые и далёкие от предназначения, которое Воронков в себе ощущал. Методические работы, статьи, небольшая книжка воспоминаний, 15-страничная брошюрка стихов – вот и всё, что увидело свет при жизни автора. И лишь сегодня достоянием читателя оказываются дневники М.И. Воронкова, ставшие, по сути, главным его литературным свершением. Но они с лихвой восполняют отсутствие романа-эпопеи, «Войны и мира» XX века, на которую замахивался в мечтах Воронков. Хотя его жизненные впечатления были исключительно богатыми, неизвестно, как распорядился бы ими Михаил Иванович в беллетристических целях. Например, поэтом он был крайне посредственным (хотя и отправил в 1956 г. тетрадь своих стихов не кому-нибудь, а . . . композитору Яну Сибелиусу в Финляндию, престарелый же классик мировой музыки откликнулся на это благодарственным письмом!)¹, ориентировавшимся, как и в других своих предпочтениях в искусстве, на расхожие вкусы конца XIX века. Какая у Воронкова получалась проза – судить трудно за отсутствием в его наследии образцов таковой. А вот в дневниках, требующих не художественного преобразования действительности, а передачи средствами языка непосредственных впечатлений от неё, перо Воронкова работает почти безупречно. Поскольку же дневники периода Гражданской войны, принадлежащие большевистским деятелям, – редкость в принципе, то литературные их достоинства оказываются очень ценным бонусом.

Но, разумеется, даже будучи хорошо написанным, дневник Воронкова не стал бы тем исключительным по важности источником, каким является, не оказись автор в гуще исторических событий – и не пассивным наблюдателем, а активнейшим участником, арена деятельности которого вышла далеко за границы родной Рязанской губернии. Жизнь любого человека можно рассматривать как путешествие, где сложность маршрута определяется числом

промежуточных точек и их разнесённостью друг от друга – как в географическом, так и социокультурном плане. От зала заседаний партийного съезда в Кремле до бедной юрты в казахской степи – таков диапазон впечатлений Воронкова за один лишь 1920 год, скрепляемый описанием долгого пути в вагоне-теплушке из центра России в далёкую Сибирь.

Всё фиксировать – факты и слухи, повседневные события и прочитанные книги, народные легенды и бытовые анекдоты, «собственные размышления над жизнью, её событиями, героями и своей ролью во всём, что творится кругом» – такова установка Воронкова, выдающая как систематика, дисциплинирующего всё и вся, так, одновременно, и мечтателя, который никогда не насытит своё воображение. Разумеется, педантичное ведение подённых записей в драматической обстановке Гражданской войны (да и в последующие годы) было задачей трудновыполнимой. Иногда, вероятно, автору дневника и выпадала возможность сразу вписывать в тетрадь впечатления прошедшего дня, но это не могло быть регулярным: мешали крайняя занятость, формажорные обстоятельства и всё более одолевавшая Воронкова усталость. Стремление же не нарушать литературной формы и внешней опрятности дневника делало необходимым использование черновиков, сохранившихся в архиве Воронкова. Это короткие лапидарные записи на первом же подвернувшемся клочке бумаги, бланке, листке календаря и т. п. Цель этих записей – датировать и закрепить в памяти ключевые события и образы, что развернутся затем в более пространные описания в чистовом варианте дневника.

Исходная запись могла выглядеть так:

«8. Вторая лекция в Дядьковском Народном Университете. Дорога, заплах весны, разговор с возницей – не надо нам коммунистов – мы хотим всё сообща; не выбирают в сельский совет, а из волости навязывают, лучше бы тайным голосованием, а не явным выбирать в Совет.

7. Статья III Интернационал и провинциальная Россия; собрание шк<ольных> раб<отников>, собрание в музыкальной школе; роль Райхмана; собрание с Мурановым.

9. Бестолковейшее заседание Губисполкома о взаимоотношении Совнархоза и Коммунодела; противные разговоры о трениях и интригах внутри партии.

10. Сиденье дома весь день, разработка доклада на Губ<ернский> съезд. Чтение брошюры о первом съезде учителей, созв<анном> Наркомпросом².

11. Колонии, Полубояринова, собств<еннические> инстинкты Калиниченко, скандал с именем Малявина, Суханов из Пронского уезда (отряды прод<овольственные> говорят: зачем дурак не спустил хлеб на сторону) <...> Открытие съезда, Мадам Сан-Жен, переживания после демонстрации учительства.

12. Праздник свержения самодержавия; доклад на Губ<ернском> съезде, облегчение. Игра в прятки с Лялей; она подражает старушке; доклад Васильева. Избицкая и д<окто>р Гинзбург.

13. Концерт Бим-Бом, Чарская, воспоминания. Впечатление, слова Малявина.

14. Весенняя свежесть: секции. Сообщение Шабулина о решении Губкома; моё решение реагировать на это. Губпродком.

15–19 – Съезд, впечатления. Бровкина, Тарасова, инструктора. Булгаков. Концерт 19го.

20 – Губконференция»².

Данный фрагмент относится к марту 1920 года, что легко устанавливается при сличении с записями за соответствующие числа в чистовом дневнике. Характерно нарушение хронологического порядка записей – сначала 8, потом 7 марта, т. е. и при составлении черновиков шло припоминание. При этом записи за 7–10 марта получили в чистовой тетради пространное изложение, а за 11–20, напротив, туда вообще не попали; дневник продолжился с 25 марта, хотя чистые страницы для заполнения промежутка между 10 и 25 числами были оставлены. Это убедительно свидетельствует, что некоторые черновики так и не получили развития; обращаться к дневнику спорадически, описывая события одной или нескольких недель задним числом, – не так-то легко; вал новых явлений, тоже требующих фиксации, неизбежно образует в памяти наносы, за которыми перестаёт ясно просматриваться даже позавчерашнее. В какой-то момент не оказывается времени и для черновых подённых записей – тогда дневник прерывается до лучших времён. Имеют такие разрывы и дневники Воронкова. В его личном фонде в Рязанском Музее истории молодёжного движения сохранились оригиналы дневников в виде чистовых тетрадей, блокнотов и черновых записей за следующие периоды: 25 сентября 1911 г. – 10 декабря 1912 г. (записи за отдельные дни), 4 июля – 11 августа 1917 г., 1 декабря 1918 г. – 22 июля 1919 г., 28 июля – 5 октября 1919 г., 1–4 января, 1–10 марта, 25 марта – 10 апреля, 1–24 мая, 22 сентября – 6 декабря 1920 г., 1 января – 30 апреля, 1–30 сентября 1921 г., 2–16 июня 1922 г., 14 января – 9 сентября 1923 г. (записи за отдельные дни), 1–30 августа 1929 г., 1–10 мая 1930 г., 1–4 августа, 1–4 ноября 1933 г., 1–2 января 1934 г., 1–2 ноября, 1–3 декабря 1939 г., 5 января 1940 г., 1 сентября – 30 декабря 1941 г.

Разумеется, не все дневники М.И. Воронкова дошли до нас. Так, не имеем мы оригинала дневника 1915–1917 гг., использованного Воронковым при подготовке в 1947 г. книги «Из жизни дореволюционного студенчества». Вероятно, и за воспроизводимой в данном сборнике статьёй 1927 года «У колыбели советского ОНО» стоят (судя по структуре текста, разбитого отточиями на короткие периоды) воронковские записи 1917–1918 гг. Крайне прискорбной является утрата интереснейшей «Тетради № 1» за 1 июля – 30 ноября 1918 г.³ Можно с осторожностью предположить, что сохранение Воронковым черновиков свидетельствует о том, что чистового дневника за тот же период не существовало. Например, листки с черновыми записями за 28 июля – 28 августа 1919 г. вложены непосредственно в чистовую «Тетрадь № 4», обрывающуюся записью от 22 июля, за которой следуют чистые листы. «Тетрадь № 5» начинается уже с 1 сентября. Вероятно, мамонтовский рейд, на ликвидацию которого в качестве комиссара войск Рязанской губернии был отправлен 24 августа 1919 г. Воронков, сделал регулярное ведение дневника невозможным, а затем наслоилося слишком много событий, чтобы автор смог задним числом заполнить месячную лауну. Тем не менее, с учётом данного чернового фрагмента, Воронкову удавалось вести дневник непрерывно с 1 июля 1918 г. по 30 сентября 1919 г., до своего назначения губернским комиссаром продовольствия. Да и события конца 1919 г. частично реконструируются в написанной Воронковым в начале 1920 г. для «Театрального вестника» статье «Из жизни Рязанского Советского театра», публикуемой в данном сборнике.

Дневники за 1920–1921 гг. имеют существенные, от двух недель до четырёх месяцев, разрывы, приходившиеся, вероятно, на периоды крайней служебной занятости Воронкова либо внутреннего опустошения. Начиная с 1922 г. мы имеем лишь фрагментарные записи, часто – лишь черновые. Только август 1929 г. и сентябрь–декабрь 1941 г. описываются Воронковым в ежедневной последовательности, составляя объёмистые тетради.

К дневниковому наследию М.И. Воронкова примыкают записные книжки, содержащие записи подслушанных диалектизмов, фраз, диалогов, анекдотов, разнообразные заметки, самая ранняя из которых – народный заговор от укуса змеи – датируется 9 июня 1910 г. Одна из тетрадей – «Для разных заметок и записей» – имеет крайние даты: 5 октября 1919 г. – 24 мая 1920 г., т. е. начата вслед за тем, как 30 сентября закончилась «Тетрадь № 5», однако дневникового характера она не носит.

В целом дневники Воронкова составляют комплекс, достаточно внушительный по объёму, но главное – необыкновенно информативный и многослойный.

Один пласт информации – это событийный ряд, отражающий служебную деятельность Воронкова в Рязанской и Семипалатинской губерниях, в Наркомпроде, КОГИЗе и Институте иностранных языков. Описывается участие в съездах, заседаниях коллегий, выезды в командировки, решение организационных и кадровых вопросов. А коль скоро судьба постоянно бросает Воронкова на передний край – он занимается делами просвещения и культуры, добывает топливо для города, осуществляет продрозвёрстку, успевает побывать в зоне боевых действий – то и контекст его деятельности оказывается более чем значительным. Как следствие, через дневники Воронкова непрерывно прокатывается мейнстрим Большой Истории, и даже после 1923 г., когда из деятеля Воронков сознательно превращается в наблюдателя, Истории из его дневников никак не уйти, да и автору от неё никуда не спрятаться.

Второй пласт – культурный и бытовой: Воронков очень цепок ко всем явлениям социальной действительности, эмоционален и остр в характеристиках (разумеется, далеко не беспристрастных), внимательно прислушивается к человеческой разноголосице, запечатлевая «мнение народное» с почти акустической достоверностью. Он не упускает возможности охарактеризовать условия жизни в географических пунктах, которые посещает, приводит цены на продукты и товары, характеризует обстановку в ведомствах и учреждениях. Через воронковские описания спектаклей, концертов, выставок прорисовывается культурная жизнь провинции и столицы. Оказавшись же в родном селе, Воронков с тщательностью фольклориста записывает местные предания, легенды и былички, так что его белоомутский дневник 1929 г. приобретает высокую научную ценность.

Третий пласт – личности, человеческие типы и характеры, с которыми сталкивается Воронков: крестьяне и пролетарии, учителя и учащиеся, художники и актёры, рядовые обыватели и вожди революции. Он видит и слышит В.И. Ленина, мечтает добиться у того приёма («и изложить ему свои планы»), участвует в похоронах Я.М. Свердлова, получает у «сибирского Ленина» И.Н. Смирнова предложение возглавить губисполком огромной Енисейской губернии; полевой блокнот, ставший «Тетрадью № 2» воронковского днев-

ника, дарит ему Н.И. Подвойский; заместитель Воронкова по рязанскому горисполкому В.В. Чернышов становится начальником ГУЛАГа...

Четвёртый пласт – природа, описания которой занимают в дневниках Воронкова важнейшее место. Автор, безусловно, идёт от литературной традиции XIX века, в частности, тургеневской, сделавшей пейзаж обязательным элементом повествования. Судя по юношеским записным книжкам Воронкова, мечтавшего о писательской карьере, способность к передаче зрительных впечатлений языковыми средствами он в себе настойчиво развивал. Но и как человеку Воронкову свойствен был переход от периодов напряжённой и сосредоточенной деятельности к моментам восторженной созерцательности, которые дарило ему единение в белоомутском лесу или казахской степи. Иногда автор старается «сфотографировать» ландшафт или состояние природы в подробностях, иногда эмоционально окрашивает дневниковую запись выразительной деталью вроде: «Горел кровавый закат».

Наконец, пятый пласт – спонтанный автопортрет, «история души», эволюция личности и мировоззрения самого Воронкова, передаваемая через авторскую рефлексию, через перечисление и разбор прочитанных книг, через манифестирование выработанных доктрин. Этот пласт – едва ли не самый важный (разумеется, в увязке с той информацией, которую сообщает нам об авторе дневника событийный ряд). Потому что именно здесь, во внутреннем конфликте, и выявляется жизненная драма Михаила Ивановича Воронкова – человека, который сжёг то, чему поклонялся.

Тут мы подошли к очень важному моменту. Перечисленных выше достоинств более чем достаточно, чтобы обосновать ценность публикуемых дневников, но есть момент, до сих пор нами не упомянутый, который делает и дневники, и фигуру их автора уникальными. Михаил Иванович Воронков – не просто видный большевик, по счастливому стечению обстоятельств обладавший литературным даром и ведший дневник, который, по счастливой же случайности, уцелел и отложился в музейном фонде. Да, Воронков – активный участник Октябрьской революции и Гражданской войны, но уже в 30-летнем возрасте с партией порвавший и сделавшийся её беспощадным критиком и непримиримым противником. При этом Воронков не примкнул к оппозиции и не покинул СССР. Он замкнулся в частной жизни, а свои сокровенные мысли, куда более крамольные, чем у любого оппозиционера, за борьбу со Сталиным поплатившегося в годы Большого Террора жизнью, доверял лишь дневникам – тем самым, которые мы публикуем. О существовании подобного типа латентных противников сталинского режима, которых не коснулись никакие проскрипции – с революционным прошлым, но разочаровавшихся в революции, покинувших общественную сцену и ушедших во внутреннюю эмиграцию – можно было догадываться, но подкрепить догадку конкретным материалом было сложно из-за внешнего благополучия биографий таких людей. С нашей публикацией данный типаж возвращается из, казалось бы, навсегда поглотившей его безвестности.

***

Имя М.И. Воронкова фигурирует сегодня во многих работах, посвящённых установлению и укреплению советской власти в Рязанской губернии⁴, однако ни одной более или менее полной его биографии не существует – вероятно,

потому, что выглядела бы она совсем не типичной в контексте создававшейся в послесталинское время провинциальной агиографии «несгибаемых большевиков». Впрочем, почти никто из участников революции и Гражданской войны, доживших до 1956 г., когда они оказались востребованы в качестве мемуаристов, не рассказывал всей правды о себе и об эпохе, зато они имели привилегию представить свою роль в исторических событиях в наиболее выгодном свете. Воронков этим не воспользовался; он, если и не чурался своего прошлого – так, мы видим его на фотографии участников II Всероссийского съезда советов, приглашённых накануне 40-летия Октябрьской революции в редакцию «Известий»⁵, – то уж к группе старых большевиков-рязанцев, объединившихся в «Комиссию содействия» при Центральном музее революции СССР (под председательством И.И. Багракова), никогда не примыкал, не сочинял воспоминаний и не отправлял в Рязанский обком КПСС писем с перечислением своих заслуг. А тот, кто здравствует, но не напоминает о себе, мало чем отличается в представлении новых поколений от покойника. Синодики же «не доживших» составлялись историками партии весьма избирательно – это коснулось и целого ряда рязанских деятелей, таких как И.Е. Потёмкин, А.А. Казанский, С.В. Окушко, оставшихся совершенно забытыми. Да и что касается имён, окружённых почётом, – в послеоттепельное время причины массовых смертей, пришедшихся на 1937–1939 годы, стали обходиться стыдливым молчанием. В 1960–1980-е гг. была создана приглашенная и отлакированная картина событий рязанской истории 1917–1920 гг., а личности их фигурантов превратились в лики, лишённые всяких примет индивидуальности. Начиная же с 1990-х гг. интерес исследователей перенёсся главным образом на репрессивную политику Советской власти, но с тем же пренебрежением к широкому контексту. Кумачовый цвет книжных обложек сменился на зловеще-чёрный, однако перемена знака с плюса на минус, как и следовало ожидать, не привела к какому-то исследовательскому прорыву даже на уровне фактографии. Поэтому интереснейший, драматический, запутанный, противоречивый, переполненный персонажами и событиями период рязанской истории остаётся освещённым совершенно неудовлетворительно. Не оценён по-настоящему и масштаб деятельности Воронкова.

Предлагаемый ниже биографический очерк – первое обращение к перипетиям воронковской судьбы, весьма далёкое от полноты, но необходимое как дополнение к тем сведениям, которые Воронков сообщает о себе в своих дневниках. Мы не собираемся дублировать последние, на тех же периодах, которые в дневниках не освещены, остановимся подробнее. Вместе с тем, помим фактографических, мы пытаемся решать и более сложные задачи, помня слова Э.Ю. Соловьёва: «Непосредственным объектом биографии является жизнь отдельного человека от момента рождения до момента смерти. Однако предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, каждый раз оказывается социальная и культурная ситуация. Только по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления»⁶.

Это положение судьба Воронкова, культуртрегера по призванию и участника социальной революции, иллюстрирует идеально. История Воронкова

есть история его самоосуществления в контексте неповторимо своеобразной эпохи. Насыщенности событийной канвы его биографии сопутствует не менее высокое духовное напряжение; жизненная драма нашего героя неотделима от драмы идейной.

Крестьянин по сословной принадлежности, ставший интеллигентом в первом поколении, Михаил Иванович Воронков родился 26 октября 1893 г. В биографических справках местом его рождения называется село Белоомут – огромное, лежащее на левом берегу Оки и граничившее с вековыми лесами Мещеры село Зарайского уезда Рязанской губернии. Действительно, жизнь рода Воронковых была связана с Белоомутом, точнее, той его половиной, что называлась Нижним Белоомутом⁷. Владельцем Верхнего Белоомута был Николай Платонович Огарёв, в 1846 г. отпустивший из крепостной зависимости все 1866 душ, числившихся в селе по 8-й ревизии⁸. Так что с издателями «Колокола» Воронкова, зачитывавшегося всю жизнь Герценом, судьба связала ещё до рождения. Однако появился Воронков на свет всё же не в Белоомуте: согласно данным, приведённым в характеристиках выпускников Александровской учительской семинарии 1913 г., Михаил родился в с. Столпово Зарайского уезда⁹. Он был последним ребёнком в семье, после братьев Василия (1879–1932), Алексея (1890–1934) и сестры Клавдии (?–1912). Порода Воронковых вышла кряжистой: и дед Никита, и отец Иван (? – ок. 1900) отличались большой физической силой, брат Алексей увлекался борьбой и даже выступал на арене под псевдонимом Громов. Михаил был самым низкорослым из братьев, но и он на коллективных фотографиях смотрится в общем ряду крупным мужчиной. Оба деда, Никита Воронков и Панкрат Барыкин, родились при крепостном праве и вели совершенно патриархальный образ жизни, сочно описываемый М.И. Воронковым в его белоомутском дневнике 1929 г. Первым из рода, кто нарушил крестьянскую традицию и пошёл по учительской стезе, стал дядя М.И. Воронкова Михаил Никитич (1863–?), окончивший в 1882 г. Поливановскую учительскую семинарию в Подольском уезде Московской губернии, а в 1899 г. – учительские курсы в Рязани¹⁰.

По окончании двухклассного училища в родном селе Воронков поступил в 1909 г. в Рязанскую Александровскую учительскую семинарию, готовившую педагогов для сельских школ. За право обучения в семинарии на средства губернского земства Воронков дал 19 июля 1909 г. подписку, что обязуется прослужить в земских школах Рязанской губернии учителем или помощником учителя не менее шести лет¹¹.

В семинарию Воронков поступил вместе с земляком-белоомутцем А.П. Кошелевым, а затем обрёл и новых друзей. Его однокурсниками были будущие коллеги по губернскому отделу просвещения: А.Я. Троицкий, Л.И. Белорусец, П.Н. Ермильцев, Д.С. Прошляков. Семинарскую кличку Воронков получил оригинальную: Бюлов – неясно, то ли в честь германского рейхсканцлера 1900–1909 гг. Бернхарда фон Бюлова (1849–1929), то ли знаменитого дирижёра Ханса фон Бюлова (1830–1894). Так или иначе, А.Я. Троицкий, делая 12 марта 1926 г. на своей книге «Философия и марксизм» дарственную надпись Воронкову, вспомнил именно это прозвище: «Милому Бюлову на память о днях юности милой»¹². Не менее значимой оказалась встреча с учителями, в частности, со словесником Сергеем Григорьевичем Гусевым, тёплое чувство к которому Воронков пронёс через

всю жизнь. Гусев хотя и был выпускником Московской духовной академии, но настроен был революционно – по собственным его воспоминаниям, «во время революции 1905 г. участвовал в студенческом движении, <...> работал в марксистских кружках среди рабочих-игрушечников в Троицком Посаде. При окончании курса Академии за это претерпел “угнетение”, хотели выпустить без степени кандидата. <...> Но я не собирался служить по духовному ведомству. <...> В 1909 году участвовал в конкурсе на должность наставника русского языка в Ряз<анской> Учит<ельской> Семинарии. Так как мою кандидатуру особенно защищал, в то время “красный”, известный историк А. Ф. Гартвиг, директор семинарии, то поступил я в семинарию с предупреждением от окружного инспектора: “Если будете разводить революцию, то вышибете в 24 часа”. В Учит<ельской> Семинарии я работал с 1909 по 1916 г., работе там я увлекался. Отношения с учащимися были, по-видимому, хорошие, судя по тем отношениям, которые приходилось наблюдать после, особенно во время революции! Из учеников много партийных»¹³.

Во время учёбы Воронков по поручению С. Г. Гусева заведовал литературным отделом семинарской библиотеки, за что при выпуске из семинарии постановлением педагогического совета от 30 мая 1913 г. награждён был двумя книгами – однотомниками А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя¹⁴. Свидетельство об окончании семинарии, выданное Воронкову 31 мая, пестрит отличными оценками. «Четвёрка» только одна – по пению (тем не менее любовь к музыке Воронков пронёс через всю жизнь)¹⁵. В составленной на него педагогами характеристике говорится: «Симпатичный, деликатный, серьёзный и очень интеллигентный юноша. Интересуется литературой и математикой. За отличные успехи и поведение награждён стипендией имени статс-секретаря Милютина. Все уроки в школе дал отлично. Можно рекомендовать в двухклассное училище. Может вести хоровое пение»¹⁶. С 1 сентября 1913 г. Воронков состоял учителем Пошуповского земского начального училища, но уже 10 ноября уволился по прошению¹⁷. В 1914 г. экстерном сдал экзамены за весь курс Рязанского городского реального училища, поступил в дополнительный класс и окончил его 31 мая 1915 г.¹⁸ «При отличном поведении показал отличные успехи по всем 14 предметам, входившим в курс обучения», значится в аттестате. Имена подписавших последний – директора училища Я. В. Кетковича, секретаря педагогического совета С. П. Рюмина, преподавателя Ф. К. Павлова – не раз встретятся на страницах воронковских дневников 1919–1920 гг., когда их автор будет руководить народным образованием всей губернии. Четвёрка у Воронкова была лишь по естественной истории, и тройка – по рисованию¹⁹. В 1915 г. Воронков поступил на техническое отделение Московского коммерческого института, действительным слушателем которого состоял с 15 сентября 1915 г. по 12 мая 1917 г. К 1915 же году относилась его первая связь с революционной организацией, каковой стала «социал-демократическая подпольная ячейка при чаеразвесочной Перлова у Яузских ворот (связной – тов. Сарычев). После революции 1917 года, – писал позднее Воронков, – Сарычев был начальником Чаеуправления; потом я потерял его из виду»²⁰.

Отрицательное отношение к монархическому режиму сложилось у Воронкова гораздо раньше, как явствует из относящегося к 1913 г. юношеского стихотворения «К трёхсотлетию дома Романовых»:

Ещё на площадях поставят сотню медных истуканов,
И будут утверждать, что в них отображён народный гений.
О, нет, за триста лет лихого самовластия тиранов

Народ не осквернен ни «славой» их, ни смрадом преступлений²¹.

Следующим эпизодом стала организация Воронковым кружка сотрудников Всероссийского союза городов для помощи отбывавшим ссылку в Сибири большевикам. Сохранились отправленные Воронкову из Томска летом 1916 г. письма члена РСДРП Ф. Г. Чучина (1883–1942), в будущем организатора советской филателии, а тогда – ведавшего кассой взаимопомощи и нелегальной библиотекой ссыльных, подтверждающие получение денег, вещей и книг²².

Со второго курса Воронков был призван на военную службу, однако на фронт, где его старший брат Алексей добывал себе Георгиевские кресты, попасть не успел и встретил Февральскую революцию в Нижнем Новгороде. Этот период описан Воронковым в публикуемых в данном сборнике воспоминаниях «Из жизни дореволюционного студенчества». Изложение событий заканчивается в них 12 августа 1917 г., когда Воронов был выпущен из школы прапорщиков и назначен младшим офицером в 78-й запасный пехотный полк, расквартированный в Рязани. К тому времени он уже был женат на учительнице Александре Игнатьевне Висневской²³. 25 декабря 1917 г. у них родится дочь Елена.

Единственный документ личного происхождения за этот период – мини-атюрный блокнотик, где на страничке умещается всего по несколько слов, с фрагментарными и не в хронологической последовательности разбросанными записями за июль–август 1917 г., служившими, по-видимому, материалом для чистового дневника, который и лёг в основу книги «Из жизни дореволюционного студенчества».

Отрезок биографии М. И. Воронкова за вторую половину 1917–1918 г. мы заполняем пунктирной линией документальных свидетельств. Увы, «за кадром» остаётся многое – развитие личности нашего героя, становление мировоззрения, сделавшее из него именно в этот период убеждённого большевика. В упомянутом выше блокнотике есть запись за 11 августа: «Приём в организации большевиков. Тёплое чувство»²⁴. Однако в партбилете, в порядке обмена выданном Воронкову Семипалатинской парторганизацией 15 декабря 1920 г.²⁵, датой принятия Михаила Ивановича в партию Военной организацией при Московском комитете названо 12 июля 1917 г. (после разгрома июльской демонстрации и большевистских организаций в Петрограде, как подчёркивал Воронков в своём послужном списке). Эта же дата (полу-стёршаяся) прочитывается и в оригинале членского билета РСДРП № 1926²⁶. Возможно, 12 июля Воронков подал заявление, а 11 августа получил членский билет – за № 1926. В школе прапорщиков он организует группу социал-демократов-интернационалистов, в день выпуска из школы опубликовавшей в газете «Социал-демократ», органе Московского областного бюро Московского комитета и Московского окружного комитета РСДРП «Клятву юнкеров»:

«Товарищ редактор!

Просим поместить следующее заявление группы юнкеров 2-ой Московской школы прапорщиков.

Мы, нижеподписавшиеся, сегодня, в день производства в офицеры, уходя в самую гущу обездоленного люда, в ряды наших товарищей-солдат, клянёмся

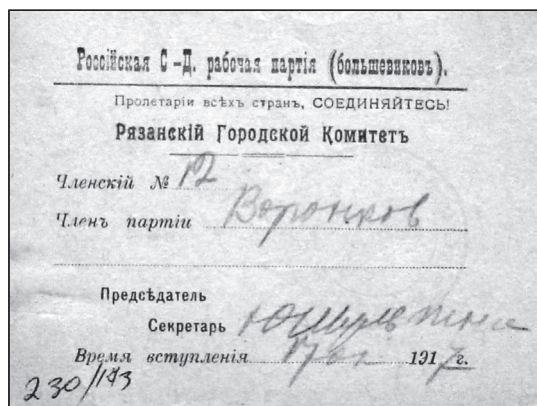
в том, что несмотря ни на какие препятствия и насилия будем смело проводить идеи международного революционного социализма, на страже которого стоят социал-демократы-интернационалисты.

Долой контрреволюцию в армии с её репрессиями и «чёрными досками» для интернационалистов!

Да здравствует революционный социалистический интернационал!

А. Абрамов, Мих. Воронков, Евг. Островский, И. Ульмишек, Лев Марьясин, Ал-др Русанов, Ст. Николаев»²⁷.

Получив первое офицерское звание, Воронков отправляется продолжать службу в почти родную Рязань. 31 августа 1917 г. он избирается членом Рязанского губернского Совета солдатских депутатов от 1-й роты 78 пехотного запасного полка, а 15 сентября – членом исполкома Совета. Свои функции Воронков определял позднее так: «По специальному поручению Исполкома Совета солдатских депутатов ведал организацией защиты солдат и крестьян от преследования со стороны офицеров и помещиков за революционные выступления»²⁸. Этим же днём датировано подписанное председателем Рязанского Совета солдатских депутатов И.П. Каляевым (братом знаменитого террориста Ивана Каляева) удостоверение, что М.И. Воронков делегируется в Московский совет солдатских депутатов²⁹.

Партбилет члена Рязанской городской организации РСДРП(б) М.И. Воронкова. 1917 г.
МИМД

ром – кандидатом в Учредительное собрание³⁰. Этим же днём датировано удостоверение Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов Рязанского гарнизона, выданное члену Совета прапорщику М.И. Воронкову в том, что он делегирован Советом в с. Поляны «для выяснения беспорядков, учинённых солдатами»³¹.

13 октября Воронков выступал на губернском съезде крестьянских депутатов. «Воронков, останавливаясь на предпарламенте, указывает, что он не стоит того, чтобы на него возлагались большие надежды. Говорит, что последнее коалиционное правительство ещё более неудачно, чем прежнее. Касаясь вопроса о войне, заявляет, что народ воевать не желает, что вытекает из обращения русской демократии к народам всего мира. Оратор указывает,

3 октября большевики, в т. ч. и Воронков, покинули заседание объединённой группы рязанских социал-демократов и образовали самостоятельную организацию. 8 октября на губернском совещании РСДРП(б) (которое позднее именовалось 1-м губернским съездом) Воронкова (вместе с Л.Я. Коронном и А.А. Толиным) избрали в состав руководящего органа – районного комитета (прообраз будущего губкома партии) и четвёртым номе-

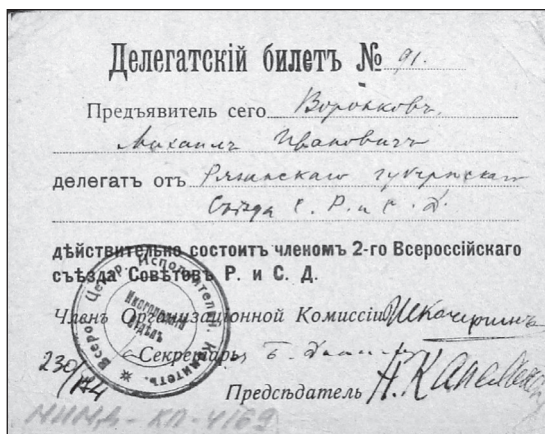
что если вся власть не будет у Советов, то разрешение вопросов в Учредительном собрании может быть не в пользу демократии. Оратор говорит, что в положении о выборах в Учредительное собрание есть пункт, который устраняет крестьян от выборов, указывает на несовершенства предпарламента и необходимость передачи власти Советам и настаивает на опубликовании наших договоров с союзниками»³².

Уже на следующий день Михаил Иванович председательствовал на губернском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, избравшем губернское бюро Советов из семи человек, одним из которых был Воронков³³.

Вывинутые на первый план Воронкову, безусловно, помогли задатки лидера и ораторские способности, которые в сочетании с силой убежденности давали большой эффект. Как вспоминал один из рязанских большевиков: «В самые октябрьские дни у нас в помещении 5-й роты происходил митинг (надо сказать, что 5-я рота находилась под влиянием эс-эров и кадетов, нам – большевикам, говорить почти не давали). Чувствуя слабость наших сил, я побежал в совет солдатских депутатов пригласить на митинг т. Воронкова. Тот охотно согласился. Воронков попросил слова. Говорить ему не давали, кругом свист и крики. Так продолжалось минут 25. Потом дали говорить и

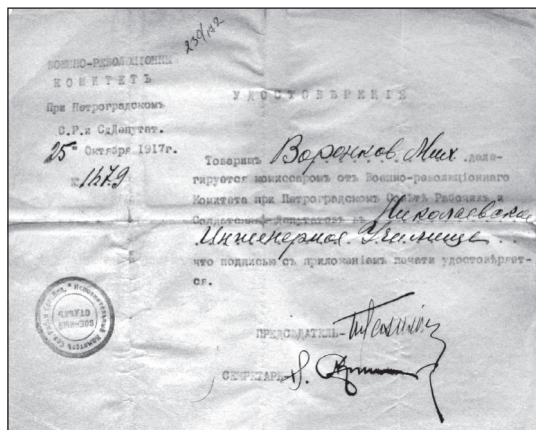
т. Воронков своей речью сумел прямо-таки загипнотизировать аудиторию. В результате была принята резолюция большевиков»³⁴.

Избранный делегатом исторического II съезда Советов³⁵, член фракции большевиков с делегатским билетом № 91 и фракционным билетом № 66³⁶, Воронков оказался в дни Октября в самом эпицентре событий – в Петрограде. Сохранился уникальный документ – отчет Воронкова об израсходовании 200 рублей, полученных для поездки

Мандат делегата II Всероссийского съезда советов
М.И. Воронкова. 1917 г. МИМД

ездки на Всероссийский съезд. По количеству суточных – с 20 по 29 октября – выясняется продолжительность пребывания Воронкова в революционном Петрограде³⁷. Как и ряд других депутатов-большевиков из провинции, Воронков отдал себя в распоряжение Петроградского военно-революционного комитета, являвшегося штабом восстания и планомерно бравшего власть, направляя своих комиссаров во все воинские части, на замену комиссарам Временного правительства. С подписанным председателем ВРК П.Е. Лазмиром мандатом № 1679 от 25 октября 1917 г. Воронков был назначен комиссаром Инженерного военного училища в Михайловском замке³⁸. Участником октябрьского вооруженного восстания стал и старший брат М.И. Воронкова, Алексей, к тому времени – подпрапорщик и полный георгиевский кавалер,

Мандат комиссара Николаевского инженерного училища М.И. Воронкова. 25 октября 1917 г. МИМД

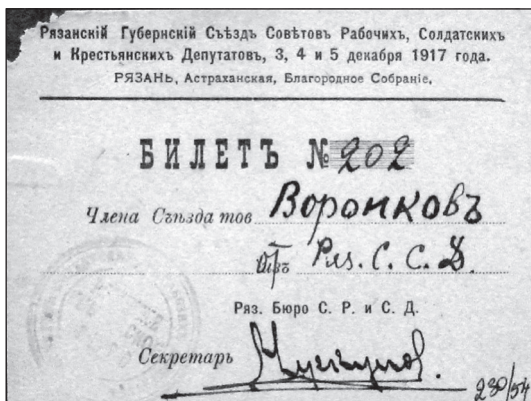
брю дело ограничивалось докладом Воронкова о петроградских и московских событиях перед своей же большевистской фракцией, а на следующий день – чтением лекции «Из истории Всероссийской социал-демократической рабочей партии» на курсах рабочих-агитаторов³⁹, то через две недели в руках Воронкова уже мандаты далеко не мирного содержания. Один из них – достаточно курьёзный, подписанный 20 ноября 1917 г. начальником Рязанского гарнизона подполковником Яковлевым ордер «члену Исполнительного Комитета Совета Солдатских Депутатов прапорщику Воронкову на право закрытия ресторана Курочкина и кафэ “Ливадия”. В случае неподчинения владельцев означенных заведений, названному члену предоставляется право ареста»⁴⁰. Что за история была с этими заведениями – неясно. Может, там спаивали солдат? (Впрочем, столовая «Ливадия» продолжала существовать и в 1919 году, применившись, разумеется, к распределительным принципам «военного коммунизма»). Зато два других документа в комментариях не нуждаются. Удостоверение № 1648 Совета солдатских депутатов делегирует Воронкова «для введения в местное отделение Государственного Банка комиссара от И.К. во исполнение телеграфного распоряжения С.Н.К.»⁴¹, а № 1705 того же Совета – направляет Воронкова, Державина и Казакова «для приведения в исполнение постановления Исполн<ительного> Комит<ета> Советов Солд<атских> и Рабочих Депутатов о замене комиссара Павлова – Труниным»⁴². Таким образом, именно Воронкову выпало смещать губернского комиссара Временного правительства Ф.К. Павлова (кстати, его бывшего педагога по городскому реальному училищу, и так же, как сам Воронков, – свежеиспечённого, после выборов 12 ноября, депутата Учредительного собрания), чем формально и завершился переход власти в Рязани в руки Советов, которые пополнились теперь и крестьянскими депутатами.

Выступая на 1-м губернском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 3–5 декабря 1917 г., где ему опять пришлось председательствовать (как, впрочем, и на всех последующих съездах 1918–1920 гг.), Воронков провозглашал: «Возвратившись со съезда из Петрограда, мы здесь

27 октября получивший чин прапорщика инженерных войск.

По возвращении в Рязань, воодушевлённый всем увиденным и пережитым (позднее он мечтал даже написать стихотворение в прозе о речи В.И. Ленина на съезде), М.И. Воронков оказался в гуще событий, не сравнимых по масштабу с петроградскими, но всё же пронизанных напряжением борьбы за власть – борьбы с далеко ещё не очевидными результатами. И если 4 ноя-

у себя потребовали решительной политики. Топтанье на месте, свойственное бывшему губернскому съезду крестьянских депутатов, привело к тому, что чаша крестьянского долготерпения переполнилась и чувство недовольства проснулось. Крестьяне сами пришли сюда, изверившись во всё. Предстоит

Мандат делегата 1-го Рязанского губернского съезда советов М.И. Воронкова. 1917 г. МИМД

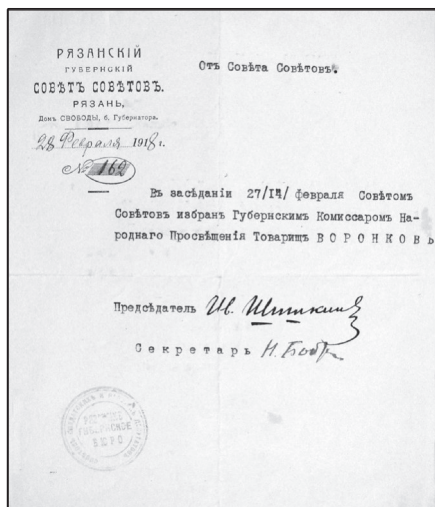
теперь создать власть, не сидящую в комиссариатах, но действительно опирающуюся на народ»⁴³.

теперь создать власть, не сидящую в комиссариатах, но действительно опирающуюся на народ»⁴³.

Судя по дальнейшей управленческой практике Воронкова, «власть, не сидящая в комиссариатах», не была для него отвлечённым понятием, он верил, что именно такой будет Советская власть. Однако первым делом надо было создать сами комиссариаты, и это предстояло сделать выборному Совету Советов в со-

ставе 9 человек (4 левых эсеров и 5 большевиков), одним из которых, разумеется, стал Воронков⁴⁴.

2-й губернский съезд Советов 18 февраля 1918 г. избрал новый орган власти – губернский Исполнительный комитет, в который от фракции большевиков вошёл М.И. Воронков под третьим номером⁴⁵. С тех пор он бесшумно оставался членом губисполкома, вплоть до сентября 1920 г. 23 февраля 1918 г. Воронков участвовал в организационном заседании губисполкома, распределявшем портфели губернских комиссаров. Пост комиссара просвещения, для которого Воронков был как будто бы создан, остался на этот раз не занятым, но 27 февраля Воронков всё же стал губернским комиссаром народного просвещения⁴⁶. Возможно, затяжка с избранием была вызвана какими-то трениями с левыми эсерами, составлявшими в губисполкоме хотя и меньшинство (19 левых эсеров против 23 большевиков), но весьма влиятельное. Так, 28 февраля при избрании двух председателей военно-революционного комитета (чрезвычайного органа, представлявшего собой, по сути, параллельную губисполкому властную структуру⁴⁷), когда от фракции

Выписка из протокола 2-го Рязанского губернского съезда советов об избрании М.И. Воронкова губернским комиссаром просвещения. 28 февраля 1918 г. МИМД

большевиков был выдвинут Воронков, лидер фракции левых эсеров Е. Ф. Муравьев заявил, что «войдёт в Военно-революционный комитет согласно условиям, выставленным партией левых с. р., только в том случае, если в военно-революционный комитет не войдёт т. Воронков»⁴⁸.

4 марта 1918 г., выступая на пленарном заседании Совета Советов, Воронков делает доклад о первых шагах возглавляемого им комиссариата (см. также статью «У колыбели Советского ОНО», публикуемую в данном сборнике). Он «говорит, что созывал представителей от культурно-просветительных организаций на воскресенье, которые в общем одобрили намеченную Комиссариатом программу. Далее т. ВОРОНКОВ просит Совет Советов разрешить вопрос: как быть с библиотеками, которые поступают из уездов, можно ли их принять в состав образующейся Советской библиотеки; ВОРОНКОВ просит ассигновать на распоряжение Комиссариата по Народному Просвещению 5–10 тысяч; освободить т. ШУЛЬГИНА от должности Секретаря с тем, чтобы возложить на него обязанности т. <оварища> Комиссара по Народному Образованию; передать газету “Искру” в Комиссариат по Народному Образованию, утвердить издание 2-х недельного журнала. Т. СЕРЕДА предлагает передать эти вопросы президиуму. ВОРОНКОВ указывает, что эти дела раньше решал весь Совет, он предлагает их вырешить теперь же. Т. БОБРОВ заявляет от фракции левых с. р., что в том случае, если из президиума уйдёт ШУЛЬГИН, то и левые с. р. отзовут своих членов. Предложения т. СЕРЕДЫ принимаются»⁴⁹.

Военно-революционный комитет, ставший под руководством Е. Ф. Муравьева оплотом левых эсеров, очень быстро вошёл в противостояние с Советом Советов, 18 марта постановившим распустить ВРК, что вызвало бурную реакцию и брожение в воинских частях. Рязани грозило оказаться ареной вооружённого конфликта. ВРК, за которым стояла Красная гвардия, продолжал функционировать, а Муравьев по-прежнему являлся на заседания Совета Советов. М. И. Воронков в дни кризиса весьма заметен. 19 марта он недолго занимает место председателя экстренного пленарного заседания Совета Советов совместно с представителями войсковых частей, Совета рабочих и Совета солдатских депутатов г. Рязани⁵⁰. На заседании Совета Советов 23 марта, докладывая о работе своего комиссариата, Воронков, поддержанный С. П. Середой, «указывает на ненормальность того положения, что В.Р.К. пожирает громадное количество Советских денег, чуть ли не 40 тысяч в день, в то время как для других Комиссариатов денег не хватает. Необходимо создать контрольно-распорядительный орган. В него поступают все Советские деньги и он распределяет их. <...> Предложения т. Воронкова и т. Середы принимаются»⁵¹.

Е. Ф. Муравьев. 1916 г.
РИАМЗ

На заседании 25 марта, после того как на улицах Рязани начинают звучать выстрелы, «т. Воронков делает заявление от фракции большевиков: стоит ли В.Р.К. на точке зрения признания Советской власти, и подчинится ли постановлениям Совета Советов?

Т. Муравьев заявляет от имени В.Р.К., что В.Р.К. признаёт власть Совета Советов и подчи-

нится всем постановлениям. Необходимо объединённое воззвание от В.Р.К. и Совета Советов, чтобы убить провокацию о борьбе В.Р.К. с С.С.

Впредь до расследования конфликта партия большевиков отзывает из В.Р.К. своего представителя – заявляет дальше т. Воронков от имени фракции». Он выступает с отповедью Муравьёву, грозившему: «Если С.С. распустит В.Р.К. будет кровавая баня, произойдут ужасные вещи <...> Постановление большевиков – открытие нового фронта – Рязанского». – «Не солдатами нас запугивать надо, а контрреволюцией <...> И если такая будет контрреволюция, тогда к нам придут из деревни и задушат. Нам социалистической армии бояться нечего, она нам не страшна». На том же заседании Воронков временно избирается губернским комиссаром по местным делам⁵².

На заседании 11 апреля вновь вспыхивает полемика между Воронковым и Муравьёвым⁵³. Конфликт шёл к быстрой развязке. 22 апреля В.Р.К. был упразднён, рязанская организация партии левых эсеров отмежевалась от Муравьёва, и Совет Советов вернул себе всю полноту власти⁵⁴. Этот факт закрепил открывшийся 9 мая 1918 г. 3-й губернский съезд крестьянских и рабочих депутатов, председателем которого был избран Воронков, а почётной председательницей – лидер левых эсеров М.А. Спиридонова. 10 мая Воронков выступил с докладом о работе комиссариата просвещения. В докладе были указаны тяжёлые условия работы ввиду того, что «трудовая интеллигенция не идёт навстречу начинаниям Народного комиссариата за исключением немногих. <...> По окончании прений по докладу Комиссара Просвещения Губернский съезд советов постановил:

1) Признать правильным общее направление работ Губернского Комиссариата Народного Просвещения.

2) Учитывая с одной стороны лицемерие и скрытый саботаж большинства образованного общества, с другой стороны – темноту и невежество большинства народа, призвать все честные силы пролетарской, крестьянской и трудовой интеллигенции на помощь Комиссариату к просветительной работе.

3) Принять за правило для всех Советов губернии оказывать самую широкую материальную помощь культурным начинаниям Комиссариата просвещения.

4) Уделить как можно больше внимания на развитие знаний в деревне, как общих, так и сельскохозяйственных»⁵⁵.

11 мая, во время заседания съезда, «прибыла на собрание товарищ Спиридонова, которая была встречена бурными аплодисментами съезда. От имени съезда товарища Спиридонова приветствовал председатель Воронков. С пространный речью выступила товарищ Спиридонова, которая призвала губернский съезд к дружной и сплочённой работе по улучшению продовольственного и финансового вопроса и указала на необходимость организовать реквизиции хлеба у владельцев и распределить его среди населения и голодающих, не дожидаясь предписаний из центра»⁵⁶.

14 мая Воронков выступил перед съездом с ещё одним докладом – от комиссариата по местному самоуправлению. «Тов. Воронков просил делегатов обратить внимание на то, чтоб на местах как можно бережней относились к старым хозяйственным учреждениям бывших земств, чтоб все советские учреждения губернии вошли в тесную связь с губернским советом через

губернское информационное бюро. Между прочим тов. Воронков доложил съезду о порядке передачи учреждений губернского земства комиссариату по местному самоуправлению.

Доклад т. Воронкова без прений принят к сведению».

Вскоре после завершения Воронковым доклада в зале появился член Высшего военного совета республики (все, однако, воспринимали его как наркомвоенна – таковым он и значится в стенограмме съезда) Н.И. Подвойский. Большинством голосов была принята внесённая им резолюция, клеймившая «перед всем населением губернии деятельность военно-революционного комитета, накладывавшего без разрешения губернского совета контрибуции и преступно покусившегося на советскую власть» и требовавшая «передать суду членов военно-революционного комитета и всех лиц, которые оказывали содействие в их преступных действиях». Эта резолюция, а также отмена, по предложению того же Подвойского, военного положения в Рязани подвели черту под историей с ВРК.

«В конце заседания съезд сделал овацию председателю съезда тов. Воронкову»⁵⁷, и эта овация свидетельствовала, что менее чем за год 24-летний выпускник школы прапорщиков превратился в авторитетного лидера губернского масштаба, которому по плечу был любой участок работы, включая ответственнейший военный комиссариат, куда Воронков был вместе с Я.И. Колдановым назначен временно⁵⁸, с заданием упорядочить строительство Красной армии в Рязани. Инициатива в этом назначении принадлежала Н.И. Подвойскому, на которого Воронков произвёл самое благоприятное впечатление. Об этом свидетельствует и подаренный 18 мая Подвойским Воронкову полевой блокнот командира. Именно этот блокнот и стал «Тетрадью № 2» воронковского дневника за 1918–1919 гг.

Воронков в эти недели полон энергии, готов принимать в дополнение к уже возложенным на него обязанностям совсем неинтересные, такие, как страхового отдел совнархоза. Ему помогает непоколебимая убеждённость в своей правоте: когда левые эсеры, недовольные распределением портфелей в новом составе президиума губисполкома, бойкотируют заседание от 23 мая, «Воронков предлагает, не обращая внимания на инцидент, продолжать работу», 26 мая поднимает вопрос, «почему члены быв. Военно-революционного Комитета не были задержаны Комиссией по борьбе с контрреволюцией», 30 мая делает доклад о единовременном налоге⁵⁹. Бойкот городского учительства, как и большинство интеллигенции, не принявшего октябрьский переворот, сломлен, комиссариат просвещения оброс сотрудниками, перед Воронковым – необъятное поле деятельности. Ни один человек в Рязани не получал до него таких широких полномочий и возможности осуществить коренную перестройку всего дела образования, объединить под эгидой государства, упорядочить и стимулировать всю культурную жизнь региона, а главное – никто и не задавался до Воронкова такой задачей. Любой культуртрегер прошлого мог бы ему позавидовать. Но уже в декабре 1918 г. первые же страницы дневника Воронкова дышат обидой и разочарованием: «Очевидно, придётся совершенно отказаться от работы в Рязани; <...> нельзя работать там и в среде тех, кто не хочет уважать в тебе человеческого достоинства», – записывает Воронков 17 декабря.

Что же произошло за полгода? В событийном плане, разумеется, очень много. Республика пожинала горькие плоды Брестского мира, короткой вспышкой промелькнула левоэсеровская авантюра 6 июля (как делегат V Всероссийского съезда советов, Воронков стал его свидетелем в Москве), развернулся беспрецедентный и по территориальному охвату, и по политическим последствиям мятеж Чехословацкого корпуса; после покушения на Ленина вступил в свои права красный террор; первая годовщина Октября ознаменовалась волной крестьянских восстаний в центральных губерниях; наконец, с падением Германской империи был денонсирован Брестский договор и закончилась 1-я мировая война. Серьёзные изменения произошли в персональном составе рязанского руководства: сошёл со сцены скомпрометированный председатель Совета Советов Иван Шишкин, а сам Совет Советов сменился губернским исполнительным комитетом, был арестован комиссар финансов К.А. Клемент-Мериляйнен, оказавшийся авантюристом и самозванцем, 8 июля лишились своих постов левые эсеры, 20 августа комиссариаты стали именоваться отделами губисполкома, в октябре уехали работать в Москву В.Н. и Ю.Н. Шульгины⁶⁰. Зато выдвинулись новые лидеры, В.С. Корнев и М.Н. Шабулин – как и Воронков, выходцы из деревни, окончившие Александровскую учительскую семинарию, после начала 1-й мировой войны призванные в армию и получившие офицерский чин. Вернувшись в 1918 г. в Рязань, оба на первых порах поступили в распоряжение комиссариата просвещения. Шабулин даже был заместителем Воронкова, но в ноябре 1918 г. стал заведующим губернским отделом управления и заместителем председателя губисполкома – т. е. Корнева, который, в свою очередь, перед тем, как возглавить (с 16 августа 1918 г.) исполком, замещал пост комиссара просвещения, вместо заболевшего и ушедшего с 1 августа в двухнедельный отпуск Воронкова⁶¹.

Но весь этот калейдоскоп событий оказывается лишь фоном для конфликта, приведшего Воронкова к глубокому внутреннему разладу. Конфликт этот – в основе своей аксиологический и связан с обнажившимися противоречиями между системами ценностей, принятыми Воронковым, как интеллигентом – с одной стороны и большевиком – с другой. Вступая в партию, Воронков, разумеется, не плыл по течению, а делал сознательный выбор. Он признавал не только теоретическую доктрину наиболее бескомпромиссного крыла революционной социал-демократии, но и принимал как на сознательном, так и на психологическом уровне некоторые идеальные установки. Это идеал социальной справедливости, как единственно верной основы общественного устройства. Пролетарский идеал, исходящий из того, что только у трудового класса, обретшего сознательность и целеполагание, имеются в руках ключи от двери, за которой – светлое будущее человечества. Идеал скреплённый идеей товарищества, очищенного от всякого мелкодушия и достижимого только в партийной среде.

Коль скоро всё перечисленное зиждилось на понятии общего блага, оно вполне могло быть принято подобным Воронкову интеллигентом, определяемым императивами интеллектуальной честности и общественного служения. Существовал, впрочем, в большевистском сознании ещё один идеальный мотив – по сути, эсхатологический: чтобы обустроить мироздание заново, на разумных и добрых началах, старый мир подлежал неуклонному демонтажу.

И, стало быть, интеллигент – даже тот, который большевистскую партию создавал – должен, выполнив свою миссию, принести себя в жертву, чтобы уступить место новому человеческому типу – сознательному пролетарию, строителю и потребителю новой, пролетарской культуры.

К самопожертвованию Воронков был готов, но жертвовать ценностями, которые дало ему приобщение к интеллигенции, – интеллектуальной честности, критического рассудка – он не мог и не хотел. Слишком труден и важен был для него, сына всё ещё патриархальной русской деревни, переход в другую социальную, а главное, субкультурную группу.

Однако как всякие «последние вопросы» тонут в вечно отодвигающемся от наблюдателя горизонте, так и вопрос о месте интеллигента в революции, а тем более, в будущем социалистическом обществе казался Воронкову отложенным до лучших времён, а там уж, скорее всего, имеющим разумное и приемлемое разрешение. Казался – по крайней мере, до того момента, когда на собрании городской партийной группы 13 декабря 1918 г. его уши не резанул крик из зала: «Интеллигенция – дрянь!».

Кровавые эксцессы и даже преступления революции, умножение несправедливости вместо её уничтожения – всё это противоречия, которые допустимо не извинять, но по крайней мере объяснять себе: издержками, отклонениями, флуктуациями, вопиющим несоответствием отдельных лиц выпавшей им исторической роли. Воронков вправе сказать себе, что настоящий большевик – это он, а не обскурант-махаевец. Но чтобы это прозвучало убедительно, надо быть в этом уверенным.

«Мы идём тесной кучкой, крепко взявшись за руки, по обрывистому и трудному пути. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнём». Эти слова Ленина, написанные ещё во времена подпольной борьбы большевиков («Что делать?», 1902)⁶², казались тем более актуальными в условиях разгорающейся Гражданской войны. Как истинный энтузиаст, безразличный к лишениям, вражде и непониманию, Воронков был готов идти под огнём столько времени, сколько потребует достижение великой цели. Но как держать шаг, если вдруг понимаешь, что «тесная кучка» не так уж тесна, что она вовсе не спаяна общим идеалом, что крепкое рукопожатие – это фикция, а твоя рука повисла в воздухе?

Как только большевики укрепляются у власти и перестают делить её с кем бы то ни было, начинаются внутренние распри. В них подчас очень трудно разобраться, ибо за доктринальными расхождениями зачастую скрываются мотивы личные, карьеры или самолюбия. Образуются и рушатся коалиции, временные победители становятся побеждёнными. Можно вычленил несколько типичных линий противостояния: левых и правых, центра и работников на местах, партийных комитетов и советских исполкомов, тех и других – с чекистами, рабочих и партийной интеллигенции.

Для каждой из этих оппозиций найдутся иллюстрации на рязанском материале, и все они, так или иначе, отразились на судьбе М.И. Воронкова. Не слишком погружаясь в перипетии этой борьбы – это тема отдельного исследования на тщательно реконструированной просопографической и фактографической базе – вычленим один, проходящий через 1918–1921 гг., сюжет: «Егорьевск versus Рязань».

Егорьевск, единственный индустриальный центр губернии, всегда тяготел к Москве и стоял от Рязани особняком. Здесь был сосредоточен наиболее многочисленный в аграрной губернии контингент пролетарского населения. Социал-демократическая организация появилась здесь ещё в 1903 г. Неудивительно, что и 1917 год рекрутировал в ряды егорьевских большевиков преимущественно рабочих. Они имели все основания считать, что в октябре 1917 г. пробил их час, и власть в губисполкоме и губкомпарте, в полном идеологическом соответствии с лозунгами пролетарской революции, должна принадлежать им, а не группе рязанских интеллигентов, каковыми в их глазах были Воронков, Сыромятников, брат и сестра Шульгины, Масалков, Шабулин и Корнев. Наиболее активную роль в егорьевской большевистской организации играли члены партии с дореволюционным стажем – И.И. Горшков, К.А. Антипов, И.Е. Потёмкин, Ал.И. и Ан.И. Горюновы, Е.Д. Видулов, из вступивших в 1917 г. – Г.И. Благодрава, Д.Е. Живов, Ф.А. Орлов.

Уже в четвёрку рязанских делегатов II Всероссийского съезда советов 1917 г. входил егорьевец – П.В. Орлов, а в Учредительное собрание от большевиков губернии был избран И.И. Горшков. Но настоящая осада егорьевцами вершин губернской исполнительной власти начинается с 14 мая 1918 г., т. е. с момента избрания в губисполком на III губернском съезде советов И.Е. Потёмкина⁶³. Он-то как раз пролетарием не был, но в силу своей активности обозначил ту идеологическую тенденцию, с которой репрезентовала себя в 1918–1921 гг. егорьевская группа: левизна, апология революционного насилия, «твёрдая линия» военного коммунизма, непримиримость к «соглашателям», интеллигентским колебаниям. Он же нащупал и тактическую схему: путь к власти, сосредоточившийся в исполкомах, лежит через губкомпарт, который вплоть до середины 1918 г. не играл существенной роли. Его следовало превратить в орган, не просто контролирующей деятельность губисполкома, но и диктующий ему свою волю «железной рукой дисциплины».

В день открытия III губернского съезда советов 9 мая 1918 г. Потёмкин был избран товарищем председателя (напоминаем, что председательствовал Воронков)⁶⁴, в составе губисполкома стал секретарём, с 8 июля по 19 августа редактировал рязанские «Известия»⁶⁵, с 18 июля занимался реорганизацией чрезвычайной комиссии и фактически возглавлял её до 21 августа⁶⁶, а также формировал отдел управления, о чём и доложил 27 августа губисполкому⁶⁷.

Но ключевым моментом стал губернский партийный съезд, на котором 27 июля 1918 г. был избран губком. Лица, игравшие ведущую роль в событиях 1917 – начала 1918 гг. и занятые теперь делами своих комиссариатов, в него не вошли. Зато были избраны И.Е. Потёмкин, один из братьев Горюновых, военком Рязанской пехотной дивизии Л.С. Артюхов и недавний участник состязания за звание «короля поэтов» в московском Политехническом музее – С.В. Окушко⁶⁸. Началось «перетягивание каната» между губкомпартом и губисполкомом. Подогрел страсти приезд в Рязань В.В. Кефалиди, «инструктора по организации советской власти», как он именовал себя. Его обследование с 13 по 16 августа отделов губисполкома, заключившееся жёсткой критикой («все отделы, за исключением отдела социального обеспечения <...> находятся в слабом виде, необходимо партии глубже вникнуть и оказать давление на Совет Советов, заставив их выполнить все возложенные на них функции, в

противном случае руководителей отделов следует отстранить от занимаемой должности, и в случае усмотрения покушения с их стороны немедленно предать Революционному Трибуналу»⁶⁹, было на руку губкому.

Деление на левых и правых не предполагает консенсуса; достаточно, чтобы правым (с подразумеваемой негативной коннотацией) тебя объявили, допустим, из-за отрицательного отношения к действиям чрезвычайной комиссии, объявившей тротуары (!) на военном положении. По этому признаку Воронков попадал в правые автоматически, к тому же он, как «рязанский Луначарский», – готовый жупел. Однако первой мишенью Потёмкиным избран был председатель губисполкома Н.В. Масалков, вскоре не выдержавший давления и уже 16 июля заявивший о сложении обязанностей председателя совдепа (исполком отказался «снимать полномочия председателя в такое трудное, критическое время»)⁷⁰. В последний день губернского партсъезда, где он был докладчиком по продовольственному вопросу, Н.В. Масалков вместо заключительного слова заявил, что «т. к. в дебатах по его докладу замечается определённое обвинение его в уклонении от партийной тактики, в нежелании проводить декреты центра по организации Комитетов бедноты и вообще в расхождении по продовольственной политике – он отказывается от работы и просит съезд произвести расследование как над ним, так и над теми товарищами, с которыми он вместе работал в Губернском Исполкоме и которые охарактеризовали его как соглашателя из “Новой жизни”»⁷¹. Поскольку заявление об уходе из губисполкома подал и военный комиссар Я.И. Колданов, в печатной стенограмме съезда появляется текст: «Прений не открывать за недостатком времени, а пока обсуждать заявление т.т. Масалкова и Колданова об уходе их из Губернского Исполнительного Комитета и о назначении над ними следствия, как над товарищами, заподозренными в партийной нечистоплотности.

При обсуждении этого заявления выявилось несколько мнений: по мнению некоторых, инцидент носит личный характер и подлежит решению Губернского Комитета партии, по мнению других – инцидент является результатом принципиального расхождения во взглядах на вопрос о хлебной монополии и организации комитетов бедноты и поэтому нельзя оставлять на ответственном посту товарища, у которого нет уверенности в порученном ему деле, принцип которого он не разделяет»⁷².

Я.И. Колданов. 1918 г.
РИАМЗ

Конечная резолюция гласила: «Отклонить заявление об уходе из Губ<ернского> Исполкома тов. Масалкова и Колданова; тов. Масалкова как хорошего работника назначить в более подходящий по его убеждению Комисариат»⁷³, однако стенограмма с невесть откуда взявшимся пассажем о «подозрении в партийной нечистоплотности» разошлась по всей губернии. Масалков и Колданов сочли это провокацией и на заседании губисполкома 21 августа вновь подали в отставку. Губисполком её отклонил и постановил (шестью голосами, в т. ч. и Воронкова, против трёх) «просить Губернский комитет партии

расследовать, кто небрежно обращался с протоколами и преступно распространял по губернии непроверенными», тем более что председатель съезда Ю.Н. Шульгина категорически заявляла, что протоколов не подписывала. За эту резолюцию голосовал и Воронков. На том же заседании исполком решил: «тов. Потёмкина отозвать из Чрезвычайной Комиссии для постоянной работы в Президиуме»⁷⁴. Нарыв прорвался. 22 августа губком постановил: «Так как заявление Масалкова и Колданова носит партийный характер, то Губернский комитет партии поручает членам Губ<ернского> Исп<олнительного> Комитета провести отмену своего постановления, принятого 21 августа. <...> Все директивы, исходящие от Губернского комитета партии, обязательны для всех коммунистов, а в особенности для членов Губернского Исполнительного комитета. Подчинение сим постановления влечёт за собой исключение из партии со всеми вытекающими последствиями»⁷⁵. Это был вызов, сформулированный в почти издевательской форме («поручает провести отмену своего постановления»). «Мы здесь не пешки, – возмущённо заявил Я.И. Колданов. – Если Губернский Партийный Комитет будет делать все дела, то для чего же сидим здесь мы и тратим народные деньги, а что же касается дисциплины, то Губернский Комитет и сам недисциплинирован». На заседании было проведено поимённое голосование – подчиниться или нет постановлению губкома. Голоса разделились поровну. Семь человек – в т. ч. председатель губисполкома Корнев – проголосовали против, и губком, ничтоже сумняшеся, исключил их из партии⁷⁶. Воронков на том заседании не присутствовал: по постановлению губкома он отправился в Скопинский уезд «для постантовки партийной работы и для налаживания связи уезда с губернским комитетом партии»⁷⁷, и только 9 сентября вновь появился на заседании губисполкома, где четвёртым шёл вопрос «о применении красного террора в Рязани». Было постановлено перенести его в повестку дня следующего заседания. Сразу же вслед за этим Воронков и продкомиссар А.Е. Сошников заявили «о необходимости покинуть заседание Губернского <исполкома> по делам комиссариатов»⁷⁸. На следующее заседание, 12 сентября, Воронков не явился. Заседание это (с участием зорко за всеми присматривавшего ревизора В.В. Кефалиди) было особенно бурным: обсуждение доклада Потёмкина по возглавляемому им Отделу управления и превращённой им в подотдел последнего Чрезвычайной комиссии сразу же упёрлось в тему красного террора.

«СЫРОМЯТНИКОВ говорит, что он приехал из Москвы и в центре в вопросе о красном терроре между Всероссийской Чрезвычайной Комиссией, Центральным Комитетом и СОВНАРКОМом бывают разногласия, разногласия и в освобождениях заложников, при этом приводит в пример освобождение учителя ЗОЛОТАРЁВА и ссылается на ЛУНАЧАРСКОГО. Он указывает, что Губернская Чрезвычайная Комиссия делает много не то, что следовало, при этом обращает внимание на объявление Чрезвычайной Комиссии о военном положении прилегающих к ней тротуаров, и что Комиссия не имела права издавать объявления о крестных ходах. <...>

ПОТЁМКИН протестует против мнения СЫРОМЯТНИКОВА, что в Центре существуют какие-то разногласия по вопросу о красном терроре. Никаких разногласий по этому вопросу не существует и заявление СЫРОМЯТНИКОВА по этому поводу не что иное, как бабьи сплетни, и что деятельность Губернской

Чрезвычайной Комиссии, благодаря такому отношению, нервируются, ей вставляются палки в колёса, и деятельность её должна быть ещё революционнее согласно предписаний Центра. Она имеет право объявлять и прилегающие к Комиссии тротуары на военном положении, так как было уже покушение на Заведывающего Отделом по борьбе с контрреволюцией СТЕЛЬМАКА. Необходимо решительно и неуклонно проводить постановление Центра о терроре <...>

Тов. КОРНЕВ внёс предложение ввиду позднего времени обсудить вопросы по повестке перенести на другое заседание.

Тов. ПОТЁМКИН протестует против действий Председателя и просит поставить этот вопрос на голосование, потому что вопрос о красном терроре необходимо было уже давно решить и не вести по этому поводу длинных прений.

По обсуждению постановлено продолжать заседание и приступить к вопросу о красном терроре.

Тов. БАНАТОВ заявил, что меры террора должны быть проведены в экономической области, а также должны коснуться и продовольственного пайка.

П.Г. Банатов. 1918 г. РИИМЗ

У нас в г. Рязани массовые расстрелы не совсем применимы, у нас ещё нет такого положения, и по своему собственному желанию нельзя этого делать. Вопрос ясен. Необходимо уменьшить паёк в продовольственном отношении и только половину пайка давать буржуазии, особняки же буржуазии занять пролетариатом.

Тов. ОКУШКО находит, что Рязань не была затронута классовой борьбой. Рязань была болотом. Террор должен проводиться во всех отношениях: в продовольственном и жилищном, и необходимо произвести мобилизацию буржуазии для тяжёлых работ. Не могу согласиться с выводом тов. БАНАТОВА, что расстрелы не применимы, должно организовать и проводить расстрелы. Исполком не устроил ко<нцен>трационный лагерь, необходимо возвратиться к этому вопросу и от всех групп взять заложников-главарей, стоящих против Советской власти.

Тов. КЕФАЛИДИ говорит, что буржуи работают в Комиссариатах и некоторые Заведывающие Отделами им покровительствуют, при этом указывает на СЫРОМЯТНИКОВА, Совет Народного Хозяйства и Комиссариат продовольствия и находит необходимым провести чистку в Комиссариатах.

Тов. НАЗАРОВ читает резолюцию: поручить Чрезвычайной Комиссии выполнить все предписания из Центра. Продовольственному Отделу – уменьшить буржуазии раскладку или совсем отменить хлебный паёк, жилищным Отделам немедленно заняться переселением буржуазии из хороших квартир в подвалы на место бедноты и вообще поставить буржуазию в такие условия, чтобы она отказалась от того, чтобы продолжать быть буржуазией.

Тов. БАНАТОВ находит, что благодаря чистке работа в Комиссариатах может разладиться. Необходимо физиономию чистки определить.

Оглашается тов. КОРНЕВЫМ скомбинированная им резолюция из предложений ОКУШКО, БАНАТОВА и др. следующего содержания:

- 1) Выполнять предписания из Центра.
- 2) Создать контр-революционный [sic! – А.Н.] лагерь.
- 3) Выделить контр-революционные группы из местной буржуазии и социалистов – соглашателей империализма, предводители которых должны быть взяты заложниками.

4) Заведывающими отделами должна быть произведена чистка в своих отделах, считаясь в то же время с необходимостью творческой работы революции.

5) Население разбивается на категории по удовлетворению продовольствием.

- б) Безработную буржуазию мобилизовать для общественных работ.

Заседание закрывается и обсуждение вопросов перенесено на следующее заседание 13-го сентября с/г»⁷⁹.

В протоколе не говорится, что процитированная резолюция была принята. «Оглашается» – и всё. Бросается в глаза явная неохота, с которой даже такой авторитарного склада человек, как В.С. Корнев, которому в 1921 г. суждено стать начальником штаба войск ВЧК, ведёт обсуждение вопроса о красном терроре. Зато не смущается рассуждать о расстрелах С.В. Окушко. Пройдёт год, и он сам будет приговорён военным трибуналом к высшей мере наказания за дезертирство со своего поста – к счастью для него, с заменой расстрела отправкой на фронт.

А следующее заседание, от 13 сентября, вообще чуть не срывается. Примеру вновь не явившегося Воронкова следуют ещё несколько человек. Кворума нет, «а поэтому председатель Корнев предлагает перенести заседание.

Окушко протестует против поведения Председателя Корнева, указывая, что заседание переносится опять, т. к. на повестке дня вопрос о красном терроре.

Тов. КЕФАЛИДИ также протестует и оставляет заседание.

После этого явился член Исполкома ЯНКИН и кворум составил. Заседание возобновляется. Кефалиди вернулся опять в зал заседаний.

СЛУШАЛИ: 1. О красном терроре.

После прений постановлено: передать весь материал для редактирования резолюции в Губ. Комитет Партии»⁸⁰.

Причина отсутствия на этих заседаниях Воронкова неизвестна, но Потёмкин и Кефалиди сделали свои выводы. Они не забыли, что своё отношение к репрессивным мерам Воронков косвенно выразил ещё 20 августа, потребовав в письменном заявлении «поставить на повестку следующего засед<ания> Губ<ернского> Исп<олнительного> Ком<итета> вопрос о расстреле 5^{ти} офицеров по постановлению выездной сессии Всероссийской Чрезвычайной Комиссии», правда, сам же на следующий день снял вопрос с обсуждения⁸¹.

Протокол заседания большевистской фракции губисполкома 20 сентября 1918 г. (он отсутствует в официальном протоколе заседания губисполкома, но сохранился в делах губкома, хотя и не полностью) – наиболее откровенный из всех и настолько ясно прорисовывает ситуацию, что заслуживает быть приведённым в обширных извлечениях:

«Заявление Корнева: <...> Работа делается совершенно невозможной. Некоторые указывают на имеющиеся будто бы у нас 2 течения в совете: больше того, говорят, что одна из этих групп, так называемая “правая”, опре-

делённо идёт на срыв советской власти. <...> Председатель Губернского Исполнительного Комитета за последнее время взят на подозрение. Я никогда не забуду, как Кафалиде [Кефалиди. – А.Н.] вот здесь в кабинете говорил, что ему рисуются Козловские события, где председатель Совета руководил недавно контрреволюционным движением. А когда он допрашивал Воронкова, почему он не был на митинге о красном терроре и на собрании, где обсуждался тот же вопрос. Чувствуется, что за каждым твоим словом следят, хотят тебя на чём-то поймать. Те же самые разговоры о группировках были и на только что закончившемся съезде заведующих отделом управления, когда тов. Потёмкин, говоривший после меня, стал говорить, что я не признаю террора оружием. Положение для меня делается ещё более недопустимым, т. к. я уполномочен Областным бюро руководить всей партийной работой в губернии, и я чувствую, что я не только не могу ей руководить, но что на мою просьбу дать мне решающий голос в ГубКомПарт, я получил отказ, а также отказ и в присутствии на некоторых заседаниях ГКП. Кроме того, мы ГубКП исключены из партии, и вопрос этот остаётся ещё не решённым. Я повторяю, так дальше продолжаться не может. И пусть или члены ГКП станут на наше место, и мы уйдём, или этот конфликт должен вырешиться возможно скорее. <...>

Воронков. Ту политику, которая ведётся у нас в настоящее время, я определённо назвал бы политикой щекотания нервов. И я, так же как и говорившие передо мною товарищи, взят на подозрение. Представитель Народно-Коммунистического Внутренних Дел Кефалиди присылает мне вот эту бумажку, где спрашивает, почему я не был на заседании ГИК, когда решался вопрос о красном терроре, почему я не выступил на митинге. И эта бумажка без всякой подписи, носящая, безусловно, не товарищеский характер. В том, что я не явился, видели злой умысел. Я определённо сказал, что относительно митинга я дам отчёт Городскому Комитету Партии, с которым у меня не возникает никаких недоразумений, относительно неявки в ГИК я дам ответ председателю ГИсполкома. Когда к тому же Кефалиди начинает говорить о Козловских событиях, а Чрезвычайная Комиссия вновь поднимает дело о привлечении меня за саботаж в бытность мою военным комиссаром, обвинение, поднятое в партии, которая меня давно уже оправдала по этому обвинению, тогда действительно работать делается невыносимо. Вполне понятно, что например Касимовский уездный комиссар говорит, что я вам не подчиняюсь, ибо вы не пользуетесь доверием партии. Если ГКП не доверяет, то пусть скажет прямо, отзовёт от ответственной работы и даст какую-нибудь канцелярскую, или просто прогонит. Но пусть скажет определённо. А то вот, например Горьковской Комитет предлагает мне читать лекции на курсах. Я не могу читать лекции на курсах. Я не могу читать, ибо не знаю, доверяет мне партия или нет.

Корнев читает вопросы, посланные Кефалиди Воронкову, и замечает, что есть данные, о том, что на подозрение взят т. Колданов.

Окушко. Относительно того, что атмосфера сделалась ужасная, я совершенно согласен с предыдущими товарищами, но не согласен в том, что нельзя вести работу. Ведь ГубКомПарт ведёт же свою работу и ведёт успешно. Кроме того, ни о какой контрреволюции речи не идёт, а просто

Г. К. П. следит за работой членов партии, и если их работа не отвечает задачам партии, то она их отзывает, <...> ГубКом Партии нашёл, что 7 членов ГИспКом не отвечают возложенным на них задачам, он и постановил исключить их из партии. <...> Относительно Воронкова ГубКом Партии определённо ещё ничего не говорил. Я не понимаю, почему смешивают Кафалиде и ГКпартии. Дело идёт не о контрреволюционности, не о личных трениях, а дело в том, что у части членов ГРК заметна расшатанность, и с этой расшатанностью ГКП борется. <...>

Шульгина. Я раньше тоже думала, как говорит Окушко, что здесь есть просто расхлябанность некоторых членов и вопрос идёт действительно о восстановлении дисциплины и поднятии партийной работы, что конфликт может быть улажен. В этом направлении я и вела дело на партийном съезде. Сейчас я вижу, что положение стало действительно безвыходное. Одна часть подозревает другую в том, что делает невозможным совместную работу. В самом деле, ну как можно работать вместе с тем человеком, которого подозреваешь в контрреволюционности. Я определённо заявляю, что недоверие и подозрения есть как с той, так и с другой стороны. И это недоверие выливается в том, что начинают ловить каждое слово, постоянно следят, для того, чтобы найти факты для обвинения. Мало того, наша ссора начинает выноситься на улицу. Губ<ернский> и Гор<одской> комитет не могут договориться друг с другом об исключении Бордаковского, а начинают спорить на столбцах газеты. То же самое происходит и с письмом Назарова. Поведение члена партии считается возможным обсуждать на митинге. Конфликт начинает принимать такой оборот, что необходимо немедленно вырешить. Дальше так оставлять дело нельзя. Нашими ссорами может воспользоваться контрреволюция, как это уже указывал тов. Банатов. <...>

Ю.Н. Шульгина

Потёмкин. То, что говорил Корнев относительно съезда заведующих отдел<ов> управления, действительно было. Я полагал, что утверждение завед<ующего> отделом управления принадлежит ГКП. Корнев полагал, что окончательное утверждение принадлежит ГИспК. Это одно; второе – то, что в своей речи Корнев действительно останавливался преимущественно на применении экономического террора по отношению к буржуазии и я возражал ему в этом направлении, указывая на значение военного террора.

Муругов. Я утверждаю, что есть принципиальные расхождения, и они обнаружались ещё на съезде, но их тогда старались затушевать. Вот, например, то, что заявлял Воронков относительно Касимовского комиссара нар<одного> просвещ<ения> совершенно верно, что Воронков не пользуется его доверием, но только вовсе не потому, что Г. К. подрывает авторитет Воронкова, а потому что у тов. Воронкова совершенно другой взгляд на учительство. Он полагает, что учительство должно заниматься только обучением, но не должно заниматься политикой. Касимовский комиссар думает иначе, и он прав. То же самое и по отношению к удалению части учительства Касимовского уезда:

оно проявило себя явно контрреволюционным. Конец конфликта может быть окончательно достигнут лишь тогда, когда обе группы ясно изложат свои взгляды на целый ряд принципиальных вопросов... <...>

Сыромятников. Я не согласен с тем, что здесь имеются принципиальные разногласия. Дело, по моему, в такте. Люди, взявшиеся проводить твёрдую политику, не достаточно умело проводят её. Благодаря этому и создаётся обстановка, в которой противно работать. В ГубКПартии нет старых работников. Они выпустили вожжи из рук, и в этом их вина. В ГубКПартии вошли волостные социалисты, которые и не обладают достаточным тактом. Меры принять необходимо немедленно. Фракция должна послать от себя представителя в Центр, чтобы вопрос был вырешен в направлении благоприятном для старых работников. 2) Необходимо в кратчайший срок с помощью областного бюро созвать партийный губернский съезд. <...>

Корнев. Я поддерживаю обращение в ЦК, ибо дальше оставаться нельзя так. Сам представитель ГКП называет заседания Г.И.К. шутовскими, и они действительно иногда были таковыми благодаря Г. К. П. Положение ненормальное: Г. К. П. вот уже 2 недели постановил исключить из партии 7 членов ГИК, в том числе и председателя, и до сих пор председатель не отзывается и стоит во главе управления. Надо требовать, чтобы из Ц.К. непременно приехал бы делегат, который бы и разобрался, кто здесь контр-революционер и кого надо поставить к стенке. <...>

Сучков. Вражда между двумя группами про-явилась давно, ещё с самого начала деятельности ГИКом настоящего состава. Во главе оппозиции тогда стоял Потёмкин, который начал нападать на Масалкова, а затем и на всех тех, кто стоял в более или менее близких отношениях с Масалковым. Теперь говорят ещё, что Г. К. П. исключил из Губернского Исполнительного Комитета 7 человек и что же – он сам станет на место этих членов? Я не понимаю, к чему ведётся эта политика. Не понимаю, зачем надо было отложить съезд Советов, который бы выбрал на место этих членов более достойных. Зачем, наконец, отложен съезд комитетов бедноты. Здесь явно ведётся определённая политика и необходимо поставить вопрос о скорейшем созыве съезда советов, а ГубКомПартии не имел бы права до съезда исключать членов из Исполкома, ибо что же скажут съехавшиеся на съезд, когда выбранного ими исполкома не будет, кто будет отвечать съезду за всю работу в губернии?

Муругов. <...> Вот я сейчас по-товарищески буду указывать на вопросы, по отношению к которым мы держимся различных взглядов. Такими вопросами являются, например, вопросы о красном терроре, 2) Об отношениях между ГКП и Советской фракцией, 3) о хлебной монополии и др. Вот здесь тов. Сыромятников, говоря, что нет принципиальных расхождений, сам же указал на них, говоря, что здесь имеется какой-то волостной и городской социализм. Он отрицательно относился к этому, как он выразился, волостному социализму. Этот термин не понятный, но для меня он ясен. Я горжусь тем, что я волостной социалист. Под городскими социалистами Сыромятников понимает тех, кто по существу являются простыми доктринёрами, книжных социалистов. Мы же являемся последователями научного социализма, но не доктринёрами, а практиками. Мы воплощаем принципы марксизма в жизнь, применяем их на практике. Вы же солидаризируете тем, относительно кого

Ленин однажды сказал, что это люди в футляре. Здесь имеются 2 группы: группа революционных борцов и соглашателей. Вся ваша деятельность в Рязани говорит о соглашательстве. Вы не предпринимали никаких мер по отношению к здешней буржуазии. Вся масса возмущена вами»⁸².

Два оппонента, вчерашний присяжный поверенный А.С. Сыромятников и вчерашний студент И.В. Муругов, принадлежат к разным поколениям: первому – 43 года, второму – 21. Сопоставляя две точки зрения – имел ли конфликт сугубо личностный или же политический характер – можно заключить, что прав был молодой да ранний Муругов, за которым шло не отягощённое интеллигентскими комплексами поколение «волостных коммунистов», которые составят затем сталинскую партийную гвардию и найдут свой конец в годы Большого Террора. Но признать, что существует два направления, значит ввязаться в выяснение вопроса, кто «правильный» большевик, а кто «неправильный». Этого Корнев и Воронков хотят избежать, понимая, что в данной политической обстановке демагог, вооружённый «левой» фразой, одержит верх. Да Корнев и не теоретик, он человек дела. Тактическое чутьё подсказывает ему ряд последовательных шагов: во-первых, нынешний состав губкома должен быть изменён, во-вторых, председатель губисполкома должен сам возглавить губком, в-третьих, надо избавиться от Потёмкина. Слабое место последнего состояло в том, что, пытаясь действовать через губком, Потёмкин опирался на Наркомат внутренних дел, т. е. советское учреждение, а за Корневым стояло Московское областное коммунистическое бюро, то есть партийный орган.

В течение одного лишь месяца эти задачи были решены. Сначала губисполком 3 октября путём учреждения контрольной коллегии при чрезвычайной комиссии и назначения в неё Н.И. Лырёва де-факто ставит последнего во главе Отдела управления вместо Потёмкина. Когда Потёмкин жалуется в НКВД и заведующий отделом местного управления НКВД В.А. Тихомирнов требует 8 октября: «Телеграфируйте, чем вызвана замена Потёмкина»⁸³, Корнев спокойно отвечает: «Потёмкин был секретарём Президиума Губисполкома, занимая временно должность ЗавОтУправ. ГубкомПарт и ГубИсполКом постановлением 3 октября утвердили временно ЗавОтУправ до партийного съезда 10 Октября Лырёва, студента-коммуниста, присланного Областным Бюро Коммунистов. Потёмкин остаётся секретарём Президиума»⁸⁴. Следом, 10 октября, Потёмкину «за апелляцию на постановление Губисполкома о назначении тов. ЛЫРЁВА заведывающим губернским отделом управления выносятся строгий выговор»⁸⁵.

В этот же день открывается 2-й губернский партийный съезд, на котором присутствует, выступает с докладом о задачах партии и практически во всех прениях представитель Московского областного бюро большевиков М.Н. Муранов. В состав пятёрки рабочего президиума съезда удаётся провести М.И. Воронкова, Я.И. Колданова и П.Г. Банатова, после чего председательское кресло занимает Воронков. Доклад о работе губкома, прочитанный Л.С. Артюховым, слаб и неубедителен. Сапожковский делегат И.П. Говорков говорит, что «губ<ернский> комитет производит на него впечатление трупа, на который как будто бы не налетели после захода солнца гады». Резолюция по докладу, предложенная Артюховым, отклоняется съездом, а принимается

формула перехода к очередным делам, предложенная Корневым. Артюхов вынужден констатировать: «Принимая или отклоняя предложенную мною резолюцию, Съезд там самым высказывал одобрение или порицание деятельности Губернского Комитета. Это был ваш суд над этой деятельностью и вы сказали своё последнее слово; вывод ясен». На выборах в новый состав губкома наибольшее число голосов получают И.В. Муругов (76) и С.В. Окушко (72), а вот Потёмкин с 26 голосами оказывается лишь предпоследним с конца кандидатом в члены губкома. Главный же итог – Корнев, пусть и лишь с 46 голосами, проходит в губком, и сразу же после конференции избирается его председателем, объединив в своих руках власть и партийную, и исполнительную⁸⁶.

На заседании губисполкома 17 октября Ан.И. Горюнов, представитель в Данковском уезде, зачитывает доклад, из которого следует, что тамошняя партийно-советская верхушка, наиболее рьяно проводившая политику красного террора, в сущности – уголовная банда: «Всё, что там было, свидетельствует нам о том, что в наши ряды проникают преступники и разлагают устои нашей партии»⁸⁷.

Наконец, 19 октября поступает телеграмма из НКВД от В.А. Тихомирнова об откомандировании Потёмкина в Москву, в распоряжение наркомата. 22 октября постановление об откомандировании Потёмкина с освобождением его от обязанностей секретаря президиума губисполкома утверждается последним⁸⁸. Конфликт как будто исчерпан. Но «данковское дело» служит предупреждением о новой опасности, идущей из уездов, где «волостные коммунисты» не только с готовностью поделались на «левых» и «правых» и занимаются сбором компромата друг на друга, но, главное, своими злоупотреблениями восстановили против новой власти широкие массы.

Волна крестьянских бунтов, растянувшаяся с 1 по 15 ноября 1918 г., охватила почти всю сельскую местность Рязанской губернии. Были моменты, когда казалось, что большевики контролируют власть только в Рязани и уездных центрах. Лишь полная стихийность, неорганизованность и несинхронность крестьянского движения позволила большевикам устоять. Эти события продемонстрировали как полную непопулярность Советской власти на местах, так и политику в крестьянском вопросе Центра, сделавшего ставку на выморочную идею комитетов бедноты.

Расследование причин восстания ноября 1918 г. вынудило губернские власти обратить серьёзное внимание на положение дел на местах и разослать по уездам своих представителей для проверок. Позднее, выступая 3 марта 1919 г. с отчётным докладом на очередном губернском партийном съезде, В.С. Корнев говорил: «Результат необыкновенный. Раскрыта масса злоупотреблений, ненормальностей и недопустимой преступности. Уездные комитеты партии Раненбургский, Данковский, Пронский, Зарайский, Сапожковский работают неудовлетворительно. Многие товарищи отдают должную дань Вакху и Киприде, пьют спирт, вино, всевозможные настойки и после в общественных местах бахвалятся, как власть имущие. Доклады, заслушанные от наших товарищей по работе в уездах, производят поистине отталкивающее впечатление. Здесь всё налицо: взяточничество, халатность, мордобитие, воровство, непристойное поведение товарищей, доходящее до гнусных насилий; а главное, всё это свило себе прочное гнездо в правительственных и

политических органах – в исполнительных комитетах и комитетах партии. Например, в Зарайске было несколько течений. Представители разных групп ведут между собою борьбу, собирая друг против друга различные компрометирующие материалы. До приезда представителей губернского комитета пьянство развивалось, результатом чего лекарство в аптеках вместо спирта настаивалось на эфире и др. веществах; на пленарные заседания являются выпившие товарищи. Раненбург также имеет за собой довольно много всевозможных фактов и там под коммунистами население знает товарищей, отнимающих и морящих баронов, вымогательствующих от крестьян середняков деньги и продукты. На высших советских постах сидели бывшие преступники.

Пронск – Архангельская волость – гнездо спекуляции и торговли самогонкой: в существующем так называемом “советском кабаке” пьют и комиссары. В чрезвычайной комиссии происходят попойки. В Сапожке тоже пьянство. Пьёт Бордаковский, Афонин, Козлов и компания. Отряд Афонина, чрезвычайного комиссара, пьянствует, производит каждую ночь стрельбу, избивает граждан прикладами. Картина, товарищи, жуткая. Многих из бывших наших товарищей пришлось арестовать. В тюрьмах сидят Севрюгин, Митин, Агапов, Беляев и т. п. Вся эта грязь должна предстать в трибунале»⁸⁹.

И. О. Агапов. 1918 г. РИАМС

Понятно, что Воронков, выезжавший в 1918 г. как минимум в три уезда – Скопинский, Данковский и Касимовский, – был знаком с ситуацией на местах и ранее декабря 1918 г. Тамошние впечатления, наряду с тем осадком, который оставила распря губисполкома и губкомпарта, стали частью его опыта к тому моменту, когда он начал вести «Тетрадь № 2» своего дневника. Ещё более омрачил настроение Воронкова приезд (возможно, инспирированный Потёмкиным) в Рязань инструктора-ревизора НКВД Г. К. Бэрга, гнувшего ту же линию, что и В. В. Кефалиди. Бэрг, как говорил в уже цитированном выше докладе губернскому партийному съезду В. С. Корнев, «не имея ни от областного комитета, ни от Центрального Комитета партии мандата для партийной работы, пользуясь низкими инстинктами некоторых из наших товарищей, приступил к реорганизации городского комитета партии. Интереснее всего, что этот товарищ с советским инструкторским мандатом не счёл нужным ознакомиться с губернским комитетом и вместо сотрудничества и направления работ решил командовать и дезорганизовывать работу своей подчас недопустимой агитацией, внесшей в наши ряды разложение и срыв работы, партийной и советской. На Берга не мог действовать и губернский комитет, для него собственная мания величия была выше всего. Пришлось давать телеграмму Центральному Комитету и ехать в центр, откуда его уже и призвали “к порядку”. Всё-таки городской комитет был переизбран»⁹⁰. Именно на этих выборах нового горкома Воронков и столкнулся с «низкими инстинктами товарищей», кричавших: «Интеллигенция – дрянь!».

С ощущения разочарования в жизни, доходящего до желания пустить себе пулю в лоб, которое накрывает Воронкова 22 декабря, и начинается его днев-

никовая эпопея. 1919 год станет временем нового трудного восхождения. Нет необходимости останавливаться здесь на событиях, отражённых в дневнике, и наших комментариях к нему. Сосредоточимся лишь на некоторых этапах карьеры Воронкова в этот период.

12 февраля 1919 г. Воронков был избран председателем Рязанского горисполкома.

18–23 марта в качестве делегата участвовал в работе VIII съезда РКП (б).

23 августа назначен Рязанским военно-революционным комитетом политическим комиссаром южной группы войск, отражавших мамонтовский рейд, и до 11 сентября находился вместе со штабом.

21 августа выдвинут губисполкомом на должность губернского комиссара продовольствия, а 4 октября, после утверждения его кандидатуры Наркомпродом, вступил в эту должность⁹¹.

7 ноября в Рязани открывается – и это заслуга в первую очередь Воронкова – постоянно действующий театр.

Новые назначения были не столько почётными с точки зрения карьерного роста – хотя Наркомпрод, например, был в 1920–1921 гг. самым важным, после Наркомвоенмора, комиссариатом, – сколько ключевыми и необычайно ответственными. Борьба с топливным и продовольственным кризисом в губернском центре, руководство передним краем обороны в кульминационный момент Гражданской войны, обеспечение продовольствием голодающей Москвы – здесь на кону стояли тысячи жизней, да и у самого Воронкова выбор был – пан или пропал. А главное, погружаясь то в вопросы заготовки дров и замены нефтяных двигателей на локомотивы, то в сферу «голой военищины», то в поиски вагонов для загрузки картофеля, Воронков всё больше отодвигался от заветной культурной и просветительской работы. И если предложение возглавить горисполком Воронков принимает ещё относительно легко (после декабрьского унижения в городской партийной группе новый пост воспринимается как моральная победа), то назначение в политкомы в дни мамонтовского рейда – с большой неохотой, а назначению губпродкомиссаром всячески сопротивляется. Но чувство ответственности и партийная дисциплина берут верх. Недаром ключевое слово в дневниках Воронкова за 1919 год – «необходимо». Впрочем, и на регулярном ведении дневника продовольственная кампания осени 1919 – весны 1920 г. отражается негативно: на записи от 5 октября дневник Воронкова за 1919 г. обрывается, что ставит нас в необходимость заполнить лауну разрозненным документальным материалом.

Так, 8 октября 1919 г. Воронков последний раз председательствует в горисполкоме:

«Слушали: 2. О составе Президиума в связи с уходом тов. Воронкова в Губпродком и тов. Калинин.

Постановили: Товарищ Воронков остаётся председателем для общего руководства делами Горисполкома. Тов. Чернышов и. о. председателя, тов. Калмыкова тов. председателя, т. Байтин секретарём Президиума. Тов. Калинин до утверждения его Членом Коллегии Губпродкома остаётся Членом Исполкома»⁹². (Запомните имя заместителя, а теперь и преемника Воронкова на посту председателя горисполкома – Василий Васильевич Чернышов. Оно нам ещё встретится). В тот же день, 8 октября 1919 г., М.И. Воронков

на заседании горсовдепа (он опаздывает, и в ожидании его прихода меняют местами пункты повестки дня) делает доклад об организации продотрядов и предлагает послать приветственную телеграмму Г.Е. Зиновьеву⁹³.

10 октября Воронков, кажется, в первый раз проводит заседание коллегии губпродкома⁹⁴. Среди калейдоскопа вопросов, решаемых на заседаниях – о сенокосах, об обмолоте хлебов, о подготовке семян, о снабжении продуктами и фуражом учреждений, организаций и населения, о заготовочных и приёмных пунктах, об организации продовольственных курсов и т. п. – вскоре выделяется главный на тот момент: о заготовке картофеля, как основного продукта, способного спасти Москву от надвигающегося зимнего голода. 21 октября после доклада чрезвычайного уполномоченного Наркомпрода в Рязанской губернии Н.Ф. Ковалькова принимается решение разослать членов коллегии губпродкома в уезды для усиления заготовок картофеля, причём самому Воронкову достаются Скопинский и Пронский уезды, а Ковалькову – Данковский и Раненбургский⁹⁵. В уездах Воронков находится с 22 по 28 октября⁹⁶. Вскоре в Рязань приезжает ещё один чрезвычайный уполномоченный – на этот раз от ВЦИК – Н.В. Крыленко собственной персоной⁹⁷. 3 ноября 1919 г. он докладывает А.Д. Цюрупе о совещании вернувшихся из уездов уполномоченных, которые после совещания вновь выехали на места: «Сам лично выезжаю в производящие уезды Рязск, Раненбург, Данков, Скопин, Сапожок»⁹⁸.

В эти же дни, с 20 октября по 7 ноября, идёт лихорадочная работа по завершению ремонта Рязанского советского театра и подготовке его к открытию. Воронков каким-то образом успевает держать под своим контролем и этот процесс.

4 ноября рязанские руководители читают телеграмму ЦК, в энергичных и непреклонных формулировках которой угадываются стиль мысли и слог В.И. Ленина: «С отторжением Воронежской, Курской, Минской, украинских губерний в распоряжении Советской Республики из числа картофелепроизводящих губерний осталась Рязанская. Губерния до последнего времени проявляла халатность. Следовавшего по нарядам сентября–октября–ноября – семь миллионов пудов – не отгружено ничего. По имеющимся последним известиям, губпродорганы начали работать, ссыпка началась. Настойчивым продолжением начатой работы, напряжением всех сил губерния может хоть частью искупить свою вину перед революцией и голодающими рабочими массами. Требуем тесной и сплочённой работы всех органов партии и советской власти с целью исполнения ваших обязательств перед революцией. Сообщаем опыт Костромской, где ссыпка и подвоз к станциям начались лишь после применения репрессий к членам волисполкомов, коммунистам, сочувствующим, не сдавшим излишков. В ноябре Рязанская губерния безусловно ценной усилия обязана заготовить и вывезти четыре миллиона пудов. Точный наряд распределения следует. Ждём краткого делового ответа с указанием проделанной работы, выражающейся в количестве заготовленного и отгруженного»⁹⁹.

В более спокойном и доверительном тоне уже лично к Воронкову обращается 7 ноября 1919 г. член коллегии Наркомпрода А.Л. Шейнман (впоследствии – председатель Госбанка СССР и невозвращенец):

«Дорогой товарищ.

Препровождая Вам в копии посланную Центральным Комитетом в Рязань телеграмму, считаю своим долгом поделиться моими впечатлениями, вынесен-

ными мною из того заседания Центрального Комитета, в котором обсуждался вопрос о снабжении картофелем. До последнего времени Рязанская губерния была в Москве на таком плохом счету, что можно было бы только обсуждать вопрос о принятии тех или иных репрессивных мер к её продработникам. Но с Вашим назначением на должность Губпродкомиссара работа в губернии оживилась, и у нас появилась надежда, что губерния хоть поздно и частью искупит свою вину перед голодающими рабочими массами. Царящий сейчас голод до того жесток, что нельзя принимать никаких оснований к оправданию бездеятельности тех губерний, которые обладают излишками и не отправляют их по нарядам Компрода. Картофельный фонд Рязанской губернии – это почти всё, чем сейчас располагает Советская Республика. И каждый вагон картофеля, предназначенный для вывоза, но остающийся в Рязанской губернии, обозначает голодную смерти. Если к этому ещё прибавить территориальное положение Рязанской губернии в отношении Москвы, то тем нагляднее выступает обязанность этой губернии неутомимо вести продовольственную работу. Доклады Чрезвычайного Уполномоченного Наркомпрода Н.Ф. Ковалькова дают мне уверенность, что Вы отнесётесь со всем должным вниманием к данному Вам Центральным Комитетом заданию. Я со своей стороны прошу Вас ни на одну минуту не ослаблять работы, а наоборот всячески её усиливать. <...> В ближайшем заседании Центрального Комитета, которое состоится дней через десять, по вопросу о картофеле, опять будет обсуждаться вопрос о работоспособности разных Губпродкомов. Я надеюсь, что к тому времени Вы мне дадите возможность доложить об отгрузках на Рязанской губернии не менее 1500 вагонов и тем оправдать данную мною Вам рекомендацию. Считая настоящее своё письмо конфиденциальным, прошу Вас его содержанием делиться лишь с товарищами, заслуживающими доверия»¹⁰⁰.

Рекомендацию Шейнмана Воронков оправдывал. Уже 13 ноября 1919 г. Приказом по Народному комиссариату продовольствия № 160 ему выражалась благодарность: «При обследовании продовольственной работы в Рязанской губернии Чрезвычайным уполномоченным Народного Комиссариата г. Н.Ф. КОВАЛЬКОВЫМ установлено что:

1) Рязанский Губпродкомиссар М.И. ВОРОНКОВ, вполне проникнувшись сознанием лежащих в переживаемый момент на продовольственных работниках общегосударственных задач, проводит своим непосредственным участием в продовольственных операциях на местах планомерную работу по снабжению центров продуктами, в частности – картофелем, энергически выполнял все распоряжения Центральной Продовольственной Власти»¹⁰¹.

Но оказаться на хорошем счету у всеильного ведомства – грозит тем, что ведомство пожелает завладеть тобой всецело: хорошие работники на дороге не валяются. И вот 13 декабря 1919 г. член коллегии Наркомпрода О.Ю. Шмидт (в ту пору – начальник Управления по продуктообмену) пишет Воронкову: «Развитие продовольственной работы в Рязанской губернии продолжает идти крайне неравномерно, приводя то к заметным успехам, то вновь к застою. Правда, Компрод сознаёт, что несколько ослабляет работоспособность Губпродкома отрывом некоторых работников на Украину, но они и были даны в Рязань только временно. С другой стороны, Губпродкому неоднократно постановлениями Совета Оборона и Совнаркома предоставлено право (и

вменено в обязанность) снимать со всех ведомств лучших работников для продовольственного дела. Использовали ли Вы, тов. Воронков, это право? Уверены ли Вы, что у Вас в Губпродкоме собраны все работники, которых губерния может дать, имея в виду, что продовольственное дело (и топливное) признается для настоящего времени наиболее важным? Далее, сделано ли Вами всё необходимое по укреплению подчиненных Вам упродкомов? Не намечается ли уклона в сторону более лёгкой – с виду – но и менее успешной системы назначения уполномоченных Губпродкома и пренебрежения к организационному строительству? Если Компрод решительно отказывается от назначения уполномоченных и строит свою работу на местных органах – губпродкомах, то и от губпродкомов это требует также энергичнейшего построения и непрерывного улучшения упродкомов, с вовлечением в работу исполкомов.

Мы не можем отказаться от впечатления, что работа Рязанского Губпродкома улучшилась бы более радикально, если бы её нынешний руководитель, Вы, тов. Воронков, не делили своё время между различными обязанностями. Согласитесь, что продовольственное дело слишком сложное и ответственное, чтобы его совмещать с какими бы то ни было другими.

Мы настаиваем, чтобы Вы другую работу совершенно оставили и всецело посвятили себя Губпродкому, у нас же окрепнет надежда, что теперь, наконец, Рязанский Губпродком получил настоящего руководителя, чего мы были лишены в течение долгого времени»¹⁰².

Уж кто-кто, а будущий начальник Главсевморпути и автор теории образования Солнечной системы, Отто Юльевич Шмидт, перепробовал в жизни всё и совмещал множество обязанностей. От Воронкова же требует прямо противоположного, при этом – в корне противоречащего намерениям Воронкова, и так уже оторванного от любимого дела. Воронков не мог не чувствовать, что, эксплуатируя его чувство долга и руководствуясь собственными утилитарными установками, система превращает его в заложника. И, как это часто бывает с заложниками, у него проявляется своего рода «стокгольмский синдром». Чем больше, на пределе физических возможностей, работает он сам, тем большее раздражение вызывает у него мысль о людях его прежнего круга – интеллигентах, не разделяющих этой жертвенности, отсиживающихся в окопе, пока он один идёт в атаку. И закрадывается допущение (работает авторефлексия интеллигента!): а может, правы те, кто эту интеллигенцию ни в грош не ставят?

Ещё 10 декабря 1918 г. Воронков с горечью констатировал: «начинается поход против незначительной группы интеллигенции, оставшейся в партии. Будто во всём виноваты эти – сознательно саботирующие интеллигенты. Больно и горько было выслушивать подобного рода обвинения после неустанной полуторагодовой работы на пользу революции». 13 декабря, на уже упоминавшемся собрании городской партгруппы, опасения подтвердились: «Некоторые ораторы перешли границы, называя интеллигенцию “дрянью” и т. д. Нападки были заранее подготовлены; собрание расхлябалось, позабыло о дисциплине и в результате дошло до того, что пришлось бросать председательствование. Было горько и обидно за партию, непонятно, чем вызвано такое недовольство и озлобление».

Но затем мысль Воронкова начинает искать точку опоры в признании справедливости этих нападков. 25 декабря он развивает «точку зрения, что интеллигенция предала нас, оставив бороться на два лагеря против контрреволюции и против тьмы невежества, а потому проклятие истории и грядущих поколений падёт на интеллигенцию». Выстраивается дихотомия «мы – они», причём интеллигенция оказывается – «они».

«О, я теперь только знаю истинную природу всех этих “интеллигентов” на словах, художников, певцов, музыкантов, ученых и т. д. Мало идеализма в человеческой природе, мало готовности к бескорыстной жертве!» – записывает он 28 декабря. Отныне при упоминании интеллигенции Воронков часто использует кавычки. Однако потом маятник размышлений начинает двигаться в обратную сторону: «интеллигенция идёт к советской власти, надо к ней тактичнее подойти» (12 июня 1919 г.); «истинная интеллигенция будет всегда с нами, ибо ей свойственно стремление к новым началам жизни» (21 июня 1919 г.); «смотрю за работой штаба, и убеждаюсь, что бывш<ие> офицеры и вообще интеллигенция будут работать, если обеспечить им человеческое отношение и не лезть с делом и без дела с ругательством и недоверием» (2 сентября 1919 г.).

22 сентября, выступая на учительском съезде, Воронков формулирует: «учительство не разрешило общий для интеллигенции вопрос, куда идти, к Горькому или к Достоевскому, к западу или востоку, к революции и прогрессу или к реакции». А потом снова накапывает обида и раздражение, и 13 ноября 1919 г. на заседании губисполкома Воронков с неожиданным ожесточением реагирует на предложение старого друга А.Я. Троицкого, который, «обращая внимание ГубИсполКома на крайне тяжёлое в продовольственном отношении положение школьных работников, передаёт от Союза работников Соц<и>алистической> Куль<уры> просьбу приравнять учительство по примеру г. Москвы в отношении снабжения к рабочим.

Тов. ВОРОНКОВ, указывая на преступную для трудового интеллигентного слоя – учительства, инертность, до сих пор в своём громадном большинстве продолжающего быть в стороне от Советского строительства, несмотря на все старания ГубОтНарОбраз вовлечь его в работу, высказывает своё удивление по поводу внесённой т. Троицким просьбы».

Это настолько неуместная для бывшего учителя вспышка, что председатель губисполкома М.И. Шабулин, сам бывший учитель, считает нужным возразить:

«Тов. ШАБУЛИН отмечает, что указанное т. Воронковым явление в большей своей части существует не по вине учительства. Последнее в своей среде имеет преданных делу Революции работников, пожалуй, даже в большем числе, чем любая рабочая организация г. Рязани, если принять во внимание % отношение партийных и не партийных в каждом из них.

Постановили: Поручить ГубКомПроду сделать предписание ВолСоветам выдавать предметы довольствия по существующим нормам школьным работникам, активно участвующим в Советском строительстве и всячески помогающим работе местных советских органов»¹⁰³.

Но если интеллигенция – «они», то кто же должен занять место «своего», кто достоин уважения, на кого следует равняться? В марксистском каноне

это место принадлежит сознательному, политически грамотному Рабочему, чьи нравственные качества являются естественным следствием благородства его социальной роли – труженика, не причастного к эксплуатации человека человеком.

Шлейф ассоциаций со словом «рабочий» у Воронкова в 1918–1919 гг. – сугубо положительный и подразумевающий противопоставление варварству крестьянина, ограниченности мещанина и эгоизму интеллигента. Именно в интересах рабочих совершилась пролетарская революция, для них строится новая жизнь, открываются институты, музеи и библиотеки. Отсутствием рабочих среди учеников постоянно попрекает Воронков Рязанские государственные свободные художественные мастерские: ради мещанской молодёжи нечего стараться.

«Всюду надо ставить своих рабочих, энергичных, толковых, суровых в работе и строгих к товарищам – тогда справимся со всеми затруднениями», – записывает Воронков 9 июля 1919 г.

Спустя пять дней он делится впечатлениями от общения с членами городского совета депутатов: «Рабочие кипят неизжитой энергией, всюду стремятся проникнуть сами, во всякую мелочь вникают и разбираются в ней. Что меня особенно трогает, это поистине товарищеское отношение, проникнутое глубоким взаимным уважением. С истинными пролетариями бесконечно приятно работать и по мере сил их приучать к делу строительства социализма и самому учиться у них. Я думаю, во что бы то ни стало организовать выпуск своего журнальчика, двухнедельного, и там буду писать передовые статьи для рабочих, возьму отдел “беседы с рабочими” и обзор печати».

Не случайно проскальзывает здесь прилагательное «истинные». Ведь Воронков прекрасно сознаёт, что есть «часть рабочих, которая по темноте склонна шкурничать и лодырничать».

Но тогда насколько многочисленна эта прослойка «истинных пролетариев» – вдруг и они, подобно «истинным интеллигентам», составляют меньшинство?

По данным Всероссийской переписи 1920 г., население Рязани вместе с пригородными слободами составляло чуть более 46 тысяч человек¹⁰⁴. Рабочих в Рязани на 15 января 1919 г. насчитывалось 1203 человека, членов их семей – 3327¹⁰⁵. То есть пролетариев в Рязани было в два с лишним раза меньше, чем даже дворян, которых, по данным 1916 г., проживало в Рязани 10076 человек!¹⁰⁶

В этих условиях рабочие, которые, как записывал 20 марта 1919 г. в свой дневник просвещённый рязанский обыватель И.И. Проходцов, «везде первая категория и величина: и в про-

Афиша объединённого заседания рабочих организаций г. Рязани. 1919 г. МИИД

дуктах и в жалованье»¹⁰⁷, оказываются новым привилегированным классом. Эгалитарный посыл вновь уводит в ловушку элитарности, тем более, что эта элита в рамках большевистской партии образуется у Воронкова на глазах.

Все эти противоречия не могут не тревожить Воронкова, как и осознаваемая им недостаточность теоретической подготовки, заставлявшая доселе воспринимать сложные жизненные явления скорее эмоционально, чем аналитически. 15 сентября 1919 г. он пишет в дневнике: «За последние дни у меня определённое стремление к работе над собой. Отсутствие целостного мировоззрения стало сказываться на каждом шагу. Недостаток знаний ощущается ещё в тысячу раз острее. Приступаю к самой горячей работе по самообразованию и созданию собственного взгляда на вещи». Но эта потребность в собственном взгляде на вещи раз и навсегда изобличает в Воронкове интеллигента.

Последние дни 1919 года проходят для Воронкова так же, как и весь год, – бурно и под знаком революционной необходимости. Москве вновь не хватает продовольствия, и ЦК требует очередных поставок картофеля. 19 декабря проходит объединённое заседание губисполкома и губкома партии по этому поводу.

«Слушали: тов. Воронков делает сообщение, что он только что говорил по прямому проводу с Москвой с тов. Шейнман, говорившим по поручению т. Ленина. Рязанской губернии предложено в 10-дневный срок перебросить в Москву до 80 000 пудов картофеля. Это диктуется соображениями политического характера. Шейнман предлагает принять решительные меры, мобилизовать партийные силы и выполнить задачу. Вагоны обеспечены Народным комиссариатом путей сообщения. Предлагается сообщить к утру, куда и сколько их потребуется.

Постановили: Мобилизовать до 200 товарищей с тем, чтобы они могли выехать в уезд утром 21-го. В уезды выслать по одному чрезвычайному уполномоченному. <...> К каждому уполномоченному придать по одному заведующему контролёру ссыпных пунктов, по одному товарищу по контролю за работой продотрядов и по два отряда из мобилизованных коммунистов по 15 человек в отряде. Составление списков и мобилизацию т., которые должны будут выехать, поручить составить т.т. Акелину и Миронову. Снабжение продовольствием, деньгами, документами и инструктирование отъезжающих поручить т. Воронкову. Ответственность за подачу вагонов к утру 21-го возложить на т. ШАБУЛИНА. Снабжение оружием отрядов возложить на т. АКЕЛИНА. По выполнению задачи полностью на 800 000 пудов посылку товарищей использовать и для доставки картофеля в Рязань ввиду крайне тяжёлого продовольственного кризиса в городе»¹⁰⁸.

Ленина, однако, проблема беспокоит настолько, что он 21 декабря лично обращается телеграммой к рязанским губисполкому, губкомпарту и губпродкому: «Дорогие товарищи! На вашем совещании 19-го декабря вы постановили в десятидневный срок отгрузить московским рабочим восемьсот вагонов картофеля и наметили ряд мер для проведения этого. Дело прекрасное, но вся тяжесть вопроса в том, насколько успешно и насколько быстро вы справитесь с поставленной вами задачей. Рабочий класс Москвы задыхается от голода. Вопрос спасения его есть вопрос спасения революции. На рабочий

класс Москвы падала и падает главная часть борьбы с контрреволюцией. Красная Армия разбила Колчака и Юденича, очередь за Деникиным. Чтобы обеспечить Красной Армии возможность с наименьшей затратой времени и сил справиться с этой задачей, обеспечивающей возможность окончить войну и приступить к мирному социалистическому строительству, московский рабочий должен был принести ещё одну жертву. Он должен был предоставить для нужд оперативных транспортных средства, которые предназначались для подвоза к Москве продовольствия. При этих условиях, естественно, что окружающие центр мировой революции местности должны прийти ему на помощь. Все партийные, все советские силы должны проникнуться той мыслью, что снабжение Москвы, спасение её рабочего класса составляет их священнейший революционный долг. От вашей энергии, решительности зависят успехи революции. Все на заготовку, все на работы по погрузке и подаче вагонов. Отправление и доставка в Москву продовольственных поездов обеспечивается Народным комиссариатом путей сообщения. Требуйте настойчиво от местных органов Наркомпути исполнения этого обязательства. За работу, товарищи! За быструю решительную революционную помощь московским рабочим!»¹⁰⁹

Ленина Воронков видел и слышал не раз, но лично разговаривать им не приходилось. Здесь же обращение к губпродкому есть по сути обращение к Воронкову. И на него вождь русской революции возлагает миссию – не дать погибнуть от голода столице мировой революции! Эпическое завершение самого удивительного года в биографии Воронкова.

Разумеется, за успешным (из урожая 1919 г. Рязанская губерния отправила в Москву около 2 миллионов пудов картофеля¹¹⁰) выполнении «наряда Ленина», как он именовался в документах¹¹¹, пряталась и не очень приглядная житейская проза. В ней присутствовали и тонны картошки, сгнившей на складах, и сопутствующая всякой штурмовщине неразбериха¹¹², и тот факт, что значительная часть отгруженного картофеля была мёрзлой¹¹³. Но эпичности у 1919 года всё-таки не отнять. Легенда о «комиссарах в пыльных шлемах» была придумана не шестидесятниками, в ней нуждалась сама эпоха Гражданской войны, в противовес той беспощадной реальности, что составляла её повседневное лицо. И когда Воронков утверждал на V губернском съезде Советов 1 июля 1919 г.: «Товарищи, мы живём в легендарно-красивое время, мы не знаем мертвящего покоя мещанства; нам часто приходится пережить за одни сутки то, что другие не переживают за целый год», – он не отдавал дань риторике. Можно даже назвать такие сутки – возможно, кульминационный для «незабываемого 1919-го» день 22 марта, на VIII съезде РКП (б) в Москве начавшийся с известия о драке Г.Я. Сокольников с В.В. Осинским, – распри, знакомые Воронкову по рязанскому внутривнутрипартийному быту, оказываются перенесёнными на самый верх, усугубляя критическую обстановку, в какой оказалась страна на втором году революции, горестным ощущением разброда и шатания в самом революционном штабе. Но вот вечером того же дня, как раз во время речи непримиримого оппозиционера Осинского, в президиум съезда влетает, «скача и прыгая», Бухарин с радиограммой из Будапешта: в Венгрии провозглашена Советская власть! Съезд, мгновенно ставший единым и вновь ощутивший себя подлинным штабом Мировой Революции, в общем

порыве поднимается с мест и поёт «Интернационал». Благодаря описанию Воронкова эта сцена, известная лишь по стенограмме, наполняется эмоциональным содержанием и почти кинематографической зримостью.

За год с небольшим Воронкову удаётся создать функционирующие в Рязани и по сей день Педагогический институт (ныне – Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина), Советский театр (ныне – Рязанский драматический театр), Рязанские государственные свободные художественные мастерские (ныне – Рязанское художественное училище им. Г.К. Вагнера), Музыкальную школу 2-й ступени (ныне – Рязанское музыкальное училище им. А.С. и Г.С. Пироговых), выпустить несколько номеров журнала «Просвещение», открыть драматическую студию, ряд библиотек и техникумов. А сколько ещё проектов бурлит голове Воронкова в 1919 году: организовать «Центральный Рязанский архив»; открыть культурные центры в бывших помещичьих имениях; «силами учащихся» засадить город цветами, кустами, деревьями, овощами и хлебными злаками; сочинить «нечто вроде “Войны и Мира”» (под названием «Красные герои»); написать «Памятку коммуниста»; устроить «санатории в Солотче для больных и слабых учеников»; открыть Пролетарскую консерваторию; «заняться изучением вопроса – почему появились названия деревень»; «написать стихотворение в прозе о Ленине (его выступление 25 октября 1917 г.)»; «справиться в энциклопедии, куда улетает скворец на зиму и когда возник национальный британский гимн»; «выстроить детскую санаторию в Пронском уезде»; наконец, отправиться с группой рязанцев в какой-нибудь совхоз, чтобы из него организовать «культурный центр с производством, школой, народным домом и т. д.». А 6 июня 1919 г. мечтат уносят его в такие дали, что под стать только героям Андрея Платонова: «...Я думаю также над вопросом, нельзя ли как при помощи электричества делать

из земли вытяжки тех красок, которые мы видим в разных цветах».

14 января 1923 г., уже в период острого разочарования в большевизме, Воронков напишет: «Нахлынувшее былое; безотчётная радость жертвенной работы 1917–1919 г. Мысль о взбунтовавшейся интеллигенции – дерзкой в своих попытках управлять без знания».

С точки зрения внутреннего развития 1919 год, год наибольшей большевистской ортодоксальности Воронкова, оказывается всего лишь промежуточным. 1920 год если не меняет его ориентиры кардинально, то вносит много нового; 20 мая Воронков записывает: «Основы мировоззрения пересоздаются или, лучше сказать, кристаллизуются яснее в голове. О! Какая это славная доля, работать над собой, складывать камешек за камешком огромную систему, объёмлющую миро-

Обложка журнала «Просвещение». 1919 г. РИАМЗ

зданье. Последние дни так неотступно роятся в мозгу новые и новые мысли, такую даль необъятную раскрывают мне, столько старых кумиров пылают ярким пламенем!»

Разумеется, всё это коррелируется с теми важными событиями, которые разворачиваются вокруг Воронкова. Перед самым Новым годом состоялось отозвание из Рязани председателя губкомпарта и военного комиссара В.С. Корнева. Вместе с ним и председателем губисполкома М.И. Шабулиным Воронков на протяжении 1919 г. составлял своеобразный триумvirат, управлявший Рязанской губернией. Корнева ещё в октябре 1919 г. намечали на должность коменданта Кремля, но телеграмма М.Н. Шабулина и П.Г. Банатова Ленину, в которой доказывалась незаменимость Корнева для Рязанской губернии, позволила предотвратить отзыв¹¹⁴.

Но 23 декабря Корнев приносит на заседание губисполкома копию телеграммы окружного военного комиссара о своём назначении военкомом в Харьков. Несмотря на накопившиеся взаимные претензии, на усталость от авторитарных замашек Корнева, Воронков протестует, понимая, что на смену Василию Степановичу в губкомпарте придёт, скорее всего, совершенно чужой по духу, а то и враждебный человек. «Т.т. ВОРОНКОВ, ШАБУЛИН, ВЫШЕГОРОДЦЕВ и др. отмечают недопустимость такого порядка отзыва ответственного работника, когда снимают с работы только распоряжением по ведомству без уведомления ГубИсполКома <...>

Тов. КОРНЕВ вносит предложение выдвинуть кандидата на пост РязГуб-ВоенКома.

Тов. ВОРОНКОВ ввиду отсутствия официальных и непосредственных ГубИсполКому адресованных данных предлагает снять вопрос с обсуждения»¹¹⁵. Но к следующему заседанию приходит телеграмма из ЦК, и приходится смириться. 30 декабря Корнев последний раз присутствует на заседании Рязанского губисполкома, избирающего новым военкомом С.И. Фролова¹¹⁶.

Образовавшуюся с уходом харизматичного лидера пустоту немедленно заполняют егорьевцы. Председателем губкомпарта становится истинный пролетарий, член РСДРП с 1904 г., И.И. Горшков, который тут же приводит с собой на должность заведующего информационно-статистическим отделом отсиживавшегося в 1919 г. в губернском совете профсоюзов И.Е. Потёмкина, что сразу же порождает конфликт¹¹⁷. Происходит разделение губкома, членом которого на 5-й губернской партийной конференции был 26 ноября 1919 г. избран и Воронков, на две враждующие группировки. ореол, окружавший в глазах Воронкова образ рабочего-большевика, начинает тускнеть, а тональность рассуждений о пролетариате и интеллигенции – меняться. 9 марта он записывает в дневник: «В группе партийной снова поползли поганые слухи об интригах отдельных групп и лиц. Совершенно не понимаю Горшкова и Антипова. Я думал, что это умные рабочие, понимающие задачи революции и достаточно воспитанные партийные товарищи. Оказались же они людьми с самыми тёмными инстинктами, безумно рвущимися захватить власть, ненавидящими интеллигенцию партийную и старающимися это открыто показать. Становится очень тяжело работать, особенно когда “лицо зверя” показывается там, где его не надо бы видеть».

17 февраля 1920 г. сбывается мечта Воронкова: губисполком решает отозвать его из губпродкома и оставить исключительно заведующим отделом

народного образования, губпродкомиссаром же назначить И.Я. Сметанникова. Одновременно создаётся новый орган – губпродсовещание, в составе М.И. Шабулина, И.Я. Сметанникова и Воронкова¹¹⁸. Однако Наркомпрод, оценивший деловые качества Воронкова, не хочет выпускать его из своих рук. На заседании 13 марта 1920 г. губкомпарт, заслушав «телеграмму Цека В. К. П. № 3481 о неутверждении т. Сметанникова Губпродкомиссаром», постановляет: «1. Принимая во внимание долгую переписку, телеграфные сообщения с Цека, который не утверждая кандидатуру т. Сметанникова определённо заявляет и настаивает на оставлении Губпродкомиссаром т. Воронкова, дальнейшая затяжка этого вопроса невозможна, ибо страдает работа. <...>

Во исполнение телеграммы Цека Р.К.П. за № 3481

а) предложить т. Воронкову немедленно приступить к исполнению обязанностей Губпродкомиссара, о чём довести до сведения Председателя Губисполкома т. Шабулина.

б) Для санкции постановления Президиума созвать сегодня экстренное заседание Губкома в 5 час<ов> вечера»¹¹⁹.

Но Воронков на сей раз непреклонен. Он покончил с продработой навсегда – так ему кажется...

Прошедшая 20–22 марта 1920 г. VI губернская партийная конференция, уловив тенденцию, заданную представителем ЦК РКП (б) А.О. Альским, с удовольствием топчет избранный на предыдущей конференции губком, лишившийся В.С. Корнева. Сменивший же последнего И.И. Горшков вообще отказывается выступать с отчётным докладом, и доклад, представляющий собой самообвинение губкома в слабой работе, зачитывает И.В. Муругов. В итоге оба, и Горшков и Муругов, искусно дистанцировались от губкома, в который летят критические стрелы. И понятно, кому они в итоге достанутся: Шабулину и Воронкову. Их имена не называют, но подразумевают. На бесконечных партийных съездах, конференциях и заседаниях у большевиков выработался свой эзопов язык, свои фигуры умолчания и система эвфемизмов. Например, все выступающие как один заявляют, что в партии не должно быть деления на рабочих и интеллигентов. Но означать это может, например, и то, что в партии вообще не должно быть тех, кто себя причисляет к интеллигентам. Стоит представителю ЦК на конференции Альскому заявить: «Кроме того, моё пожелание – устранить деление на коммунистов-интеллигентных и коммунистов-рабочих. Этого деления у нас в Центре нет. <...> Наряду с рабочими Мурановым, Калининым сидит интеллигент тов. Ленин», как следом выходит на трибуну И.И. Горшков и начинает изъясняться нарочито косноязычно: «Я хотел выразить очень дубовато может быть, но 14-летняя подпольная работа в партии не научила меня красиво выражаться и я выражаюсь и мыслю как умею, и как меня научил опыт, который у меня скопился за 14-летнюю практику. <...> Мною было сказано, что нужно создать более единодушный президиум губкома. Было постановлено, что нельзя так выражаться. Я тогда сказал, что мне предлагают говорить не дубовато, не так, как я привык говорить, поэтому поручите сказать доклад другому человеку, и доклад этот сделал тов. Муругов. <...> Здесь для меня, товарищи, как председателя Губкомпарта пришлось установить одну определённую истину: те выражения, те понимания, которые высказываются дубовато, не имеют существенного

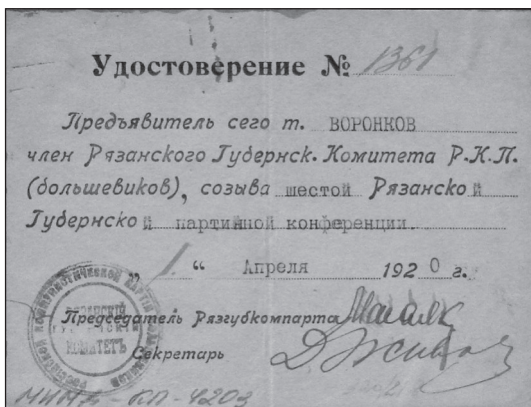
значения для доклада. Я думаю, товарищи, Вам теперь вполне ясно, почему делал доклад не я, а товарищ Мургугов»¹²⁰.

Всем, разумеется, вполне ясно. Но даже справедливо обиженный Шабулин не может назвать вещи своими именами и прибегает к намёкам: «Надо остановиться на одном обстоятельстве. В работе губкома исключительно важно отдельное влияние. Вот где собака зарыта. Работа в губернском масштабе руководствовалась уездной политикой, губернская работа исходила из соображений уездной политики. Вот и ставьте точку. Назначения делались не из соображений дела, а землячество соблюдалось. Скажите больше. Разве это исключительно ошибка пятой конференции, а 6<-> этим не занимается. Товарищи, не повторяйте ошибок пятой конференции, чтобы не приехать на 7<-ю> и говорить об ошибках шестой. Товарищи, наступает весна. Это наш экзаменационный период. Весной у нас петля на шее стягивается с разного рода разругами, очистками. Мы должны напружиниться от партийной мощи. Забудьте землячество, а то у нас дым от встряски пойдёт»¹²¹.

На выборах в губком Воронков получает 64 голоса – больше, чем Шабулин (53), и почти столько же, сколько лидеры егорьевской группировки И.И. Горшков (60), К.А. Антипов (67) и Д.Е. Живов (67)¹²². Но численный перевес в новом составе губкома получают сторонники егорьевской группировки. Председателем губкома после VI губпартконференции избирают К.А. Антипова, к которому Воронков испытывает неприязнь, а секретарём – 23-летнего Д.Е. Живова, «подавлявшего массу возстаний и расстрелявшего не мало контрреволюционеров» (как сам он хвастался ещё в конце 1918 г.¹²³). Таким образом, егорьевцы спустя два года всё-таки прибирают к своим рукам власть – пока партийную – чего не удалось в 1918 г. И.Е. Потёмкину, а в 1919 г. – братьям Горюновым. В условиях, когда начинает стремительно разрастаться и приобретать решающее влияние на всю кадровую политику власти партийный аппарат, этот расклад не сулит ничего хорошего принципиальным противникам егорьевцев ни из состава губисполкома, ни самого губкома.

Поэтому на IX партийный съезд Воронков едет совсем с другим настроением, чем год назад. Тогда, 3 марта 1919 г., он писал: «Был очень счастлив, когда прошёл на Съезд. Там ведь будет цвет нашей партии, там заложится основа III Интернационала, там будет намечен ряд вопросов великого мирового значения».

На сей же раз он сопоставляет баталии, разворачивающиеся на съезде, с тем, чему был свидетелем в Рязани, с отчуждением наблюдает «дикие картины, как они [делегаты. – А.Н.] ордой бегут по Кремлю на обед, чтоб

Удостоверение члена Рязанского губкома РКП(б) М.И. Воронкова. 1 апреля 1920 г. МИМД

захватить очереди, как ссорятся в очередях за маслом и сахаром», и делает неутешительный вывод в записи от 31 марта: «Вот тебе и орабочение! Думаю, что по всей России идёт этот замаскированный бой рабочих верхушек с партийной интеллигенцией, т. е. то, чего я никогда не предполагал. Ведь в этом гибель революции – разложение партии».

Постановлением президиума губкома от 19 апреля Воронкова назначили заведующим отделом агитации и пропаганды, который ещё предстояло организовать¹²⁴. На него возложили также работу с молодёжью¹²⁵. Но иллюзий по поводу своего будущего он не строил. «В Губкоме проводится та же линия выживания интеллигенции – Шабулина мобилизовали на работу в Главполитупуть. Я чувствую, что со мной временно ещё мирятся», – записывает Воронков 20 мая. Хотя до поры до времени всё выглядело благоприспособно. Губкомпарт выдвинул Воронкова докладчиком по международному положению¹²⁶ на VII губернский съезд Советов, открывшийся 15 июня¹²⁷.

И хотя доклад не касается внутреннего положения республики, Воронков считает нужным подчеркнуть «последнее течение среди русской интеллигенции <...> В своих лекциях один видный деятель бывшей К.Д. партии профессор Гредескул призывает стать плотной стеной около Советской власти и, судя по наплыву публики на лекции, вопрос о поддержке Советской власти стал насущным. Этот факт имеет колоссальное значение, он вырывает у международной буржуазии ссылку на враждебное отношение буржуазии в России. Теперь кроме крупных помещиков и бывших жандармов нет больше слоёв, которые не признавали бы Советской власти. Несмотря на подчас грубые ошибки Сов<етской> власти интеллигенция Советскую власть поддерживает, видя в ней единственное спасение»¹²⁸.

Воронков выдаёт желаемое за действительное. Окончание Гражданской войны действительно близко, но тем острее встаёт вопрос: кто именно пожнёт плоды победы. Недаром, выступая на открытии съезда, председатель губкома К.А. Антипов говорил: «Главным вопросом повестки дня 7-го съезда – это выборы Губисполкома. Это вопрос трудный и вы, одушевлённые одной мыслью, рука об руку, должны сделать это кровное дело. Вы должны разрешить вопрос общим порывом, соединённые общим желанием»¹²⁹.

В списке из 25 членов и 15 кандидатов в члены губисполкома, предварительно намеченных губкомпартом¹³⁰, Воронков шёл под первым номером, и то, что 18 июня новый состав губисполкома избрал Михаила Ивановича своим председателем, вряд ли было возможно без согласия губкома¹³¹. В заместители председателя был выдвинут близкий к егорьевцам П.А. Елисеев (он долго работал с Д.Е. Живовым в Рязанском уисполкоме) – таким образом, расстановка сил в новом губисполкоме отражала некий консенсус, установившийся между двумя группировками. Но «гнилые компромиссы» претили Воронкову, так часто писавшему в дневнике: «надо прямо поставить вопрос...», «я спросил напрямик...». Он не был бы самим собой, если бы не отнёсся к своему назначению как к миссии, не попытался бы задать работе ГубИК такую же концептуальную чёткость, к какой он стремился в руководстве народным образованием губернии, и не сделал бы на сей счёт программного заявления. Именно так, на наш взгляд, следует рассматривать «Обращение Губисполкома, избранного съездом Советов 7-го созыва к трудящимся Рязанской губернии»,

опубликованное в рязанских «Известиях» 1 июля 1920 г.¹³² Звучащая в этом обращении (написанном, безусловно, М.И. Воронковым) установка на то, что верховным административным органом губернии является исполком, не могла понравиться губкому. Личность же Воронкова, его авторитет в губернии, его настойчивость в достижении своих целей делали его ещё более опасной фигурой для честолюбивых партаппаратчиков. Всё это приближало развязку, которую Воронков, достигнув в неполные 27 лет вершины своей карьеры, предвидеть, конечно, не мог.

Печалило, что занятие поста предгубИК означало расставание с отделом народного образования, но тот переходил в хорошие руки – старого товарища Воронкова по Александровской учительской семинарии А.Я. Троицкого¹³³. Однако уже через два месяца картина резко изменится. И Воронкова, и Троицкого заставят покинуть Рязань, а заведующим губнаробразом как будто в насмешку станет С.И. Алёшин – тот самый, что разогнал Данковский союз работников просвещения и социалистической культуры, оттого что на уездном съезде этого союза не была принята резолюция, согласно которой «интеллигенция должна сама себя признать злодеем-предателем рабочего класса» (запись в дневнике Воронкова от 4 марта 1920 г.).

Причиной обескураживающе внезапного расставания Воронкова с Рязанью стало то, что егорьевская группировка рядом ловких аппаратных ходов избавилась разом от всех своих оппонентов в органах рязанской власти. Большая группа руководителей, в т. ч. и председатель губисполкома Воронков, отзываются ЦК РКП(б) из Рязани и перебрасываются в другие регионы, что означает для Михаила Ивановича крушение всего здания культурно-просветительной работы в Рязанской губернии, которое он с такими усилиями возводил в 1918–1920 гг.

Эта история так долго замалчивалась, оставила так мало следов в воспоминаниях и документах, и, наконец, совершенно не отражена в дневниках М.И. Воронкова (на лето 1920 г. приходится лагуна), что восстановить все детали, а тем более разобраться в мотивах поведения её участников, довольно затруднительно, поскольку группа, подвергшаяся отзыву, выглядит достаточно разношерстной. Объединяло их, по-видимому, лишь неприятие егорьевцев и их бесцеремонной, если не сказать больше, кадровой политики.

Накануне конференции губком исключил из партии С.И. Фролова, Г.А. Трушина, А.П. Иванова, В.А. Приданцева и С.И. Прусанова. «Исключённые т.т., по мнению ЦК, – выговаривал губкому секретарь ЦК РКП (б) Н.Н. Крестинский в письме № 17506 от 9 сентября 1920 г., – были повинны лишь в том, что пытались на созванном ими собрании членов 3-го района г. Рязани провести резолюцию и делегатов, негодных губкому и райкому. Это право каждого члена партии. Если собрание, созванное ими, было неправомочным, то конференция не допустила бы избранных ими делегатов в свой состав. Если бы при этом конференция признала, что у т.т. не было никаких оснований самим, помимо райкома, созывать общее собрание, то губком имел бы основание наложить на инициаторов небольшое взыскание.

Исключение же из партии, высшая мера возможного для члена партии наказания, настолько явно не соответствовала обстоятельствам дела, что применение его Ц.К. понимал как результат крайнего обострения отношений

уже не принципиального, а фракционно-склочного характера. Поэтому не входя даже в обсуждение того, имели ли исключённые т.т. основание созывать общее собрание района, Ц.К. вернул их в партию»¹³⁴.

Таким образом, накануне 7-й губернской партийной конференции, которая могла либо закрепить успех егорьевцев надолго (т. к. предполагалось продление полномочий губкома вместо прежних трех месяцев на целый год), либо лишить их власти, имела место борьба за делегатские мандаты, настолько острая, что Антипов и Живов не остановились перед признанием нелегитимной одной из районных конференций г. Рязани и исключением из партии двух членов губкома – военного комиссара С.И. Фролова и начальника губполитпросвета А.П. Иванова, а также двух членов губисполкома, каковыми являлись тот же Фролов и заведующий губсобесом С.И. Прусанов. В результате те потеряли возможность участвовать в губернской конференции и лишились своих советских постов. Какое отношение имел к этой истории Воронков, кроме того, что он тоже состоял в 3-й районной группе, а главное, каким образом Живову удалось склонить ЦК РКП(б) к переброске такой большой группы ведущих рязанских работников, ещё предстоит установить.

В список отзываемых из Рязани вошли М.И. Воронков, Н.В. Масалков, А.С. Сыромятников, С.Б. Аскенази, С.И. Фролов, А.П. Иванов, С.И. Прусанов, В.А. Приданцев, Г.А. Трушин, а также И.И. Горшков и К.А. Антипов, что должно было создать впечатление, что устраняются обе стороны конфликта. Однако губком с изящной простотой решил для себя эту проблему, телеграфировав в ЦК, что «товарищи Воронков, Сыромятников, Аскенази, Масалков, Трушин, Фролов, Иванов, Приданцев, Прусанов будут немедленно откомандированы в ваше распоряжение», но вот Антипов серьёзно болен – есть справка от врача, что же касается Горшкова, то «Губком не имеет товарища, способного без ущерба для дела заменить Горшкова, занимающего в Егорьевском уезде пост председателя укомпарта и уисполкома <...> Губком... настоятельно просит отменить распоряжение об откомандировании Горшкова»¹³⁵.

В итоге Горшков и Антипов остались в Рязанской губернии, зато А.Я. Троицкий, не фигурировавший в «проскрипционном списке», был подведён под мобилизацию и отправился воевать с Врангелем.

Естественно, что на VII губернской партконференции егорьевцы получили тот «единодушный губком», о котором мечтал И.И. Горшков. Попытался омрачить Живову и компании торжество А.С. Сыромятников, рязанский партийный Епиходов, но, как всегда, не очень вразумительно: «Не на сознании строилась дисциплина, а на терроре среди партии. Мы явились сюда только с разрешения вашей воли, тут господствовало два голоса над всей партией. Нам говорит Губкомпарт: посмотрите по кружкам и вы увидите деятельность партии. Так разве по кружкам на стене определяется деятельность партии. Или говорят, посмотрите по исходящему и по тому сколько циркуляров мы разослали. Разве циркуляры определяют работу партии. Нет, ни входящие, ни кружки, ни циркуляры, а результаты работ. Мы должны сказать, что идейного влияния циркуляры не имели, не имел этого влияния и сам Губком. Это произошло от того, что Губком построен был неправильно. Он был построен на основе интриг (Срок оратора истёк, его речь прерывается)».

Председателю Рязанского военно-революционного комитета октября 1917 г. просто заткнули рот. А.Я. Троицкий наверняка говорил лучше Сыромятникова, но его речь в стенограмме (а точнее, жалкой пародии на стенограмму) просто опущена: «Дальше в прениях выступают т. Сушкин, т. Троицкий, т. Горюнов и др. товарищи, которые в своих выступлениях ничего нового [sic! – А.Н.] не сказали». Зато приведена речь В.Ф. Романова, о котором Воронков в бытность свою в Пронске писал «как о вымогателе продуктов и баранины в своей волости». Уже на следующей партконференции Романов окажется в «рабочей оппозиции» и будет требовать очистить партию от интеллигенции. А пока он выражает поддержку губкому, которому «в наследие досталась самая неприкрытая склока не только в уездах, но и в г. Рязани. Чтобы работу удалось поставить хорошо, нужно было прежде всего ликвидировать склоку. Склока эта не есть борьба интеллигенции с рабочим классом. Если так смотреть, то пришлось бы некоторых товарищей выгнать из Совнаркома. Тут была борьба по другим причинам. Здесь боролся пролетарский элемент с мещанским»¹³⁶.

«Мещанин» Воронков, если верить стенограмме, на конференции молчал. Сразу после её окончания он выехал в столицу. Во всяком случае, сохранился отпуск удостоверения от 10 (?) августа 1920 г., согласно которому «Председатель РязгубИсполКома тов. ВОРОНКОВ командирован в Москву для доклада Президиуму ВЦИК и НКВД о лесных пожарах, о конфликте в Сапожковском уезде и др. вопросах»¹³⁷.

14 августа заседание губисполкома проходило уже под председательством П.А. Елисеева. Штамповалась učinённая губкомом перетряска: С.И. Фролова и С.И. Прусанова, как исключённых из партии, вывели из состава губисполкома, заведующий губотнаробразом А.Я. Троицкий в связи с мобилизацией на фронт был заменён С.И. Алёшиным¹³⁸.

Последний раз Воронков проводил заседание президиума губисполкома 21 августа¹³⁹. 23 августа датируется выписанное ему удостоверение о командировке в Москву «по делам службы»¹⁴⁰. 24 августа губисполком ввёл в свой состав вместо Воронкова, Масалкова, Аскенази и Царькова кандидатов С.П. Константинова, П.Г. Мертешёва, Ф.В. Любасова и П.Е. Зайцева, председателем исполкома утвердил П.А. Елисеева, а секретарём – Ф.А. Колесникова¹⁴¹.

П.А. Елисеев. 1919 г.
РИАМЗ

11 сентября датировано удостоверение губисполкома, что его бывший председатель «согласно распоряжения Ц.К. Р.К.П. и НарКомпрода направляется в распоряжение Сибирского ПродКома с семьёй»¹⁴². Итак, ускользнуть из сетей Наркомпрода Воронкову не удаётся, хотя он, видимо, рассчитывал, что удастся поработать в сфере образования и в Сибири. Во всяком случае, 11 сентября он обзавёлся в Отделе единой школы Наркомпроса мандатом в Омск «для проведения конференций на местах и для инструктирования губернских и уездных инструкторских коллегий. В случае замеченных недостатков на местах тов. Воронков обязан, приняв меры к искоренению их через соответствующие органы Советской власти, донести одновременно о замеченном Наркомпросу. Отдельным поручением тов. ВОРОНКОВА является собрать

от Отнаробразов губернии доклады о своей деятельности с цифровыми данными и диаграммами, при чём, если где встретится расхождение с Центром, то требовать письменной мотивировки для представления Наркомпросу. Всем Отнаробразам Омской губ<ернии> НАРКОМПРОС предлагает оказывать тов. ВОРОНКОВУ полное содействие в выполнении возложенных на него задач»¹⁴³.

22 сентября Воронков вместе с женой и дочерью выезжает из Рязани, на чём заканчивается самый насыщенный и интересный период его жизни, к тому же наиболее обеспеченный как дневниковым, так и документальным материалом. В дальнейшем у нас уже не будет возможности комментировать отрезки его жизни столь подробно.

Как ни ругал Воронков «рязанское болото», как ни убеждал себя, что «раستاётся с Рязанью без сожаления», что-то в нём в эти дни навсегда надломилось. «В Рязани я похоронил всё», – признавал впоследствии Воронков. Он испытал разочарование в людях – тех, ради которых не щадил себя несколько лет («Так больно было, что вся работа пошла на нет и никто из рабочих даже не протестовал против нашего отъезда»), и даже в своих товарищах по несчастью Сыромятникове и Аскенази: двухнедельное совместное пребывание трёх семей в ползущем через всю страну вагоне-теплушке оказалось непосильным испытанием для их взаимоотношений.

Описание долгого пути из Рязани в Семипалатинск осенью 1920 г. и его деятельность на посту председателя Семипалатинского губпродсовещания запечатлено в дневниках за 1920–1921 гг., – наверное, лучших у Воронкова по литературному качеству, авторской наблюдательности и богатству охваченного материала. На новом месте Воронков вновь оказывается на переднем крае, осуществляя продразвёрстку в казахских степях в тяжелейшую зиму 1920/21 г., когда ещё не успели стереться следы недавней борьбы с Колчаком, а грозным фоном присутствует антибольшевистское восстание крестьян Западной Сибири, бушующее в соседних губерниях.

Хозяйкой судьбы Воронкова по-прежнему является Необходимость, однако подчиняется он ей уже отчасти по инерции, отчасти из желания доказать, что ссылка (если называть вещи своими именами) не выбила его из колеи. Тем не менее, он явно не может освоиться в чужой среде, внутренний диссонанс нарастает, растут и сомнения в правильности избранного пути. Небо казахской степи становится для Воронкова своего рода небом Аустерлица, меняя масштабность восприятия окружающего. На этом фоне отчётливее видятся тщетность громадных усилий (в том числе и его, Воронкова) по выполнению заданий последней продовольственной кампании «военного коммунизма» (продразвёрстку скоро заменяет продналогом), собственная заброшенность в далёком краю, заставляющая с особой силой ощутить связь с семьёй. На передний план выступают обязательства перед ребёнком и женой, отношения с которой выстраиваются непросто. Александра Игнатьевна воронковского альтруизма никогда не принимала и не одобряла, к тому же её нервы чем дальше, тем больше расшатываются. Поэтому при первой же возможности, отказавшись от нового витка карьеры в Сибири – а ему предлагалось, ни много ни мало, возглавить то, что впоследствии назовётся Красноярским краем, – Воронков возвращается с семьёй в Европейскую Россию. В пути его не оставляют раздумья: Воронкову кажется, что для него «выясняется

какая-то новая линия поведения – добросовестно деловая, истинно социалистическая» (запись от 1–10 апреля 1921 г.). Но уже 11 апреля, наблюдая разрушительные последствия Гражданской войны, Воронков пишет: «Какое же страшное потрясение перенесла Россия и каким опасным путём шла до сих пор революция... Какой душевный перелом я переживаю – удивительно – во что он выльется – интересно».

Устроив семью на временное жительство в Рязани, Воронков отправляется в Москву за новым назначением. В Наркомпроде его высоко ценят, поэтому 2 июля 1921 г. ставят на ответственную должность начальника Центрального управления боен и холодильников¹⁴⁴. В подчинение Воронкова переходили, в частности, знаменитые Московские бойни – целый город в городе с десятками зданий, собственной железной дорогой, канализацией и водопроводом.

Сентябрём 1921 г. и знакомством с новой для автора дневника отраслью завершается основной дневниковый комплекс Воронкова, охватывающий период с 1 декабря 1918 по 30 сентября 1921 г. Далее, вплоть до 1929 г., мы располагаем только черновыми или получерновыми фрагментарными записями. Объяснение этому Воронков даёт 14 июня 1922 г.: «Мелькает день за днём, и нет времени остановиться и подробно описать всё то интересное, что словно в кинематографе или на пластинке граммофона развёртывается и разыгрывается перед очами. Приходится ограничиваться лишь случайными эпизодами и набрасывать, за недостатком времени, самыми общими штрихами. В этом горе нашего времени: мало кто сумеет по-должному зафиксировать и оценить события; все вертятся, как марионетки».

В марте 1922 г. Воронков принимает участие во Всероссийском продовольственном совещании и 20 марта 1922 г. выступает на подготовительной секции с докладом о военном деле¹⁴⁵. В свои обязанности Воронков погружается, как всегда, с полной добросовестностью, но как же далеки вопросы мощности ежедневного убоя скота от того, к чему всегда лежала его душа! Тем более, что хозяйство Воронкову досталось очень сложное и не всегда подвластное его контролю. И всё это накладывалось на глубокое недовольство собой, на размышления «о цене жертв и достигнутых результатах» революции, «об ужасе целую жизнь быть винтом в огромной машине, вращающейся для целей неизвестных» (записи от 14 и 15 января 1923 г.).

Драматическое стечение обстоятельств – падёж в ноябре 1922 г. пригнанного на Московские бойни скота, следствие и суд над Воронковым по обвинению в служебных упущениях – неожиданно быстро разрешило все сомнения. 20 февраля 1923 г. Воронков покидает свой пост, а 25 марта подаёт заявление о выходе из рядов РКП(б). В справке о своей работе, составленной в начале 1960-х гг., Воронков объяснял этот щекотливый момент так: «в связи с категорическим отказом Наркомпрода и Московского городского комитета партии (секретарь – Зеленский) отпустить меня с продовольственной работы на просвещенческую и преподавательскую работу я подал заявление о выходе из партии»¹⁴⁶.

Текст заявления сохранился, и мы считаем нужным без сокращений привести этот важнейший документ, подводивший итог целому этапу жизни Воронкова:

«В ЯЧЕЙКУ РКП при НАРКОМПРОДЕ

Копия Ц.К.Р.К.П.

Копия НАРКОМУ Н.Н.БРЮХАНОВУ МКРП

В 1917 году 12 июля, т. е. тотчас же после разгрома большевиков в Петрограде и открытия гонения на них по всей России, я вступил в партию (в военную организацию при М.К. Р.С.-Д.Р.П. (6-ов). Для меня было ясно, что разгромленные большевики несут с собой трудовому народу избавление от рабства и эксплуатации. Почти шесть лет я старался положить все свои силы на укрепление и защиту Советской Власти и партии. И как делегат 2-го, 5-го и других Всероссийских Съездов Советов и Съездов Партии, и как ответственный работник Рязанской организации, и как Политком на Мамонтовском фронте и, наконец, как продовольственный, я, по моему глубокому убеждению, отдал всё, что мог для революции.

Квалифицированный работник просвещения, я постановлением Рязанского Губкома, а затем и распоряжением Н.Н. Крестинского был переброшен в 1920 1919 году на продработу: провёл одну кампанию в России, другую в Сибири, в роли Рязанского Губпродкомиссара и Председателя Семипалатинского Губпродсовещания.

По возвращении из Сибири просился на просветительную работу, но приказом Замнаркомпрода И.И. ФРУМКИНА был против моего желания, в порядке трудовой дисциплины назначен начальником Центрохладобойни Наркомпрода в июле 1921 года. За время моего управления Центрохладобойней с июля 1921 года по февраль 1923 г. я девять раз возбуждал вопрос об освобождении меня и откомандировании в Наркомпрос, так как работа по управлению бойнями и холодильниками меня не удовлетворяла и требовала больших специальных знаний. На все свои ходатайства я получил отказ, что могут подтвердить Замнаркомпрод А.П. СМИРНОВ, т. МУРАНОВ и СЕРЕДА, к которым я обращался по этому поводу, а также мои ближайшие сотрудники и сохранившиеся в делах документы.

В ноябре 1922 года на Московских бойнях случился падёж скота, неожиданно присланного из Твери, Рыбинска и Костромы. По этому поводу было наряжено следствие, а 13–17 марта происходил судебный разбор этого дела. На суде все свидетели подтвердили, что налицо была катастрофа с внезапным поступлением скота, что Губпродкомы не исполнили наших приказов не отправлять в Москву больше 500 голов, что скот был в последней степени истощения и стельный, что необходимые меры со стороны Наркомпрода и мясохладобойни были приняты. Всё же суд счёл справедливым заклеить меня званием уголовного преступника, осудив за неприятие мер (каких — неизвестно). Правда, я, как (по выражению приговора) ценный работник от наказания освобождён, но, тем не менее, клеймо “уголовника”, человека с “уголовным прошлым” осталось на мне навсегда.

У меня путаются мысли при одном воспоминании об этом; я думаю, что никогда ни одним своим поступком или словом не повредил рабочей республике, тем более, не согрешил против неё “в уголовном порядке”. Думаю, что и на встречавшихся со мной весьма ответственных работников — т.т. Брюханова, Смирнова, Фрумкина, Подвойского, Середа, Максимовского, Зеленского, Муранова, Крыленко, Мицкевича и др. я не производил впечат-

ления способного на уголовщину человека. Но должно быть старая русская поговорка о суме и тюрьме права.

Я прошу Ячейку с сего числа считать меня выбывшим из числа членов РКП; уголовным нечего делать в партии. Волею суда я обречён на то, чтоб закупориться в себя, войти головой в культурную работу, и только. Я рисковал, когда, как рядовой солдат революции, безоговорочно принял навязанный мне пост, и за это наказан на всю жизнь.

С товарищеским приветом Мих. Воронков

25 марта 1923 г.

Подлинник получила 26/III 23 г. З. Абельман»¹⁴⁷.

Не приходится сомневаться, что заявление писалось в состоянии крайнего возбуждения («у меня путаются мысли...»). В тексте перемешиваются противоречивые чувства: жалоба и упрёк, оскорблённая гордость и самоуничужение; бросая партии вызов, Воронков одновременно возводит её на недосыгаемую для себя высоту. Между уходом с должности и заявлением лежит месяц, следовательно, оно было и выстраданным, и спонтанным одновременно; разрубить гордиев узел, вероятно, помогла какая-то эмоциональная вспышка.

Тяжёлые переживания, в т. ч. связанные с мыслью о самоубийстве, зафиксированы в разрозненных дневниковых записях Воронкова января–апреля 1923 г. Он даже выбрасывает, от греха подальше, в Москву-реку свой револьвер. Вместе с тем, записывает Воронков 5 апреля, «временами я всё же ощущаю прилив новых сил, так как свежая точка опоры – наука, и только она явилась источником этих сил. Попутно сурово критикую то, в чём сомнения беспорны». 29 июля его настигает непонятный тринадцатичасовой припадок: «С 11 часов утра и до 12 часов ночи я не мог опомниться; мне всё казалось, что я разделён на части и каждая часть отдельно движется и живёт. <...> Я был один в квартире, и, очнувшись в полночь, почувствовал, что я был близок к смерти».

Безусловно, неимоверные испытания предыдущих шести лет отложили свой отпечаток на здоровье Воронкова. Ещё 23 января 1919 г., пройдя призывное освидетельствование, он записывал: «Комиссия признала меня годным на штабную должность, а не в строй; положение скверное; очевидно, здоровье раскочалось значительно, необходимо позаботиться о себе немного, а то оставить Лелёку и Шуру сиротами – преступление». В Семипалатинске, в записи от 23–28 февраля 1921 г. Воронков жалуется: «я уже почти потерял память в этой собачьей атмосфере постоянной грызни со всеми. Я чувствую, как сильна моя усталость и как понижается с каждым днём работоспособность. Самое скверное – это постоянные головные боли и острая атрофия памяти». В 1927 г. знаменитый психиатр П.Б. Ганнушкин (кстати, по происхождению рязанец) описал форму «нажитой психической инвалидности» у молодых людей, не имевших опыта и знаний, которых события двух революций, 1-й мировой и Гражданской войн выдвинули на ответственные посты, требовавшие крайнего напряжения и полной самоотдачи, не считаясь с физическими возможностями. Он выделил три группы симптомов. К первой относил большую возбудимость и раздражительность, которая выходит за пределы астенической раздражительной слабости. Ко второй, более распространенной, группе симптомов

он отнёс приступы депрессии различной интенсивности и длительности, что связывалось с особенностями конституциональной основы, реакцией пациента на то или иное тягостное переживание, имевшее место в прошлом. Наконец, третья группа симптомов, как самое частое проявление, представляла различного рода психогенные истерические расстройства. В результате тяжелого переутомления – физического, интеллектуального, морального – у больных, по Ганнушкину, развивается поражение мелких сосудов мозговой коры, и, таким образом, функциональное (невротическое) расстройство переходит в органическое, что в течение двух–четырёх лет приводит «к стойкому, неизлечимому ослаблению интеллектуальной деятельности»¹⁴⁸. Так, в ноябре 1931 г. вынужден был оставить пост секретаря Верейского райкома ВКП(б) бывший председатель Рязанского губкомпарта И.И. Горшков, заболевший «нервно-психическим расстройством, неврастенией в высшей форме со склерозом мозга»¹⁴⁹.

У нас нет достаточного материала, чтобы трактовать биографию Воронкова в патографическом ключе, и было бы чересчур смелым утверждать, что последующие полвека, прожитые Воронковым, есть своего рода *historia morbi*, тем более что интенсивность интеллектуальной работы его на протяжении долгого времени оставалась очень высокой, а ранний выход из партии избавил Воронкова от тех стрессов, с которыми он неизбежно столкнулся бы, продолжая занимать ответственные посты на протяжении 1920–1930-х гг. Тем не менее, 16 августа 1929 г. Воронков отмечал в дневнике: «Доктор <...> говорит о беспорядке в нервной системе: по коже писать можно». Дермографизм обычно свидетельствует о функциональных нарушениях со стороны центральной и вегетативной нервной системы. По интонации дневниковых записей нельзя не заметить, что Воронков становился с годами всё более раздражительным и эгоистичным, резким и нетерпимым в оценках людей. Множество восклицательных знаков, которыми завершается фраза, – этого в ранних дневниках Михаила Ивановича не встретишь, а в 1941 г. такая гипертрофированная эмоциональность текста становится обычной. Сказывалась, вероятно, и тяжёлая атмосфера в семье, источником которой была Александра Игнатьевна.

Так или иначе, частная жизнь, которой посвятил себя после ухода из партии Воронков, не стала раем. И даже относительно привилегированное положение специалиста – работая в Наркомпрод, Воронков получил квартиру в центре Москвы, в доме № 14 на Сивцевом Вражке, где и прожил всю оставшуюся жизнь, – не избавило бывшего делегата партийных съездов от повседневной борьбы за кусок хлеба, от множества бытовых и моральных неудобств, знакомых большинству советских горожан сталинских десятилетий.

Но, думается, Воронков пожертвовал бы любыми материальными благами ради того неоспоримого приобретения, каким стало для него после выхода из партии интеллектуальное раскрепощение. Разумеется, Воронков не избавился от пристрастности оценок, но при нём отныне была его собственная пристрастность, а не навязанный сверху дискурс и образ мыслей, которому обязан был следовать каждый член большевистской партии. Поставив себя вне её рамок, Воронков избавил себя и от двоемыслия, и от ловушек партийности, в которые неизбежно попадали оппозиционеры внутри ВКП(б).

В результате он очень быстро ушёл от большевизма в любых его версиях, и внутрипартийная борьба 1920-х гг. оставила его, по-видимому, равнодушным. Критерий оценки Воронков сформулировал лапидарно:

«Дискуссия в партии имеет в основе следующее. Если партия думает остаться при прежних методах управления, то правы аппаратисты; если же надо менять всю систему управления (не только в партии), то права оппозиция. Если ж болтают только о внутрипартийной демократии, то очень смешна эта кучка “демократов” в стране, где азиатская сатрапия для населения». Приписка на том же листе: «О Ленине в дискуссии говорится как о покойнике» – позволяет датировать эту запись рубежом 1923/24 гг.¹⁵⁰

Как теперь ясно, ранний выход Воронкова из партии спас его от судьбы троцкистов, «правых», Рютина, и даже верных сталинцев, в 1937 г. из первых секретарей обкомов превратившихся в «злейших врагов народа», как, например, хорошо знакомые Воронкову по Рязани И.В. Муругов, Д.Е. Живов и П.Е. Зайцев. К 1937 году члену РСДРП(б) с июля 1917 г. опасно было оставаться в партии при любом развитии событий – и при любых отклонениях от «генеральной линии», и при благополучном развитии карьеры. Воронков счастливо избежал и того, и другого. Перед ВКП(б) он не чувствовал моральных обязательств, и, прекрасно понимая суть сталинской диктатуры, не стремился и к восстановлению «ленинских норм партийной жизни» (хотя к Ленину, кажется, продолжал относиться уважительно), не конспирировал, подобно Мартьямяну Рютину, – да и был гораздо «правее» Рютина, придя ещё в 1929 г. к платформе, которую десять лет назад сам назвал бы контрреволюционной и буржуазно-демократической:

«1) В области политической – демократическая республика, с подлинными свободами слова, печати, собраний и союзов. Всеобщее прямое равное и тайное голосование. Не пройдя этой школы, народ останется диким, и в области политики младенцем.

2) Промышленность пусть остаётся в руках государства, но управляться она должна понимающими дело людьми, подготовленными, отлично оплачиваемыми. <...>

3) В области земельной – земля принадлежит государству и арендуется трудовым населением – фермерами и хуторянами и общинами. Аренда поступает в казну и заменяет бесчисленные и противные населению налоги. Земля в результате такой политики попадёт в руки деловых крестьян. <...>

4) В области идеологической – свобода совести и вероисповедания.

5) Вся административная власть находится под строжайшим контролем судебной власти, которая выборная и выбирается из людей подготовленных и достойных.

6) В области народного просвещения – двенадцатилетняя средняя школа, без религии и без политики. <...>

8) Авторитетов, безгрешных, вроде Ленина и Политбюро, не создаётся, но избранная тайным голосованием власть окружается почётом и уважением.

9) Во главе государства может быть Совет государства из людей высокой честности и глубоких познаний или даже президент.

10) <...> Пресса вся ответственна за печатные произведения; ложные сведения и клевета караются законом. Обличения правдивые не преследуются.

11) Армия в руках Государственного Совета. Война лишь в результате всенародного голосования (тайного)!»

Понятно, какой страшной ересью это могло звучать в «год великого перелома», а ведь в дневнике 1933 г. его критика не просто жёстче, но доходит до ожесточения и тотального неприятия советской действительности: «Всё, с чем шла революция, опоганено и осквернено. Борьба с деспотией? Мы имеем деспотию худшей марки, в стиле Чингиз-хана и Ивана Грозного.

Борьба с эксплуатацией? Эксплуатация никогда нигде не цвела так пышно, да ещё под эгидой профсоюзов. <...>

Равенство? Это слово – смешное для СССР. Равенство для трудящихся погребено в тот самый момент, когда открылась кремлёвская столовая.

Братство? Это слово – непонятное для СССР. При целой иерархии чинов и пайков, презрении и злобе друг к другу, обуревающих всех, и бюрократическом отталчивании на стоны и проклятия страдающих людей – о чём говорить?

Свобода? Это слово в СССР употребляется лишь при необходимости поиздеваться. Да и по нашим законам, кажется, свободно можно только передвигаться по СССР.

Социализм? Святость этого слова во всей чистоте сохранена лишь в сердцах евреев [sic! – А.Н.], для которых оно означает то же самое, что и слова “мутная вода”.

Коммунизм? Теперь уже все<м> ясно, что этим понятием оперируют в целях крупного обмана. Нравы татарщины – в политике, пугачёвщины – в хозяйстве, инквизиции – в культуре, скотного двора – в быту – вот чем характеризуется жизнь огромной массы населения в СССР» (запись от 1 августа 1933 г.)

А в записи от 3 ноября Воронков приходит уже к отрицанию социалистической идеи и социальной революции вообще: «Как хорошо, что большевики навсегда разбили у человечества веру в социализм, в революцию, что отучили смотреть на них и вообще на революционеров как на подвижников, людей, болеющих и борющихся за общее дело. Всем этим бредням – осиновый кол!».

Из-за того, что непрерывность дневников нарушена и мы вынуждены перепрыгивать из 1923 года в 1929-й, а потом в 1933-й, метаморфозы Воронкова кажутся поразительными. Трудно поверить, что процитированная выше тирада принадлежит делегату двух большевистских съездов, что один и тот же человек, осмотрев 4 декабря 1918 г. покои рязанского архиерея, заключал: «дом без сомнения надо занять под госпиталь, сволочь же всю выселить в монастырь», а 4 ноября 1933 г. «с благоговением прослушал всенощную».

Мы не можем проследить, каким путём совершалась эволюция мировоззрения Воронкова, – точнее, здесь надо говорить о коренной ломке мировоззрения, произошедшей за десять лет. Понятно, что эти годы вместили многое: и коллективизацию, и окончательное подавление всякого инакомыслия внутри партии, и всё более нарастающий вал репрессий, уже коснувшихся хорошо знакомых Воронкову людей. Очень тяжёлое впечатление должен был произвести на него арест и расстрел в 1930 г. соседа по дому – профессора А.В. Рязанцева, равно как М.Н. Купчина и других специалистов по мясному и холодильному делу, с которыми Воронков работал в Центральном управлении

боен и холодильников. В январе 1933 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) организатором нелегальной антипартийной оппозиционной группировки был объявлен бывший начальник Воронкова по Наркомпроду А. П. Смирнов. Наконец, 1933 год – кульминация великого голода, охватившего юг страны, и Воронкову, который сам осуществлял продразвёрстку в 1919–1921 гг., причины бедствия должны были быть ясны.

Вместе с тем в полярном смещении взглядов Воронкова угадывается нечто предсказуемое, если вспомнить идеологию «Вех» и постсоветскую эпоху, характеризующуюся резким шараханьем мыслящей части общества в сторону консервативных и даже ретроградских идей. В этом отношении пробуждение у Воронкова религиозности одновременно с антисемитскими мотивами вполне друг с другом увязываются.

Прорвавшееся в воронковской инвективе социализму упоминание о евреях – неожиданное и нелогичное – не только обескураживает, но и отрезвляет, напоминая, что Воронков в своей записи от 1 августа 1933 г. отнюдь не предстаёт носителем окончательно найденной истины. Человеку свойственно и прозревать, и заблуждаться одновременно. Демифологизируя тезисы сталинского агитпропа, а вместе с ними и понятия, являвшиеся сверхценными для многих поколений демократической интеллигенции, вполне можно оставаться носителем мистифицированного сознания, и пример Воронкова наглядно это демонстрирует.

Из альтернативы: остаться большевиком или остаться интеллигентом – Воронков выбрал когда-то последнее, иными словами – свободомыслие. Борьба с предрассудками, включая собственные, – бремя интеллигента, леньность мысли ему противопоказана. И если десять лет спустя мы видим Воронкова, мысль которого не сковывает никакая доктрина, не только антибольшевиком, но и антисемитом (дневник 1941 г. лишь в превосходной степени подтвердит этот прискорбный диагноз), то этот феномен требует своего объяснения. Его не обойти ссылкой на индивидуальные девиации автора дневника. Он ведь не обыватель, хотя и фиксирует настроения, широко распространённые в обывательской среде. Рефлексия обывателя слишком слаба, чтобы противостоять суггестии. Воронкова же мыслить критически обязывал его статус. Одно – записывать антисемитские анекдоты как социологический материал, другое – цитировать их не без сочувствия.

Антисемитизм принято ассоциировать с традицией охотнорядского толка, с чётко выраженной антиинтеллигентской направленностью. Разумеется, претензии Воронкова к евреям идут с прямо противоположных позиций: они для него как раз недостаточно интеллигентны и культурны, они – своеобразные приспособленцы. То есть это антисемитизм интеллигента, не националистического и не погромного толка, свободный от конспирологической паранойи, однако не перестающий от этого быть опасным предрассудком, приводящим через ряд промежуточных этапов к печально знаменитому сощещанию в Ванзее.

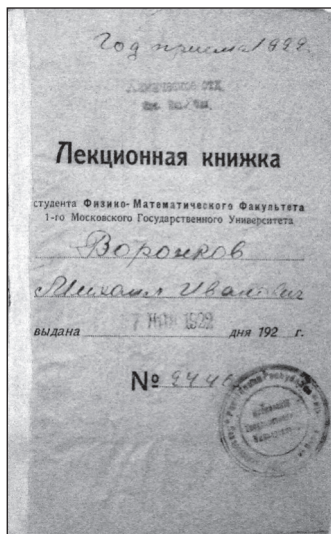
Мы позволим себе высказать предположение, что антисемитский субстрат укоренён в русской интеллектуальной традиции издавна (при том, что доминировала, разумеется, рационалистическая тенденция, табуировавшая любые проявления ксенофобии), и идёт он от того бытового антисемитизма, от той

негативной коннотации слова «еврей», которые унаследовали из духовной среды первые поколения русских интеллигентов-поповичей – ведь хранителем неугасимой лампы антисемитизма в России является православная церковь. У ребёнка нет никаких комплексов. Он просто впитывает всё как губка, в том числе и что «евреи – это плохо». А объяснять себе – почему? – начинает уже много позже, в соответствии со стереотипами своей эпохи и социальной среды. Антисемитский вирус, имеющий теологические основания, может переходить из поколения в поколение, не слишком себя обнаруживая и дожидаясь некой инъекции, чтобы начать в сознании своего носителя разрушительную работу. А в кризисные периоды, вроде распада СССР, не только легитимизируется, но и легко разрастается в целые квазинаучные доктрины, служащие теоретическим обоснованием черносотенства, – ведь именно интеллигент, в отличие от охотнорядца, способен объяснять внятно и красноречиво. И это метастазирование совпадает со всякого рода «возрождениями православия». Можно сказать, что антисемитские предубеждения – это *ultima ratio* Церкви, которая, отпуская из рук собственное порождение – поповича, уходящего во враждебный ей лагерь интеллигенции, подкладывает ему в мозги крохотную мину замедленного действия.

К этой теме нам, к сожалению, ещё предстоит вернуться, говоря о последнем из сохранившихся дневников Воронкова – самом трагическом и безысходном, за 1941 год. Здесь же отметим, что приведённый пример показывает: с годами Воронков не только приобретал, но и терял. Свои мысли он доверял лишь дневникам, а в обыденной жизни оставался скромным советским служащим среднего звена в системе Наркомата просвещения РСФСР. То есть Воронков действительно «закупорился в себе», как писал в заявлении о выходе из партии, замкнулся в «интеллектуальном подполье», на протяжении двух десятилетий адресуя свой гнев, свои сарказмы и своё разочарование в окружающей действительности только одному собеседнику – себе самому. А когда годами всё перекипает внутри, когда нет широкого поля деятельности – это трудное психологическое испытание для такой активной натуры.

Служебная же карьера Воронкова протекала следующим образом. Переведённый приказом Наркомпроса от 8 мая 1923 г. в Кирнаркомпрос¹⁵¹, т. е. Наркомпрос Киргизской АССР, имевшей тогда столицей Оренбург, он предпочёл остаться на некоторое время без работы, но – в Москве. Попытка на протяжении 1922–1926 гг. получить полноценное высшее образование не увенчалась успехом. О причинах судить трудно, т.к. 1924–1928 гг. – самые «глухие» для нас с точки зрения источка обеспеченности дневниковыми записями. Наиболее информативным источником оказывается лекционная книжка № 2446 студента Физико-математического факультета 1-го МГУ, выданная М.И. Воронкову 17 ноября 1922 г. Из неё явствует, что с преподавателями Воронкову повезло: он слушал лекции таких знаменитых учёных как Н.Д. Зелинский, Н.К. Кольцов, И.А. Каблуков, Е.А. Шпитальский, Г.В. Вульф, А.В. Раковский, Я.В. Самойлов. Любопытно, что практикум по геологии Воронкову пришлось сдавать рязанке Е.Д. Сошкиной, родной сестре архитектора А.Д. Сошкина, работавшего в 1918–1920 гг. у Воронкова в ГубОНО. Первый год обучения не принёс Воронкову особых проблем: отметка, датированная 28 сентября 1923 г., гласит: «Минимум сдан». Но 27 октября 1924 г. Воронков

был оставлен на 2-й год на 2-м курсе. 26 ноября 1925 г. Воронков был переведён на 3-й курс с обязательством сдать задолженности за 2-й курс к 20 января 1926 г. Последняя датированная запись о сдаче экзаменов и зачётов относится к 20 мая 1926 г., когда Н. Д. Зелинский принял у Воронкова экзамен по органической химии, и зачёл по этому же предмету практикум¹⁵².

Лекционная книжка студента
1-го МГУ М.И. Воронкова.
1922–1926 гг. МИИД

Бросить в 33 года учёбу в университете – означало для Воронкова либо признание своего поражения, либо того, что он вновь избрал неверный путь. Наука, которую Воронков называл в записи от 5 апреля 1923 г. «свежей точкой опоры», давшей ему новые силы, не впустила его в свой чертог. Всё-таки его стезей была гуманитарная сфера, и на всю последующую жизнь он связал себя с книгой, преимущественно – педагогической. 5 июля 1924 г. Воронков поступил в торгсектор Госиздата на должность заведующего отделом учебников¹⁵³.

Усидчивость и склонность к систематике нашли свой выход в ряде печатных работ Воронкова, появившихся в конце 1920-х – 1930-х гг. В 1928 г. он закончил сравнительное исследование заготовки учебников до революции и после революции¹⁵⁴. 72-страничная брошюра «О заготовке учебников», выпущенная Госиздатом РСФСР, стала первой книгой Воронкова¹⁵⁵. Как писал в 1923 г. в рецензии на три работы Воронкова доцент кафедры педагогики МГУ В. З. Смирнов, в этой работе

«имеет ценность список книг, которыми пользовались школы в дореволюционной школе и в советской школе»¹⁵⁶. Очевидно, в эти же годы был опубликован и ряд журнальных статей Воронкова, которые ещё предстоит выявить. В настоящем сборнике публикуются его воспоминания «У колыбели Советского ОНО», впервые появившиеся в № 11 журнала «Народное просвещение» за 1927 г. Упомянем также и брошюру «Как нам проводить учебную кампанию 1930 года», выпущенную как приложение к №№ 45–46 журнала «На книжном фронте» за 1929 г.¹⁵⁷

Отпуск в августе 1929 г. Воронков провёл в Белоомуте, ведя на протяжении этого месяца дневник, замечательный по богатству отложившегося в нём фольклорного материала и фиксации социальных реалий советской деревни накануне коллективизации. В частности, описан такой интереснейший эпизод, как выступление крестьян Нижнего Белоомута против закрытия церкви.

2 марта 1930 г. заведующая отделом учебников К. Свердлова (вдова Я. М. Свердлова), недовольная взаимоотношениями с руководством и возложенными на неё нагрузками, требуя от Правления Госиздата срочно рассмотреть вопрос о своём освобождении от заведования отделом, пишет: «Я нездорова, прошу предложить тов. Воронкову продвигать текущую работу. Он в курсе всех дел Отдела учебников»¹⁵⁸.

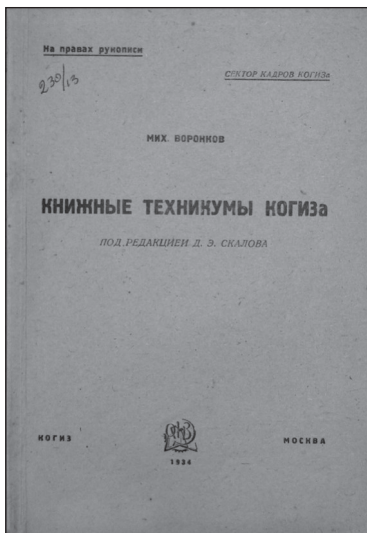
От того же 1930-го года до нас дошли только черновые карандашные записи с 1 по 10 мая на брошюре «Материалы ко 2-му партсовещанию по

народному образованию», описывающие командировку Воронкова в Ленинград. В декабре 1930 г. Воронков был переведён на должность консультанта при заведующем Книгоцентра, как стал называться торгсектор Госиздата, а с марта 1931 г. был заместителем заведующего отделом кадров по учебно-методической части Книгоцентра, переименованного затем в Книготорговое объединение государственных издательств (КОГИЗ)¹⁵⁹. В 1933 г. вышла из печати составленная Воронковым программа курса «Изучение профиля района и потребителя» – специальной дисциплины для книжных техникумов¹⁶⁰. 16 мая 1933 г. датирована справка КОГИЗа, подтверждающая непрерывную работу Воронкова в учреждении с 1924 г. «Справка выдана для представления в Научно-исследовательский институт и ГК союза работников кооперации и госторговли»¹⁶¹. Т. е. Воронков уже в середине 1933 г. собирался перейти работать в НИИ. Однако тогда это сделать не удалось, а чем была вызвана задержка – неизвестно. Сохранившиеся за 1–4 августа дневниковые записи Воронкова показывают его находящимся на службе, однако сообщают об идущих в учреждении чистках. Другой уцелевший отрывок – записи от 1–4 ноября – касается исключительно бытовых проблем, но упоминает о болезни Воронкова в октябре. Единственные дошедшие до нас дневниковые записи 1934 года (за 1–2 января) вообще не касаются жизненных обстоятельств автора. Был ли у него какой-то перерыв в работе – остаётся невыясненным. Как бы то ни было, утверждение Воронкова в должности старшего научного сотрудника Научно-исследовательского института полиграфической и издательской промышленности КОГИЗа состоялось только 14 июля 1934 г.¹⁶²

«В институте, – писал впоследствии Воронков, – я составил первые в СССР профиль советского книжного работника, разработал систему профессиональных знаний, типовой учебный план книжного техникума, основы

программ по спецпредметам для книжного техникума, методику и постановку преподавания, основные вопросы воспитательной и административной работы в книжных техникумах»¹⁶³. Речь идёт, в частности, о книге «Книжные техникумы КОГИЗа», изданной в 1934 г.¹⁶⁴

Как писал в 1943 г. рецензент В.З. Смирнов, работа «представляет собой обстоятельное руководство к организации профессиональных средних учебных заведений для подготовки специалистов – техников книжного дела. В работе умело поставлены важнейшие вопросы и даны на них обоснованные ответы, которые характеризуют автора как хорошего практика и квалифицированного педагога. К вопросу об организации техникума он подходит с анализа социального заказа и останавливается на задачах КОГИЗа в отношении организации торгующей книжной сети. Дело

Обложка книги М.И. Воронкова «Книжные техникумы КОГИЗа». 1934 г. МИИД

распространения книги он ставит в теснейшую связь с очередными задачами социалистического строительства, и решает вопрос на основе руководящих постановлений ЦК ВКП(б). Такой вопрос как организация торговой сети разрешается на марксистской методологической основе. В работе попутно со специальным вопросом показаны принципы советской торговли.

В истории советского профессионального образования пережито две крайности. В одном случае в профессионально-технических учебных заведениях в погоне за большим общим образованием, за “широким кругозором” ущемляли профилирующие дисциплины и учебные заведения не обеспечивали подготовки кадров, владеющих определённой профессией; в другом случае, стремились вооружить учающихся профессионально-техническими знаниями и умениями, чрезмерно сокращали общеобразовательные дисциплины, и учебные заведения готовили кадры, не способные ориентироваться в происходящих общественных процессах. Автору удалось избежать этих крайностей. Анализируя профиль техника книжного дела, он удачно разрешает вопрос о соотношении общеобразовательной и профессионально-технической подготовки кадров указанной специальности. Эту теоретическую часть далее автор конкретизирует учебным планом. Главе V – “Типовой учебный план книжных техникумов” предпосылается анализ учебных планов аналогичных учебных заведений за предыдущие годы. Как этот анализ, так и “Типовой план” характеризуют автора как квалифицированного специалиста по данному вопросу. В главе VI о программах, учебных пособиях и приёмах обучения в книжных техникумах ещё глубже раскрывается содержание учебной работы и в ещё более ясной форме устанавливается соотношение между общеобразовательной и профессионально-технической частями.

Далее, в главе VII “Постановка учебной работы в книжных техникумах” даются практические указания по всем основным вопросам, входящим в круг функций заведующего учебной частью техникума. В дальнейших главах автор даёт обстоятельные указания и по тем вопросам, которые входят в круг функции директора. Как эти указания, так и вся книга является незаменимым пособием для работников техникумов и для руководящих работников центральных органов, управляющих делом подготовки книжного дела¹⁶⁵. Другая известная нам воронковская работа этого периода не в пример скромнее: тезисы для докладчиков «О качестве обслуживания индивидуального потребителя» – приложение к № 2 журнала «Книжный фронт» за 1935 г.¹⁶⁶

С 1 марта 1936 г. по сентябрь 1938 г. Воронков работает заведующим сектором кадров – руководителем группы подготовки кадров КОГИЗа¹⁶⁷. В 1961 г. бывший начальник отдела кадров КОГИЗа А.П. Кондратьев, поддерживая ходатайство о назначении М.И. Воронкову персональной пенсии, писал: «По делам службы мне случалось встречаться с Воронковым в деловой обстановке. Он производил впечатление энергичного, эрудированного, преданного Советской власти интеллигента, в которых в те времена наша партия очень нуждалась. В полной мере я узнал и оценил Михаила Ивановича в 1933–38 годах, когда был начальником отдела кадров, а Воронков продолжал оставаться в занимаемой им должности заместителя. Как начальник я внимательно изучал своего ближайшего помощника, которому был поручен весьма ответственный участок работы. <...> В годы нашей совместной с

М.И. работы Книготорговое Объединение Государственных издательств <...> имело техникумы, книгоучи, в которых обучалась молодёжь и широкую курсовую сеть в центре и на периферии. В этих учебных учреждениях обучались грамоте, литературоведению, марксизму-ленинизму, книготорговой технике и бухгалтерскому учёту. На М.И. Воронкове лежала огромная работа по составлению программ, учебных планов, а по некоторым дисциплинам и составление учебников. Всё это он выполнял умело, со свойственным ему энтузиазмом, не жалея сил и времени. Нередко приходилось видеть его за работой в учреждении в 11–12 часов ночи.

За 48 лет деятельности на фронте просвещения Михаил Иванович много воспитал советских людей, некоторые из них имеют правительственные награды и занимают ответственные посты, в частности, зав. Москниготоргом Поливановский С.Е.

Преданность, хорошее отношение к порученному делу, недюжинные способности и огромные знания, добросовестно поставленные на службу народу, принесли большую пользу людям. Чуткое отношение к людям, особенно к молодёжи, культурность, которой владеет Михаил Иванович, трудно переоценить. Его замечательные качества, несмотря на скромность его характера, не могли пройти незаметными. В 1938 г. Министр просвещения РСФСР направил Воронкова на работу в Учпедгиз, а в 1941 году перевёл директором издательства Университета им. М.В. Ломоносова, где он проработал до 1948 года»¹⁶⁸.

Благостный тон этой характеристики не должен обманывать, особенно если обратить внимание, что работать заместителем начальника отдела кадров КОГИЗа Воронкову пришлось в 1936–1938 гг., в период Большого Террора. В это время погибли многие из тех, с кем Воронков работал в Рязани, – В.Н. Максимовский, В.С. Корнев, П.Е. Зайцев, И.В. Муругов, Д.Е. Живов, в Сибкомпроде – П.К. Коганович, Я.Г. Гольдин, в Семипалатинске – И.А. Зеленский, М.Ф. Левитин, И.М. Мустамбаев, К.И. Шведер, Наркомпроде – Н.П. Брюханов, А.П. Смирнов. В 1938 г. был расстрелян нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов. Арестовали и заведующего КОГИЗом Д.В. Шварца.

Вероятно, должность кадровика в это зловещее время была более надёжным убежищем, чем любой другой пост, тем более руководящий. Кадровиков чекисты рассматривали как «своих», как хранителей личных дел, то есть потенциального компромата. Что могло послужить компроматом на самого Воронкова, счастливо обезопасившего себя от участия в любых оппозициях давним выходом из партии? Сам этот выход? Но исключал-то Воронкова «враг народа» Зеленский... Другое дело, что всё это были бы слабые отговорки, пади на Михаила Ивановича жребий децимации. Здесь вряд ли спасло бы и то, что судьба подарила Воронкову потенциального покровителя в самом НКВД (о нём позже). Ведь взятые при обыске дневники Воронкова, где он громил Сталина не хуже, чем Троцкий из-за границы, были потенциальным смертным приговором автору. И то, что Воронков их не уничтожил, – факт, конечно, поразительный, говорящий о том, что эти записи, эти свидетельские показания очевидца, адресованные будущим поколениям, стали для него важнее, чем личная безопасность.

Воронков рассматривал свои записи прежде всего как материал к будущей литературной работе – планируемой трилогии, части которой должны

были носить названия «Миру ушедшему» (1900–1913), «Миру дерзнувшему» (1915–1930) и «Миру грядущему» (1931–1941). О судьбе этого замысла мы почти ничего не знаем, не имеем, как уже говорилось, и ни одной рукописи прозаических произведений Воронкова и даже каких-то набросков к ним. Возможно, пробелы в дневниковом комплексе Воронкова связаны именно с тем, что они были востребованы автором для работы над трилогией и уже не вернулись в общее место хранения рукописей и документов.

С 1938 по 1940 г. Воронков работал заведующим плановым отделом Учпедгиза¹⁶⁹. Если всецело доверять неоднократно цитировавшейся нами «Справке о работе инспектора МосгорОНО Воронкова Михаила Ивановича», которую сам же Воронков и составил 7 сентября 1961 г., то переход из отдела кадров КОГИЗа в плановый отдел Учпедгиза совершился в 1938 г. без каких бы то ни было затруднений. Однако так ли гладко всё обстояло на самом деле? В фонде М.И. Воронкова в МИМД имеется черновик письма П.А. Тюркину (1897–1950), сменившему арестованного А.С. Бубнова на посту наркома просвещения РСФСР. И в этом письме Воронков говорит о себе, как о ... рядовом учителе! Если это риторический приём, то весьма странный, ибо с дореволюционных времён Воронкову учительствовать не приходилось, он был всегда на виду у начальства, а выдавать себя не за того, кто ты есть, в 1938 г. было небезопасно. Если же воспринимать эту самоаттестацию в прямом смысле, следовательно, после ухода из КОГИЗа (и сразу возникает вопрос – не был ли он вынужденным) Воронков некоторое время работал в школе. Впрочем, письмо и само по себе крайне интересно, демонстрируя, сколько нерастраченных сил было ещё у Воронкова, как тяготела его мысль к стратегическому руслу и как не хватало ему серьёзной, масштабной работы:

«Народному комиссару просвещения П.А. Тюркину

Согласно Вашего предложения представляю записку с указанием тех мероприятий, проведение которых в жизнь, по моему мнению, поможет Наркомпросу в дальнейшей борьбе за повышение качественной стороны школьного обучения. Прошу учесть, что я – рядовой учитель, и что мой подход к отдельным вопросам продиктован мне только тем, что я имею возможность повседневно наблюдать в трудовой обстановке.

1. Качественная сторона обучения в советской школе очень страдает оттого, что многие учителя недостаточно вдумчиво относятся к указанию ЦК ВКП(б) о необходимости усвоения учащимися основ науки. Часто на испытаниях или проверочных занятиях приходится слышать, ответы учащихся, довольно бойкие до тех пор, пока дело касается пересказа формального учебного материала. Но как только доходит очередь до существа вопроса, до основы его, так весьма часто наблюдается серьёзное замешательство. Приведу некоторые примеры: а) оперируя логарифмами, учащиеся часто не могут объяснить, какое содержание вкладывается в понятие “логарифм”; б) то же самое наблюдается, когда заходит речь об основах физических и химических данных измерения, величинах и понятиях: дина, эрг, джоуль, ватт, вольт, ампер, потенциал, атомный вес, валентность и т.д.; в) замена простого буквенного или числового выражения несколько более сложным выражением часто вызывает замешательство среди учащихся: г) факты историко-литературного значения не всегда легко и прочно увязываются с историческими фактами, экономическо-географические не

всегда твёрдо базируются на основах физической и политической географии, иностранные языки очень часто изучаются с игнорированием основного: запас слов, произношение и т.д. и т.п. Все эти, даже случайно взятые, примеры показывают, что в области затронутых выше наук не всё обстоит благополучно в отношении обучения школьников. Видимо, далеко не все учителя умеют и стараются втолковать учащимся самое основное, без чего невозможно надлежащее усвоение курса. Что нужно сделать, чтоб ликвидировать это? Мне сдаётся, что необходимо провести два мероприятия, а именно: а) в школьных программах выделить жирным шрифтом командные для каждого раздела темы, понятия, единицы измерения, законы; б) издать методические письма по всем предметам на общую тему “Как обеспечить усвоение учащимися основ (название предмета)”. В письмах, составленных опытнейшими преподавателями, надо указать рядовым учителям, какие моменты в программе каждого предмета являются командными и базовыми для целых разделов программы и как добиться наилучшего усвоения их учащимися.

2. Очень много вреда приносят учащимся небрежные записи за преподавателями. Часто они совершенно не нужны, так как или повторяют учебник, или усложняют его, и в большинстве случаев столь невразумительны и ошибочны, что сбивают учащихся с толку. А между тем на эти записи тратится очень много учебного времени, плюс переписывание их на белом вне классных занятий. Цель же их одна: упростить преподавание, т.е. снизить его уровень, главным образом, за счёт раскрытия основ науки, сведённым к механическим правилам и приёмам. Мероприятие здесь можно рекомендовать лишь одно: категорически запретить производство параллельных учебникам записей по всем предметам, обеспеченным стабильными пособиями, и возложить на директоров школ обязанность осуществлять систематический и строжайший контроль в этом направлении. Записи в школе нужно допускать лишь в тех случаях, когда добросовестные преподаватели, обеспечивая программный минимум по своим предметам, сообщают учащимся ещё и дополнительный материал или освежают то, что уже несколько устарело в учебниках.

3. Слаб текущий контроль над обучением со стороны отделов народного образования, особенно в отношении выпускных классов. Для учащихся выпускных классов 7¹⁰ и 10¹⁰ надо ввести обязательные четвертные проверочные работы, темы и принципы оценки которых должны устанавливать областные ОНО. Это заставит школы энергичнее и глубже прорабатывать с учащимися-выпускниками программу и даст отделам народного образования возможность узнавать о прорывных школах и классах не в конце года – перед испытаниями – а заблаговременно.

4. Не ведётся никакой работы с выпускниками 10^{*} классов. Для них Наркомпрос должен создать журнал, в котором нужно освещать профили различных специальностей, давать сведения о ВУЗах и ВТУЗах, помещать справочные данные о последних приёмных испытаниях в ВУЗы и ВТУЗы с приведением тематики сочинений и задач и характерных заданий, фигурировавших на испытаниях, публиковать материалы, способные развить склонность к тому или иному разделу науки или специальности, давать статьи, политико-воспитательного характера и научные и художественные произведения (в частности, наилучшие работы самих десятиклассников.

5. Не оказывается никакой помощи учителям, лишённым возможности пользоваться библиотеками, лекциями, ВУЗами крупных центров и обречённым на неизбежное отставание от жизни и науки. Необходимо издание особого органа (или отвести место в немногих массовых изданиях для учителей), в котором давать итоговый обзорный материал об очередных открытиях и достижениях в области основных знаний и интересующих школу. Для этого надо иметь 10–12 человек высокоавторитетных учёных корреспондентов, следящих за достижениями и новостями науки и знающих уровень и запросы школьных учителей.

6. Методическая помощь массовому учительству недостаточна, и не везде на высоте требований, предъявляемых школой социалистического государства. С нового 1938 года надо обеспечить издание единого солидного делового методического органа, в котором лучшие педагоги Москвы и периферии будут заблаговременно печатать планы своих уроков на отдельные темы, программы. Такой методический орган с удовольствием выпишет и каждая школа, и каждый учитель. Основная задача организационная будет заключаться в том, чтобы это настольное и справочное издание приходило в школу обязательно до проработки затронутых каждым номером тем программы.

7. Мне кажется, что аппарат Наркомпроса и облОНО недостаточно связан с рядовым учительством и не всегда своевременно слышит голос последнего. По-моему, нужно и Наркомпросу и облОНО организовать в ближайших (для соответствующих центров) районах постоянные учительские совещания, на которых раз-два в месяц ставить и обсуждать и принципиальные, и текущие вопросы школьной работы и учительской подготовки. Материалы этих совещаний собирать в Наркомпросе и изучать их. Несомненно, это принесёт большую пользу всему делу просвещения.

Вот те практические соображения, о которых мне хотелось довести до Вашего сведения. В личной беседе Вы одобрительно отнеслись к моей инициативе и, возможно, дадите указание подработать все затронутые здесь вопросы. Я же буду очень рад более подробно осветить каждый из них, если в том будет надобность.

Учитель Мих. Воронков»¹⁷⁰.

Вероятно, именно после приёма у П. А. Тюркина и подачи данной записки Воронков получил должность заведующего плановым отделом Учпедгиза. А приказом того же П. А. Тюркина № 15-л от 8 января 1940 г. в отделе материальных фондов Наркомпроса устанавливалась должность старшего консультанта по учебникам и методической литературе, и на эту должность с 15 января переводился из Учпедгиза Воронков¹⁷¹. Впоследствии эта должность именовалась: старший консультант Управления подготовки учителей по учебникам и учебным пособиям Наркомпроса РСФСР.

15 октября 1940 г. старшему консультанту по учебникам Воронкову М. И. объявлялась благодарность, и он премировался месячным окладом в связи с выполнением правительственного задания Наркомпросу РСФСР и книготорговым организациям о закупке к 1 сентября 1940 г. 56 миллионов экземпляров подержанных учебников¹⁷².

В 1941 г. Воронков подготовил к печати рукопись «Обеспечение школы стабильными учебниками во второй и третьей пятилетке», объёмом около

9 печатных листов. Начавшаяся война помешала изданию, и о содержании рукописи мы можем судить только по рецензии В.З. Смирнова (1898–1962), в ту пору доцента кафедры педагогики МГУ, а впоследствии – профессора, члена-корреспондента Академии педагогических наук РСФСР: «“Обеспечение школ стабильными учебниками во второй пятилетке” написана автором в связи с решениями XVIII съезда об осуществлении всеобщего среднего десятилетнего обучения в городах и посёлках городского типа и семилетнего среднего образования в сельских местностях и национальных республиках. <...> Автор выполнил большую исследовательскую работу по изучению дела подготовки и снабжения учащихся учебниками. Он провёл изучение школ ряда районов, где выявил действительную степень обеспеченности книгами учащихся.

На основе обильного цифрового материала в книге даются материалы к планированию обеспечения школ учебниками во II и III пятилетках. Однако, в работе дело не сводится только к цифровым подсчётам. В ней даётся теоретическое обоснование набору комплектов книг; в этом комплекте даётся оценка основным учебникам, для чего проведено второе исследование: собраны характеристики книг от учителей-практиков. Эти характеристики теоретически обобщены и на основании этого предложен разбор книг на подлежащие к печатанию без переработки, требующие переработки и подлежащие изъятию и замене новыми учебниками.

Работа не была напечатана вследствие осложнений в издательском деле, связанных с условиями военного времени. В послевоенные годы ею не представляется возможным воспользоваться потому, что все показатели, приведенные в книге, подвергнутся значительным изменениям.

Несмотря на это, рукопись сохраняет научную ценность в методическом отношении и ею несомненно воспользуются те, кто будет решать вопрос о снабжении школ учебниками»¹⁷³.

А дальше была война.

7 августа 1941 г. приказом № 868-л по Наркомпросу РСФСР Воронков был переведён на должность заместителя директора 1-го Московского института иностранных языков (впоследствии известного как Институт им. Мориса Тореза) по административно-хозяйственной части¹⁷⁴. На этой должности мы и застаём Воронкова, когда он начинает 1 сентября вести свой очередной дневник, законченный 31 декабря 1941 г. Это потрясающий человеческий документ, с одной стороны, с беспощадной достоверностью запечатлевший трагические события самого тяжёлого этапа Великой Отечественной войны, с другой – трагедию личности самого Воронкова, которую война буквально ломает на глазах читателя.

Когда-то, 14 апреля 1919 г., молодой, энергичный Воронков описывал своё посещение в Москве семьи пожилого писателя И.А. Данилина: «типично хныкающая группа ничего не умеющих делать, ни на что не способных людей. Поругают большевиков, посплетничают и всё, а делать, делать – некому. Подлинно люди лишние, никчёмные. <...> Ушёл с такой ненавистью в сердце!»

Теперь он сам в возрасте Данилина, и такая же щепка в потоке грозных событий, какими были интеллигенты дореволюционной формации в 1917–1920 годах. Он сам растерян, утратил ориентиры, в том числе и нравственные, судя

по прямо-таки болезненной вспышке у него юдофобии. Впрочем, страшная правда воронковского дневника – повсеместное нарастание антисемитских настроений в советском тылу по мере приближения немцев. Этот психологический феномен, который можно объяснить фрустрацией общественного сознания, поверженного в стресс, помогает понять, откуда рекрутировались коллаборационисты, терроризировавшие евреев на оккупированных немцами территориях. Очень важны и свидетельства Воронкова о настроениях, царивших в крестьянской массе (на примере Белоомута и прилегающих населённых пунктов), весьма далёких от канонов советского патриотизма. Сельское население, со времён коллективизации не испытывающее ни малейших симпатий к большевистской власти, в целом аполитично, не доверяет пропагандистскому официозу, живёт фантастическими слухами (вроде того, что прародиной Гитлера является ... Коломна!), позитивно относится к уклонению от военной службы и морально готовит себя к приходу немцев. Воронков, проводящий долгие часы в бомбоубежищах, не только записывающий, но и впитывающий в себя настроения толпы, тоже с какого-то момента уверяется, что присутствует при последнем акте истории Советского государства, в котором он давно чувствовал себя чужим. Поэтому он чужд и общему делу: единственное, на что он направляет свою энергию на рубеже октября-ноября 1941 г., – спасти себя и свою семью, вырваться из осаждённой Москвы. Сделать это практически невозможно, и тут – ещё один парадокс воронковской судьбы – помощь ему, ненавидящему сталинскую власть, приходит от самого страшного орудия этой власти, из НКВД, причём из самых высоких кабинетов этого ведомства. Воронков называет в дневнике только инициалы своего спасителя: «В.В.». Но мы-то знаем, что бывший заместитель Воронкова по Рязанскому горисполкому, Василий Васильевич Чернышов, сделал чекистскую карьеру и стал заместителем самого Ежова, а теперь и Берии. Недавний начальник ГУЛАГа, причастный к ликвидации польских офицеров в Катюни («очень хороший человек», по характеристике П.А. Судоплатова) снабжает Воронкова «чудесной бумагой», присылает за ним свою машину и отправляет его с семьёй на последнем, 6 ноября уходящем из Москвы пароходе.

Но родной Белоомут встречает Воронкова неприветливо. И следующие полтора месяца вновь наполняются борьбой за существование, а потом и за возможность вырваться уже отсюда и возвратиться Москву, которую удалось отстоять от врага.

Воронкова невозможно упрекать за его метания. Его самого, расточающего упреки (последние фразы его дневника: «Люди ужасно мучаются, и мы в числе их. И нет нам спасенья, и нет нам сочувствия и помощи. Мы никому не нужны. Мы в руках невежд, бюрократов и жуликов, которым нет до нас никакого дела»), можно и даже необходимо понять. Именно в этом – задача историка. Однако трудно не выразить сожаления, что с автором, читая дневники которого, за 30 лет, мы не могли в какой-то степени не срастись, расстаёмся мы в минуту его душевного упадка, физической слабости и одиночества. Правда, впереди у Воронкова было ещё 32 года жизни, но в этот период мы уже лишены возможности слышать его голос – вместо него говорят документы.

Вернувшись в Москву, Воронков сумел оправдаться за своё отсутствие на рабочем месте в ноябре–декабре 1941 г. 17 марта 1942 г. он ещё числился заме-

стителем директора Мосгорпединститута¹⁷⁵, но затем направляется как старший консультант Управления высшей школы Наркомпроса РСФСР на работу в Московский государственный университет¹⁷⁶, а уже 4 мая назначен руководителем издательской части МГУ¹⁷⁷. Это было исключительно удачным назначением для Воронкова: работать в главном вузе страны, да ещё в университетском издательстве! А 22 мая 1942 г. на Воронкова, помимо руководства издательской частью МГУ, было возложено техническое руководство типографией¹⁷⁸.

В 1943 г. Воронков предпринял попытку получить учёную степень кандидата педагогических наук по совокупности изданных им научных трудов. Он представил на кафедру педагогики МГУ две изданные книги – «О заготовке учебников» (1928) и «Книжные техникумы КОГИЗа» (1934), а также рукопись «Обеспечение школы стабильными учебниками во второй и третьей пятилетке» (1941). 4 августа доцент кафедры В.З. Смирнов написал рецензию, отрывки из которой мы уже цитировали и которая заключалась признанием, что первая из представленных работ «имеет лишь историческое значение», а вторая и третья «удовлетворяют требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации. Поэтому можно считать вполне заслуженным присвоение автору учёной степени кандидата педагогических наук»¹⁷⁹. Однако получить искомую степень Воронкову не удалось. Возможно, помешало отсутствие документа о законченном высшем образовании.

4 декабря 1946 г. Воронкову была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – кажется, единственная правительственная награда, которую он заработал за всю свою жизнь¹⁸⁰.

Привилегией, полученной Воронковым на посту заведующего университетским издательством, была возможность издаваться самому, не ограничиваясь только сугубо служебными брошюрами – вроде справочника для поступающих в вузы¹⁸¹, где он выступал составителем. Пусть крохотным тиражом в 100 экземпляров, пусть с грифом «На правах рукописи», пусть под видом «Иллюстрации к работе автора “Мотивы, импульсы и приёмы художественного творчества”» (об этой работе мы ничего не знаем), но всё же Воронкову удаётся напечатать в июне 1947 г. в типографии МГУ сборник своих стихов «Когда липы цвели...» – ещё из юношеской тетради 1913 года.

Гораздо более серьёзным свершением стало издание книги воспоминаний «Из жизни дореволюционного студенчества», по сути – сильно отредактированного (это заметно) воронковского дневника 1915–1917 гг.

Уже сам выход в свет подобного издания представляется своего рода аномалией. В книге почти не фигурируют большевики, не восхваляются В.И. Ленин и И.В. Сталин, а упоминание солдата, бежавшего во время 1-й мировой войны из немецкого плена, тепло принятого в Голландии и Англии, а на родине обвинённого в том, что он сдался в плен немцам, выглядит как очень злободневный для 1947 г. и потому небезопасный выпад против соответствующей сталинской практики в отношении советских солдат, возвращающихся из фашистского плена. Едва ли такая книга увидела бы свет, не заведуй Воронков издательством и не предприми её выпуска на свой страх и риск. Весьма симптоматично, что почти одновременно с выходом её из типографии (подписана к печати 7 апреля 1948 г.) Воронков покидает пост директора издательства (15 апреля).

«Из жизни дореволюционного студенчества» должно было стать лишь началом публикации Воронковым его отредактированных и совмещённых с воспоминаниями дневников. Сохранился черновик письма (увы, недатированный) М.И. Воронкова главному редактору Госполитиздата Н.Г. Тараканову:

«Прошу Вас сообщить, возможно ли издание Госполитиздатом моей работы “Первый год Советской власти”, объёмом в 8 авторских листов. Весь материал для работы готов, дело – в дополнительном просмотре его и оформлении для набора. Готовую рукопись я могу представить не позднее 1 сентября 1948 года.

Несколько слов о работе. Это – частью материалы, нигде ещё не опубликованные, частью записи моих личных наблюдений. Мне привелось быть участником и свидетелем таких выдающихся исторических событий, как борьба с мятежом Корнилова, Второй съезд Советов, выборы, созыв и роспуск Учредительного собрания, Пятый съезд Советов и борьба с мятежом левых эсеров, организация отпора чехо-словакам на рязанском направлении, борьба с антисоветскими выступлениями 1918 года. Параллельно со всем этим мне пришлось участвовать в организации губернской Советской власти, в проведении нескольких губернских съездов Советов (с председательствованием на них), встречаться с тысячами людей разных общественных группировок, собственными глазами наблюдать в предоктябрьские и послеоктябрьские дни солдатскую казарму, среднерусскую деревню и провинциальные фабрики и заводы, беседовать с сотнями делегатов, ходоков и активистов рабоче-крестьянского революционного движения.

Примерный план брошюры таков.

1. Солдаты революции против “Верховного” (Мятеж Корнилова).
2. Деревня против земельных собственников.
3. Новый хозяин фабрик и заводов.
4. Второй съезд Советов (документы, факты, наблюдения).
5. Власть на местах.
6. Выборы, созыв и роспуск Учредительного собрания.
7. Губернские съезды.
8. Пятый съезд Советов и мятеж левых эсеров.
9. В огне борьбы.
10. Первая годовщина Октября».

Мы привели текст, оставленный Воронковым после неоднократных одновременных исправлений (как чернилами, которым написан исходный текст, так простым и красным карандашами). В частности, после слова «встречаться» зачёркнуто: «с сотнями привилегированных представителей старого режима, людей разных общественных положений, начиная с бывшего премьера царского правительства Горемыкина и камергера царского Петрово-Соловова, жены сенатора Варварина, многочисленных помещиков». Существенно изменились названия и нумерация пунктов, некоторые из первоначально намеченных («7. Борьба старого мира с новым», «10. Отпор ~~борьба~~ с чехо-словаками», «11. Антисоветские силы и борьба с ними») контаминировались в один («9. В огне борьбы») ¹⁸².

Таким образом, можно сделать вывод, что в 1947–1948 гг. М.И. Воронков предпринял попытку начать вводить в литературный оборот материалы своих

дневников – пусть в сильно отредактированной форме, приведённой, как ему могло казаться, в соответствие с идеологическим заказом сталинской эпохи. Но беда была в том, что заказа на мемуаротворчество участников Октябрьской революции и Гражданской войны в последний период сталинского правления не только не существовало, но и сама тема была окружена всевозможными негласными табу. Надежду, что его труды окажутся востребованы, породили у Михаила Ивановича, вероятно, некоторые признаки смягчения жёсткости идеологического контроля в первые послевоенные годы. Но «оттепель» оказалась иллюзией, что наглядно продемонстрировали погромные постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г., «О кинофильме “Большая жизнь”» от 4 сентября 1946 г. и Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» от 10 февраля 1948 г. К сожалению, мы не знаем, когда был составлен черновик приведённого выше письма и был ли он вообще отправлен. Известно, что Н.Г. Тараканов пробыл на посту главного редактора Госполитиздата совсем недолго (1947–1948 гг.). А к началу 1949 г. идеологические гайки были закручены уже предельно туго, набирала силу новая волна репрессий. Беспартийный Воронков со своими свидетельствами очевидца исторических событий и «нигде ещё не опубликованными материалами» 1917–1918 гг. мог только отпугнуть любого редактора, желающего сохранить голову на плечах.

15 апреля 1948 г. проректором МГУ членом-корреспондентом АН СССР В.И. Спицыным было отправлено письмо директору издательства Академии педагогических наук Н.А. Сундукову о согласии перевести М.И. Воронкова, по его личной просьбе и ходатайству Н.А. Сундукова во вверенное последнему издательство «по сдаче дел»¹⁸³. Однако и в Учпедгизе что-то не состыковалось; после ухода 1 июня 1948 г. из университета¹⁸⁴ Воронков в течение июля и августа работает «по поручению отдела кадров КОГИЗа над составлением учебных планов и программ для стационарных учебных заведений и курсовых мероприятий КОГИЗа»¹⁸⁵, а затем оказывается в Московском городском отделе народного образования на должности инспектора¹⁸⁶.

В том же году трёхтысячным тиражом выходит составленный Воронковым сборник «За что мы любим Художественный театр (Учащиеся моск. школ о Худож. Театре)» – под эгидой МосгорОНО, но напечатанный в типографии МГУ¹⁸⁷. Тем самым как бы перекидывается мостик от одного места службы к другому. И тут он был рядом с книгами: приказом по МосгорОНО 1 февраля 1949 г. на Воронкова возлагалось руководство деятельностью школьных библиотек¹⁸⁸. Позднее в его обязанности вошло снабжение московских школ учебно-наглядными пособиями¹⁸⁹.

Конечно, должность Воронкова была более чем скромной – 40 лет назад он возглавлял губернский отдел образования, а теперь был простым инспектором в городском, пусть и столичном. Зарплата, недостаточностью которой Воронкова вечно попрекала супруга, была маленькой, а когда в январе 1953 г., придя в бухгалтерию за получкой, Воронков узнал, что его должностной оклад снижен, вспыхнул от негодования и отказался её забирать. Этому конфликту мы обязаны появлением 5 февраля жалобы Воронкова на имя заведующего МосгорОНО С.И. Наумова. В отсутствие дневников это единственный документ личного происхождения, рисующий нам материальное положение и обстановку, в которой протекала жизнь Воронкова:

«В январе м-це с/г главный бухгалтер Мосгороно Е. Т. Тужилкина уменьшила мою зарплату с 980 рублей до 750 и сделала собственною рукою красными чернилами соответствующие исправления в платёжной ведомости. Естественно, что я отказался расписаться в получении неизвестно почему уменьшенной зарплаты, тем более, что никто меня своевременно ни о чём не предупредил. Уменьшенную же зарплату мне выписали и за вторую половину января. Я вторично отказался расписываться в ведомости и просил кассира, а затем и Главбуха выдать мне аванс в счет январской зарплаты до выяснения вопроса у руководства. Но в этом мне было отказано по каким-то формальным (кажется, соответствующий параграф инструкции Госбанка) соображениям.

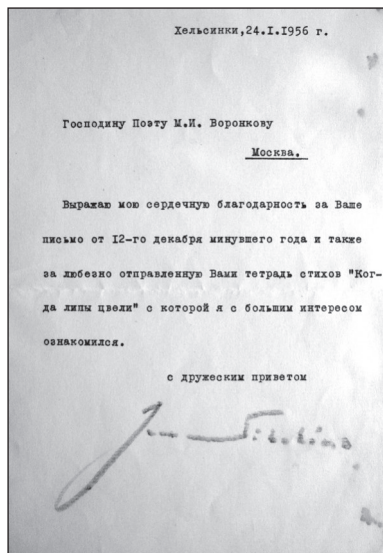
Считаю необходимым сообщить вам, что подобное отношение ко мне оскорбляет меня, как советского гражданина, ничем не опорочившего себя в служебном отношении, во-вторых, это поставило меня в окончательно безвыходное положение, так как кроме зарплаты я никаких ресурсов не имею, а в январе м-есяце, вследствие тяжкой болезни, отправил жену в больницу (2^я градская), где она с 8 января числится в разряде больных “крайней тяжести”.

Если всё это может быть уважено и принято во внимание, то прошу дать указание Главному бухгалтеру о выдаче мне аванса в счет январской зарплаты под особую личную мою расписку». На документе стоит виза С.И. Наумова от 6 февраля: «т. Воронкову. Прошу срочно переговорить»¹⁹⁰.

Можно лишь догадываться, чего стоило написать это заявление Воронкову, в душе которого гордость боролась с отчаянием. Александра Игнатъевна, болевшая раком, доживала последние месяцы. 10 апреля 1953 г. её не стало. Мы не располагаем свидетельствами, как перенёс этот удар Воронков. По-прежнему в нашем распоряжении лишь служебные документы.

1 сентября 1953 г. Воронков был освобождён от занимаемой должности инспектора в порядке перевода в Минпрос РСФСР¹⁹¹, но, похоже, этот приказ не вступил в силу, так как, согласно всем последующим документам, Воронков оставался на прежней должности ещё десять лет. А в 1957 г. о Воронкове вспомнили как об участнике Великой Октябрьской социалистической революции, его фотография появилась в «Известиях», это должно было сделать его положение более прочным.

В 1958 г. он пополнил свою библиографию ещё несколькими изданиями методического характера¹⁹². Круг его служебных занятий очерчивает характеристика, выданная 2 сентября 1963 г. «Хорошо зная дело народного образования, т. Воронков неоднократно вносил предложения по дальнейшему улучшению постановки на-

Письмо Я. Сибелиуса М.И. Воронкову.
24 января 1956 г. МИИД

родного образования в столице и настойчиво добивался перед МосгорОНО и Министерством просвещения РСФСР претворения их в жизнь. Возложенные обязанности по обеспечению школ и других детских учреждений учебно-наглядными пособиями, учебниками, письменными принадлежностями и школьной документацией т. Воронков М.И. выполнял со знанием дела, оперативно и ответственно. В этом сложном деле он значительно упорядочил характер документации, особенно по учёту движения учебников, и организацию доведения до школ учебников, что создавало необходимые условия для успешной работы школ г. Москвы. Одновременно осуществляя руководство комплектованием и деятельностью школьных библиотек т. Воронков М.И. проявляет особую заботу по созданию библиотечного фонда, соответствующего требованиям школьных программ»¹⁹³.

За казёнными формулировками всё-таки угадывается Воронков: «вносил предложения и настойчиво добивался... упорядочил характер документации в этом сложном деле... проявлял заботу по созданию библиотечного фонда...». Последовательность, кропотливая методичность и в то же время неистовство в работе, благоговение перед книгой и сроднённость с ней, рационализаторский зуд и стремление во что бы то ни стало свои идеи осуществить – всё это было ещё в прежнем, молодом Воронкове. К старости эти черты, вероятно, в чём-то утрировались, гипертрофировались, возможно, даже приняли характер чудачества. Сложившаяся за десятилетия привычка к закрытости, психология «подпольного человека» не могла не отгородить Воронкова от людей, сделать общение с ним затруднительным. В маленький мирок квартиры на Сивцевом Вражке, состоящий из Воронкова, его жены и дочери, не допускались посторонние. После смерти Александры Игнатьевны от рака этот мирок сократился до двух человек – дочь Елена так никогда и не вышла замуж. Судьба подарила Воронкову небывалое число племянников и племянниц: только старший брат Василий имел девять детей. Из них выросли достойные, зарекомендовавшие себя во многих областях деятельности люди. Но и от родственников Воронков с давних времён отделил себя барьером непонятого отчуждения.

После ухода 1 октября 1963 г. с должности инспектора МосгорОНО¹⁹⁴ Воронков прожил ещё десять лет, но это уже годы молчания источников. Судя по тому, что в 1969 г. вышел составленный им «Указатель изданий МосгорОНО и Московского городского института усовершенствования учителей» за 1963–1969 гг.¹⁹⁵, он продолжал трудиться. Но какие мысли, надежды и разочарования носил в себе Михаил Иванович, как подводил итоги прожитой жизни, пересматривал ли в очередной раз свои оценки, мы не знаем.

М.И. Воронков умер от рака 30 июня 1973 г. Организовать похороны помогли племянники и племянницы – те самые, связями с которыми покойный при жизни пренебрегал. Над могилой М.И. и А.И. Воронковых на Введенском кладбище в Москве появился неброский памятник из красного гранита с выбитой на нём цитатой из заветного воронковского стихотворения:

«Это было тогда,
когда липы цвели...».

21 декабря 2004 г. под тем же памятником нашла последнее упокоение и Елена Михайловна Воронкова. К счастью, шестнадцатью годами ранее научная сотрудница рязанского Музея истории молодёжного движения Галина Елисеева

разыскала в Москве Е. М. Воронкову и убедила её передать сохранившуюся часть отцовского архива в фонды музея. Значение этого события трудно переоценить. Двум этим женщинам мы обязаны тем, что дневники Воронкова не ушли в небытие вместе с домом № 14 по Сивцеву Вражку, на месте которого возвышается ныне – согласно лексикону нуворишей – «клубный дом бизнес-класса» с нелепым для центра Москвы названием «Охотничья усадьба». Музеефикация воронковских рукописей (в настоящее время их хранением и научной обработкой занимается заведующая отделом фондов МИМД Надежда Давыдова) сделала их введение в научный оборот лишь вопросом времени. В год 120-летнего юбилея и через 40 лет после кончины Михаил Иванович Воронков возвращается к нам – со своим энтузиазмом и скепсисом, ошибками и свершениями, мечтами и мучительным поиском ответов на так и оставшиеся неразрешёнными вопросы – а вместе с тем встаёт во всей осязаемости и запечатлённой им эпоха.

***

Состав настоящего издания сложился следующим образом. Первоначально в наши намерения входило издание рязанской части дневников М. И. Воронкова (1918–1920 гг.). Но по мере работы с его фондом, отложившимся в Музее истории молодёжного движения в Рязани, обнаружилось, во-первых, что воронковский дневниковый комплекс гораздо обширнее, чем предполагалось; во-вторых, что именно территориальный и временной охват, далеко выходящий за хронологические и географические рамки рязанского периода, делает источник столь ценным и, не побоимся этого слова, уникальным. Временные разрывы в ставших нам доступными рукописях заставили искать восполнения лагун в прижизненных публикациях М. И. Воронкова, и это повлекло необходимость включить в наше издание и такие ставшие библиографической редкостью тексты, как брошюра «Из жизни дореволюционного студенчества» или статья «У колыбели советского ОНО». К дневниковым записям примыкают фрагменты записных книжек Воронкова, фиксировавших в черновой форме его наблюдения, сюжеты, записи слухов, разговоров, анекдотов и т. п. Это весьма ценный для бытовых характеристик эпохи материал. Наконец, поскольку главным героем дневников является их автор и сквозным сюжетом оказывается динамика его личности и мировоззрения, естественным дополнением основного текста оказываются статьи и речи М. И. Воронкова 1918–1920 гг., а также его поэтическое наследие.

Издаваемые тексты приведены в соответствии с требованиями современной орфографии. Исправления публикатора оговариваются в сносках.

Основным сегментом научно-справочного аппарата издания являются «Примечания, комментарии и дополнения», призванные соотнести, насколько это возможно, субъективный мир дневников и сочинений Воронкова как с исторической реальностью, в которой они рождались, и отразившейся в документах современной дневникам эпохи, так и с теми сведениями, что накоплены нынешней исторической наукой. Задача оказалась крайне сложной и потребовала на порядок больше временных затрат, чем подготовка к печати самих воронковских текстов. Ведь среди написанного Воронковым редкая страница не требует участия комментатора. Большинство событий, описываемых им, – исторически значимы, среди упоминаемых им лиц – очень мало таких, о ком совершенно нечего сказать. А при дополнительных исследовательских усилиях можно было бы ликвидировать и остающиеся

вопросы, «расшифровав» и «Сашку Д. из Анбора», и девушку Астахову, и белоомутских односельчан, и сотрудников КОГИЗа. Речь идёт не о том, чтобы объять необъятное, а о логике эксплуатации источника. Микрокосмос человеческой личности неисчерпаем, но отразившийся в виде текста он конечен. В идеальной форме научно-справочный аппарат нашего издания должен был бы стать некой энциклопедией «мира Воронкова».

Деятельность Воронкова и возглавляемых им учреждений оставила след в огромном количестве документов. Это создало редкую ситуацию, когда почти каждое событие, зафиксированное в дневниках Воронкова, может быть верифицировано, разъяснено или дополнено документальным материалом. Выявление последнего потребовало колоссальных усилий, но создало, в итоге, такое подспорье, каким не располагал ни один исследователь истории Рязанского региона 1918–1920 гг. Это протоколы заседаний губернских съездов советов и партийных конференций, губисполкома, горисполкома, губкома и горкома РКП(б), коллегии ГубОНО, губпродкома, материалы к этим заседаниям, дела ревтрибунала, переписка учреждений, списки по личному составу, заявления о приёме на работу, анкеты, автобиографии, послужные списки. Было освоено в общей сложности более 23 тысяч листов архивных дел. Введение этого, в подавляющем большинстве, совершенно не исследованного материала в научный оборот в привязке к тексту дневника Воронкова дало возможность не только развернуть широкую и одновременно детализированную картину событий в их хронологической последовательности, но и сделать её стереоскопичной благодаря эффекту двойного отражения исторической реальности – глазами Воронкова и через призму документов. Удивительный эффект, с которым мы столкнулись при сопоставлении дневниковых описаний тех или иных событий с документами, те же события зафиксировавшими, – это смещение предварительно намеченных акцентов комментария. Документы обнаруживали не только ошибки памяти Воронкова, контаминацию событий нескольких дней, их инверсию или изложение в произвольной последовательности, но и укрупняли масштаб того, что упоминалось Воронковым вскользь или было упаковано во второй смысловой план текста. Это заставляло перечитывать текст почти в буквальном смысле новыми глазами. Аналогичным было и встречное воздействие дневниковой записи на текст документа. Эвристический эффект достигался впечатляющий.

Это и предопределило характер комментариев, их количество и степень их подробности. Любой другой подход, на наш взгляд, свидетельствовал бы о пренебрежении к богатейшим информационным ресурсам дневников М.И. Воронкова. Безусловно, такие, составляющие как бы второе дно текста и разворачивающиеся в каждом отдельном случае в маленькие исследования, комментарии не могут быть равноценными, если их число достигает четырёхзначной цифры. В первую очередь потому, что не безграничны возможности самого комментатора. Доступнее всего были нам материалы Государственного архива Рязанской области, поэтому именно дневники рязанского периода прокомментированы нами наиболее подробно. Используются документы следующих фондов ГАРО: Рязанского губернского исполкома (Ф. Р-4), Рязанского городского исполкома (Ф. Р-6), Пронского уездного исполкома (Ф. Р-13), Рязанского обкома КПСС (Ф. П-1), Рязанского горкома КПСС

(Ф. П-220), Рязанского губернского отдела народного образования (Ф. Р-132), Рязанского губернского продовольственного комитета (Ф. Р-321), Рязанского губернского комитета по топливу (Ф. Р-467), Рязанского губернского лесного комитета (Ф. Р-1116), Рязанского губернского революционного трибунала (Ф. Р-2639), личного фонда С.Д. Яхонтова (Ф. Р-2798), сборного фонда воспоминаний участников Великой Октябрьской Социалистической революции и Гражданской войны (Ф. П-5294), Рязанской Александровской учительской семинарии (Ф. 620).

Автор высказывает горячую благодарность всем, кто оказывал ему поддержку на его долгом и трудном пути: Ю.В. Морковкину, Г.Д. Елисеевой, Н.А. Давыдовой, Е.А. Графишиной (Музей истории молодёжного движения), Д.Ю. Филиппову, Е.Н. Поздняк, Л.В. Рогожкиной, Т.В. Пономарёвой, С.А. Нехорошевой, И.Е. Галкиной, М.А. Седову (Государственный архив Рязанской области), Е.В. Шапиловой, Е.В. Чумичёвой, И.П. Самойловой (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник), О.Я. Азовцевой (РОУНБ им. Горького), а также Н.И. Зубаревой, Г.И. Журавлёвой, И.И. Кирееву, Н.В. Серее, В.А. Толстову, П.А. Трибунскому (Рязань), А.В. Осинкиной (Москва), Л.Н. Подмарьковой (Белоомут), Л.Ю. Гусману, Е.А. Ростовцеву (Санкт-Петербургу). Особая признательность – Александре Алексеевне и Фаине Васильевне Воронковым.

Примечания

¹ «Хельсинки, 24.1. 1956 г.

Господину Поэту М.И. Воронкову.

Москва.

Выражаю мою сердечную благодарность за Ваше письмо от 12 декабря минувшего года и также за любезно отправленную Вами тетрадь стихов “Когда липы цвели” с которой я с большим интересом ознакомился.

С дружеским приветом Ян Сибилиус” (МИМД. КП-4261)

² Лист из россыпи необработанных документов фонда М.И. Воронкова в МИМД.

³ Датировка устанавливается по записи от 1 июля 1919 г. в «Тетради № 4»: «Сегодня годовщина моему дневнику».

⁴ *Гришин П.П.* Образование Советов в Рязанской губернии и их деятельность в первые годы пролетарской диктатуры. Рязань, 1957. С. 27, 35; *Елфимова Н.А.* Деятельность Рязанской губернской большевистской организации по созданию местных органов Советской власти (ноябрь 1917 г. – июль 1918 г.) // Ученые записки Рязанского гос. пед. и-та. / Ред. П.П. Гришин. Рязань, 1967. Т. 46. С. 5, 19, 32, 33, *Попов И.П.* Культурное строительство в Рязанской губернии в первые годы Советской власти // Там же. С. 192, 194; *Климаков К.Л., Славский В.И.* 175 лет Рязанскому областному драматическому театру: Краткий исторический очерк. Рязань, 1963. С. 20; Очерки истории Рязанской организации КПСС / Гл. ред. Н.С. Приезжев. М., 1974. С. 81–82, 87, 92–93, 98, 104, 113, 120, 153; Юность земли Рязанской: очерки истории Рязанской организации ВЛКСМ / Отв. ред. В.И. Голованов. Рязань, 1984. С. 293; *Сторожеева А.М.* Несгибаемые большевики. Рязань, 1986. С. 35, 68, 69, 72, 73, 131; За власть Советов: Краткие биографии активных участников установления и укрепления Советской власти на Рязанской земле. Рязань, 1987. С. 8, 9, 11, 12, 14, 41–43, 165; *Филин Ю.В.* Отречёмся от старого мира. Рязань, 1987. С. 95, 183, 197; Рязанская энциклопедия / Гл. ред. В.Н. Федоткин. Рязань, 1995. С. 124–125; *Никитин А.О.* Ф.А. Малявин и основание Рязанского художественного училища // Рязанская старина. 2002. М., 2003. Вып. 1. С. 139–142, 144, 146–147, 150–161, 163–169, 171–172, 174–180, 182–183; *он же.* Судьба утопии: Рязанские государственные свободные художественные мастерские в 1919–1920 гг. // Рязанская старина. 2004–2005 / Сост. А.О. Никитин, П.А. Трибунский. Рязань, 2006. Вып. 2-3. С. 137–138, 143–150, 153, 155–157, 159, 161, 163–164, 175–179, 181, 184–186, 188–192.

⁵ Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1957. 1 ноября. № 250 (12567). С. 1.

⁶ *Соловьёв Э.Ю.* Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С. 46.

⁷ Нижний Белоомут – село, центр Нижне-Белоомутской волости Зарайского уезда, в 30 верстах от Зарайска и 47 от Рязани. По данным первой всеобщей переписи 1897 г. – 449 дворов, в них 3181 житель мужского и 3104 – женского пола, 2 каменные церкви, земская и церковно-приходская школы, аптека, богадельня, восточное правление, дважды в год ярмарки и еженедельные базары, казённая винная лавка (Населённые места Рязанской губернии / Под ред. И.И. Проходова. Рязань, 1906. С. 132–133).

⁸ *Повалишин А.Д.* Рязанские помещики и их крепостные: Очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии / Под ред. С.Д. Яхонтова. Рязань, 1903. С. 20.

⁹ ГАРО. Ф. 620. Оп. 1. Д. 134. Л. 26.

- ¹⁰ ГАРО. Ф. Р-132. Оп. 2. Д. 134. Л. 20.
- ¹¹ Поручителем за Воронкова выступил крестьянин с. Нижний Белоомут Василий Никифорович Кузнецов (МИМД. КП-4144).
- ¹² МИМД. КП-4239.
- ¹³ ГАРО. Ф. Р-132. Оп. 2. Д. 804 а. Л. 3 об.
- ¹⁴ МИМД. КП-4142, КП-4143.
- ¹⁵ МИМД. КП-4140.
- ¹⁶ ГАРО. Ф. 620. Оп. 1. Д. 134. Л. 26.
- ¹⁷ МИМД. КП-4141.
- ¹⁸ МИМД. КП-4159.
- ¹⁹ МИМД. 230/17.
- ²⁰ МИМД. КП-4198. Л. 1.
- ²¹ *Воронков М.И.* Когда липы цвели... Из тетради «Ранняя юность» (Рязань, 1913 г.). М., 1947. С. 15.
- ²² МИМД. КП-4163, КП-4164, КП-4165.
- ²³ МИМД. КП-4029. Л.
- ²⁴ МИМД. КП-4250. Л. 10.
- ²⁵ МИМД. КП-4174. Л. 2 об.
- ²⁶ МИМД. КП-4038.
- ²⁷ Клятва юнкеров // Социал-демократ. 1917. 12 (25) августа. № 132. С. 3.
- ²⁸ МИМД. КП-4198. Л. 2.
- ²⁹ МИМД. КП-4166.
- ³⁰ Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917–1920 гг.) / Сост. М.Ф. Кравченко, А.М. Сторожова. Рязань, 1957. С. 101–103.
- ³¹ МИМД. КП-4042.
- ³² Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии. С. 110.
- ³³ Там же. С. 114.
- ³⁴ *Родионов.* В 208-м пехотном полку // Десять лет Советов. Рязань, 1927. С. 51.
- ³⁵ Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. / Подгот. к печати К.Г. Котельников; Предисл. Я.А. Яковлева. М.-Л., 1928. С. 117 (Архив Октябрьской революции: 1917 г. в документах и материалах / Под ред. М.Н. Покровского и Я.А. Яковлева).
- ³⁶ МИМД. КП-4169, КП-4207.
- ³⁷ Фигурируют такие статьи расходов, как взнос в кассу Петроградского совета 15 рублей и 5 рублей – в кассу съезда, приобретение 45 штук двадцатикопеечных открыток с портретами Маркса, Бебеля, Либкнехта и Каутского, переданные в Рязани Ю.Н. Шульгиной, приобретение для Губюбиро рязанских советов на 26 рублей книг («Основы политической экономии» М. Туган-Барановского, «Общество и материнство» А. Коллонтай, Конспект по политической экономии), плана города Петрограда и оформление подписки на «Историю общественной мысли» Р. Иванова-Разумника, а также брошюр на 20 рублей, переданных частью в Голенчинскую библиотеку-читальню, частью в партийное бюро. Интересно, что проезд от Москвы до Петрограда стоил Воронкову 12 рублей 50 копеек, поездка на пароходе в Кронштадт туда и обратно – 3 рубля 60 копеек, а проезд на извозчике с Петроградской стороны на Николаевский вокзал – 8 рублей. Рязанские извозчики были куда скромнее столичных: проезд от вокзала до Дома Свободы обошелся Воронкову в 1 рубль (МИМД. КП-4170).
- ³⁸ МИМД. КП-4167.
- ³⁹ Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии. С. 131.
- ⁴⁰ МИМД. КП-4046.
- ⁴¹ МИМД. КП-4056.
- ⁴² МИМД. КП-4047.
- ⁴³ Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии. С. 141.
- ⁴⁴ Там же. С. 140–141.
- ⁴⁵ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.
- ⁴⁶ Там же. Л. 3–3 об., 6.
- ⁴⁷ «На комитет возлагается: борьба в пределах Рязанской губ<ернии> на посягательство на социальную революцию и власть Советов, усиление Красной Армии и Гвардии, мобилизация, отправка на Фронт партизанских отрядов, заготовка фуража, амуниции, продовольствия и др. предметов снабжения воинских частей и передвижение всех прибывающих в Рязанскую губернию воинских частей и партий военно-плennых <...> Комитет <...> действуя в постоянном контакте с Рязанским губернским Советом советов посредством сношений своего Председателя с Президиумом Совета советов для осуществления возложенных на него задач пользуется неограниченной властью, и распоряжениям его обязаны подчиняться как отдельные граждане, так и должностные лица, правительственные, общественные и частные учреждения и организации, не исключая военных» (ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 12. Л. 7).
- ⁴⁸ Там же. Л. 8.
- ⁴⁹ Там же. Л. 9–9 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 23.
- ⁵¹ Там же. Л. 26 об.
- ⁵² Там же. Л. 28–31. Комиссариат по местным делам просуществовал недолго. Артефактом его короткой истории служит сохранившаяся в фонде М.И. Воронкова листовка: «Рязанский Губернский Совет Советов доводит до сведения содержателей электротeatров и проч<их> публичных зрелищ в гор. Рязани, а также устроителей всевозможных концертов, спектаклей, танцевальных вечеров и проч<его>, что какою бы они благотворительную цель не преследовали, выдаваемые на все вообще увеселения билеты должны быть одновременно оклеены марками соответствующими цене билета. Кассир, вручивший публике билет без марки, СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ будет оштрафован, а вся выручка от продажи билетов поступит в доход казны.

13 апреля 1918 года.

Губернский комиссар по местному управлению Мих. Воронков» (МИМД. КП-4053).

На заседании губисполкома 25 мая, утвердившем распределение постов в комиссариатах, Воронков (председательствовавший на заседании) заявил, «что Комиссариат по местному управлению упраздняется; функции Комиссариата в административной его части переходят в Президиум; что же касается бывшей Губернской Земской Управы, то до окончательной ликвидации этого учреждения, когда все дела его перейдут в соответствующие Комиссариаты, необходимо избрать одного члена Исполнительного Комитета для работ в коллегии б-ывших> земских членов, таким образом образуется временно отдел земского хозяйства» (ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 24. Л. 32–32 об.).

⁵³ Губернского комиссара юстиции Раковского (левого эсера) уличили в присвоении пуда масла, и встал вопрос о его отзыве.

«Т. Воронков: Мне желательно, чтобы т. Раковский сам почувствовал свой неблагоприятный поступок и отказался бы от должности ком<исса>ра. Если у него не хватит на то сил, то тогда предложить ему оставить пост ком<исса>ра, назначить следственную комиссию. Последней выяснить поступок и вообще деятельность, и, мотивируясь этим, исключить из членов».

Другой вопрос касается члена ВРК Суворова, самочинно расстрелявшего двух воров. «Т. Воронков: Мне отчасти странным кажется, как мог идейный работник, как заявляет о нём т. Муравьёв, совершивши поступок, бежать от заслуженной кары – партийного суда? Потом задам вопрос т. Муравьёву: правда ли, что Муравьёв дал ему рекомендацию? Вот это мне интересно знать. Моё предложение – просто предложить партии левых с.-р. вызвать Суворова для партийного суда.

Т. Муравьёв. Позвольте мне знать, могу я рекомендовать, могу или нет.

Т. Январёв: Считаю партийный суд над негодяем правильным, расстреливая немедленно. Не советую разыскивать Суворова.

Т. Воронков: Отчасти согласен с Январёвым. Теперь мне интересно знать, был ли сам Суворов на высоте своего революционного положения, расстреливая сам.

Т. Январёв: Был. Как на факт укажу на случай на вокзале, где он собрал негодяев, прочёл приказ и расстрелял на месте. <...>

Т. Муравьёв: Не защищаю Суворова, но и не нападаю, и если мне скажут отыскать его, то откажусь. Мы исключили его из партии. <...>

Т. Воронков: Принципиально считаю, что всё создано на мелочах и нельзя оставить так. Надо сделать, чтобы Суворов нигде не работал, ибо ещё раз повторю, старый партийный работник никогда не уклоняется от революционного суда» (ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 12. Л. 35–35 об.)

⁵⁴ Там же. Л. 42–42 об., 47 об.

⁵⁵ Там же. Л. 66–66 об.

⁵⁶ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 23. Л. 67 об.

⁵⁷ Там же. Д. 12. Л. 65, 66–66 об., 73 об., 74 об.

⁵⁸ Назначение оставалось в силе до 20 июня, когда военными комиссарами были утверждены И.И. Гусаров и В.С. Корнев (ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 24. Л. 47).

⁵⁹ Там же. Л. 30, 31, 34 об., 36.

⁶⁰ Там же. Л. 23, 42 об., 62 об., 86.

⁶¹ Там же. Л. 72 об., 81.

⁶² Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 6. С. 9.

⁶³ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 12. Л. 73.

⁶⁴ Там же. Л. 65.

⁶⁵ Постановление губисполкома от 8 июля 1918 г.: «Поручить тов. Потёмкину временно редактировать «Известия», тов. Воронкову по телеграфу поручить подыскать в Москве подходящее лицо на должность главного редактора. Кроме того, за недостатком в Рязани людей на занятие ответственных мест в советских учреждениях – поручить ему подыскать таковых в Москве» (ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 23. Л. 153 об.).

⁶⁶ Постановление губисполкома от 18 июля 1918 г.: «Реорганизовать Губернскую Чрезвычайную комиссию согласно инструкции Наркомвнудела, т. е. сделать подотделом Отдела управления. Реорганизацию поручить т. Потёмкину» (Там же. Л. 167 об.).

⁶⁷ Там же. Л. 249 об. Кроме того, 18 августа губисполком по докладу И.Е. Потёмкина «о борьбе с враждебным к советской власти офицерством» и сообщению В.С. Корнева «об отношении к офицерству в Центре» постановил: «1. Признать офицерство средюю, благоприятной для развития в ней контрреволюционного заговора; 2. Усилить надзор за офицерством, с целью выделения из него группы, враждебно настроенной к советской власти» (Там же. Л. 224).

⁶⁸ Избраны были также А.С. Сыромятников, И.В. Мурутов, А.А. Казанский, Ю.Н. Шульгина, С.С. Назаров, И.И. Гусаров и А.Т. Бордаковский (Рязанский губернский съезд Р.К.П. (большевиков). Рязань, 1918. С. 26–27).

⁶⁹ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 23. Л. 216–217, 220–220 об.

⁷⁰ Там же. Л. 155.

⁷¹ Рязанский губернский съезд Р.К.П. (большевиков). С. 13.

⁷² Там же. С. 20.

⁷³ Там же. С. 26.

⁷⁴ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 23. Л. 228–228 об., 230.

⁷⁵ Там же. Л. 233.

⁷⁶ Там же. Л. 236–242 об.

⁷⁷ МИМД. КП-4145. Выехать ему предписывалось 19 августа, однако 20-го он ещё присутствовал на вечернем заседании губисполкома.

⁷⁸ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 23. Л. 276.

⁷⁹ Там же. Л. 285–287 об.

⁸⁰ Там же. Л. 294.

⁸¹ Там же. Л. 229.

⁸² ГАРО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–6 об.

⁸³ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 23. Л. 311.

⁸⁴ Там же. Л. 320.

⁸⁵ Там же. Л. 313 об.

⁸⁶ Второй Рязанский губернский съезд РКП. (большевиков). Рязань, 1918. С. 1, 8, 9, 31, 33, 46, 54.

⁸⁷ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 23. Л. 327, 331 об. Ранее, 6 октября, доклад «О данковских событиях» делал Воронков, после чего постановлено было направить в Данков следственную комиссию во главе с комиссаром юстиции К. А. Якубовским (Там же. Д. 24. Л. 112).

⁸⁸ Там же. Д. 50. Л. 25.

⁸⁹ Протокол третьего Рязанского губернского съезда РКП. (большевиков). Заседания 2–3–4 марта 1919 года: (Настоящая конференция является по существу 4-й, а не 3-ей: 1-я была в феврале, 2-я в июне и 3-я – в октябре 1918 года). Рязань, [1919]. С. 10–11.

⁹⁰ Там же. С. 7.

⁹¹ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 75. Л. 152 об.; Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 141. Л. 95.

⁹² ГАРО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 155. Л. 121–121 об.

⁹³ «8) <...> т. Воронков говорит о необходимости теперь же организовать Продотряды, так как имеющиеся в распоряжении Губпроккома отряды взяты для охраны Южных уездов Рязанской губернии, как находящиеся под ближайшим ударом Деникинских войск.

Продотряды теперь необходимы особенно потому, что на Рязгуби-<р>одком возложена обязанность снабжать Красную армию Южного фронта.

Т. Колесников докладывает, что Ряз<анским> Губ<ернским> Советом Профессиональных Союзов уже приняты меры и до 26 отрядов уже работают в Южных уездах и добавил, что нежелательно расплющить дело организации Продотрядов.

Т. Прошляков говорит, что организация продовольственных отрядов необходима и возможна.

Т. Воронков говорит о политическом значении решения Совдепа.

Принимается предложение: Рязанский Горсовдеп считает совершенно необходимым усилить теперь же организацию Продотрядов и направить их в Южные уезды.

9) Заявление Воронкова о необходимости подчеркнуть Солидарность Петроградскому Пролетариату и приглашает послать телеграмму т. Зиновьеву.

Принимается следующий текст телеграммы:

“Петроград, Зиновьеву.

Рязанский Городской Совет Рабочих Депутатов, готовясь к отпору наступающих с Юга Деникинских банд, в Вашем лице приветствует пролетариат Красного Петрограда, революционная готовность которого в борьбе с мировой контр-революцией является образцом для всех рабочих России.

Рязанские рабочие просят Вас передать ближайшему пленуму Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов наше братское приветствие о готовности умереть вместе в решительной борьбе с царскими генералами” (ГАРО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 155. Л. 122 об.–123).

⁹⁴ ГАРО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 143. Л. 182.

⁹⁵ Там же. Л. 185.

⁹⁶ МИМД. КП-4162.

⁹⁷ ГАРО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 135. Л. 142; Д. 143. Л. 210.

⁹⁸ Там же. Д. 210. Л. 145.

⁹⁹ ГАРО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

¹⁰⁰ МИМД. НВ-1094.

¹⁰¹ МИМД. НВ-1093.

¹⁰² МИМД. КП-1092. Л. 1–2.

¹⁰³ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 75. Л. 197.

¹⁰⁴ Итоги Всероссийских переписей 1920 года. Рязань, 1922. Вып. 1. С. 1.

¹⁰⁵ «Так и живём изо дня в день» (Дневник И.И. Проходцова. Март–июль 1919 г.) // Страницы былого: Дневники, мемуары, свидетельства. Рязань, 1998. С. 135.

¹⁰⁶ ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1240. Л. 4.

¹⁰⁷ «Так и живём изо дня в день» (Дневник И.И. Проходцова. Март–июль 1919 г.). С. 155.

¹⁰⁸ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 76. Л. 180.

¹⁰⁹ ГАРО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.

¹¹⁰ Очерки истории рязанской организации КПСС. С. 160.

¹¹¹ ГАРО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 24. Л. 11.

¹¹² 10 января 1920 г. на пленарном заседании президиума губисполкома и политбюро губкомпарта, где заслушались доклады уполномоченных по изъятию излишков картофеля, П. Г. Банатов (уполномоченный по Спасскому уезду) отмечал, что «вряд ли удастся выполнить наряд в 50% ввиду того, что громадное количество картофеля сгнило ещё при вырытии <его> “Моско”, “Эмпо”, “Продпуть” и пр<очими>». Обилие разного рода уполномоченных работающих вне всякой связи с Упродкомом совершенно спугивает учёт подлежащего выполнению и выполненных нарядов. Много мешает нормальному ходу продовольственной работы наблюдающиеся трения между уполномоченными и Исполкомами. <...> Тов. ВОРОНКОВ говорит, что продовольственная работа может быть налажена лишь тогда, когда ответственность за постановку дела в уезде будет возложена на одного из членов губисполкома. В области продовольственной работы наблюдается особенно заметная неразбериха. Всё это, конечно, отчасти объясняется величиной и сложностью задач, но большая доля обусловлена и расхлябанностью аппарата. С такими организациями как “Эмпо”, “Продпуть” и пр<очими> трудно что-либо предпринять, ввиду того, что они подчинены непосредственно Центру. Отри-

цать царящий хаос, благодаря сепаратной работе организаций во всяком случае не приходится. Что касается громадных количеств гнилого картофеля, то необходимо отметить, что это явление обусловлено отчасти и распоряжением Центра, когда сначала сделанное предписание об усилении снабжения Винзаводов картофелем было отменено и затем вновь подтверждено, что остановило на полпути использование порченного картофеля, остающегося в некоторых местах и сейчас неиспользуемым» (ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 112. Л. 16 а, 16 а об., 17).

¹¹³ Со скидкой на известную лубочность, обстановку тех дней помогают увидеть воспоминания заведующего отделом по работе в деревне Рязанского губкома комсомола в 1919 г. М.П. Давыдова: «Приходу я в кабинет председателя губисполкома Шабулина, он говорит:

– Вот, Давыдов, сейчас получена телеграмма от Владимира Ильича Ленина. Ленин сказал, чтобы 100 вагонов – два эшелона картофеля, неважно какого, мёрзлого или нет, но чтобы за сутки отправить в Москву. А в городе ничего нет. Нужно просить, чтобы крестьяне дали, и к тому же сегодня. Кто это сможет сделать? Молодёжь, вы, комсомолцы. Ты понимаешь, Давыдов, заготовка картофеля сейчас для революции стоит дороже, чем миллион долларов. Я не против докладов и лекций, я, конечно, за них, но картофель сейчас важнее.

И молодёжь, комсомолцы шли в близлежащие от Рязани сёла, говорили о просьбе Ленина, о картошке, о революции. Крестьяне везли свой картофель в Рязань на худобах, но была зима, и картофель мёрз. Мёрзли и люди, но работали и просьбу великого Ленина выполнили с честью» (*Давыдов М.П.* Боевая молодость // Заре навстречу: Сб. ст. из истории Рязанской комсомольской организации 1918–1921 гг. Рязань, 1957. С. 124–125).

¹¹⁴ Ленин и Рязанский край: Сб. док. и материалов / Отв. ред. В.Н. Шестопалов. Рязань, 1981. С. 32, 233.

¹¹⁵ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 75. Л. 206–206 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 213 об.

¹¹⁷ Выступая на VI губернской партийной конференции, И.И. Горшков представлял дело так: «Должен сказать, что при вступлении в свои обязанности как председателя Губкомпарта, я прежде всего обратил внимание на делопроизводство технического аппарата. При беглом обзоре оказалось, что состояние технического аппарата не выдерживает ни малейшей критики <...> Ввиду того, что не было опытных работников, я предложил пригласить тов. Потёмкина, но президиум ходатайство моё отклонил и пригласил другого человека; так как этот человек не явился, то я на свою ответственность взял тов. Потёмкина, который был членом партии, и посадил его на техническую работу. Работал он хорошо, отчёты составлял и привёл в порядок Информационно-Статистический отдел. Но на заседании губкомпарта был сделан запрос, почему его пригласили, так как за ним есть нехорошие поступки. Он был тогда же исключён из партии и устранён от должности. Здесь, как председателю, мне пришлось пояснить свои полномочия, но за это я отвечаю и буду делать то, что выгодно для революции» (ГАРО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 87. Л. 36 об.–37).

¹¹⁸ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 113. Л. 10 об.

¹¹⁹ Там же. Д. 124. Л. 3, 4.

¹²⁰ ГАРО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 87. Л. 36–36 об.

¹²¹ Там же. Л. 40–40 об.

¹²² Там же. Л. 47–47 об.

¹²³ Там же. Д. 11. Л. 88.

¹²⁴ МИМД. КП-4139.

¹²⁵ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 124. Л. 37.

¹²⁶ Там же. Л. 24.

¹²⁷ Стенограмма съезда не была издана и сохранилась только в черновом виде (ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 110).

¹²⁸ Там же. Л. 19–19 об.

¹²⁹ Там же. Л. 14 об.

¹³⁰ Члены – М.И. Воронков, С.Б. Аскенази, К.А. Антипов, Н.В. Масалков, С.И. Фролов, С.А. Колесников, Г.М. Левиня, И.Я. Сметанников, С.И. Алёшин, Ф.А. Колесников, Ал.И. Горюнов, Ф.М. Кедров, П.А. Елисеев, Г.Я. Лобанов, М.Г. Фомин, С.И. Прусанов, С.Т. Царьков, И.Я. Бахарев, К.С. Прошляков, Д.Е. Живов, М. Черешнев, А.П. Чубаров, А.Н. Мисюров, К.М. Калабухов, А.Я. Троицкий; кандидаты в члены – Е.И. Веселова, А.П. Иванов, И.Е. Бахтин, А.А. Дмитриев, П.Г. Мертешёв, А.Г. Рогов, И.Ф. Сушкин, И.И. Янкин, М.А. Мاستюков, В.И. Шестаков, К.М. Соколов, Ф.Я. Ларин, С.П. Константинов, Ф.И. Любасов, П.Е. Зайцев (Там же. Л. 6).

¹³¹ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 113. Л. 52 об.

¹³² См. раздел «Воззвания».

¹³³ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 113. Л. 52 об.

¹³⁴ ГАРО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 104. Л. 12.

¹³⁵ Там же. Л. 15–15 об.

¹³⁶ Седьмая Рязанская губернская конференция Российской коммунистической партии (большевиков). 6–8 августа 1920 года. Доклады, тезисы и резолюции. Рязань, 1920. С. 17–18.

¹³⁷ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 177. Л. 170.

¹³⁸ Там же. Д. 113. Л. 81 об.

¹³⁹ Там же. Д. 114. Л. 56.

¹⁴⁰ Там же. Д. 177. Л. 199.

¹⁴¹ Там же. Д. 113. Л. 83 об.

¹⁴² Там же. Д. 177. Л. 230.

¹⁴³ МИМД. КП-4065.

¹⁴⁴ МИМД. КП-4198. Л. 4.

¹⁴⁵ Заготовительная секция. Техническая подсекция. Вечернее заседание 20 марта. Доклад тов. Воронкова // Продовольственная газета. 1922. 22 марта. № 36. С. 3.

¹⁴⁶ МИМД. КП-4198. Л. 4.

¹⁴⁷ МИМД. КП-4076.

¹⁴⁸ *Ганнушкин П.Б.* Об одной из форм нажитой психической инвалидности // Труды психиатрической клиники «Девичье поле». М., 1927. Вып. 2. С. 52–59.

- 149 ГАРО. Ф. П-5294. Оп. 2. Д. 119. Л. 11.
- 150 МИМД. КП-4188.
- 151 МИМД. КП-4075.
- 152 МИМД. КП-4176.
- 153 МИМД. КП-4089.
- 154 МИМД. КП-4198. Л. 4.
- 155 *Воронков М.И.* О заготовке учебников. [М.], 1928. 72 с.
- 156 МИМД. КП-4190. Л. 2.
- 157 *Воронков М.И.* Как нам проводить учебную кампанию 1930 года (На обсуждение работников книгораспространительной сети ГИЗ'а) / Прил. к № 45-46 журн. «На книжном фронте». [М., 1929]. 16 с.
- 158 МИМД. НВ-1087.
- 159 МИМД. КП-4198. Л. 4.
- 160 Программы по специальным дисциплинам для книжных техникумов / Сост. М.И. Воронков. М., 1933. Вып. 1. Программа курса «Изучение профиля района и потребителя». 23 с.
- 161 МИМД. КП-4091.
- 162 МИМД. КП-4079.
- 163 МИМД. КП-4198. Л. 4.
- 164 *Воронков М.И.* Книжные техникумы КОГИЗа / Под ред. Д.Э. Скалова. М., 1934. 105, [2] с.
- 165 МИМД. КП-4190. Л. 1-2.
- 166 *Воронков М.И.* Всем руководителям и ответственным сотрудникам краевых и областных отделений КОГИЗа [О качестве обслуживания индивидуального потребителя] [Тезисы для докладчиков] / Прил. к журн. «Книжный фронт» № 2 за 1935 г. [М., 1935]. 19 с., из них 8 «для заметок».
- 167 МИМД. КП-4092, КП-4123.
- 168 МИМД. КП-4006. Л. 1-2.
- 169 МИМД. КП-4198. Л. 4.
- 170 МИМД. КП-4195. Л. 1-3.
- 171 МИМД. КП-4093.
- 172 МИМД. КП-4094.
- 173 МИМД. КП-4190. Л. 2.
- 174 МИМД. КП-4097.
- 175 МИМД. КП-4105.
- 176 МИМД. КП-4109, КП-4140.
- 177 МИМД. КП-4106.
- 178 МИМД. КП-4107.
- 179 МИМД. КП-4190. Л. 1-2.
- 180 МИМД. КП-4227.
- 181 Справочник для поступающих в высшие учебные заведения Наркомпроса РСФСР в 1943 году. Правила приёма, программы приёмных испытаний, список и адреса высших учеб. заведений, в которые производится приём в 1943 г. / Сост. М.И. Воронков [М.], 1943. 52 с.
- 182 МИМД. КП-4193. Л.1-2.
- 183 МИМД. КП-4112.
- 184 Приказ ректора МГУ академика А.Н. Несмеянова № 338 от 1 июня 1948 г. гласил: «§ 1. Назначить ЗАЛЬЦМАНА Наума Давидовича на должность заведующего издательством Московского университета с 1 июня 1948 г. с окладом 1200 руб. в месяц.
- § 2. Освободить ВОРОНКОВА Михаила Ивановича от обязанностей заведующего издательством Университета в связи с переводом в Издательство педагогических наук.
- § 3. Тов. ВОРОНКОВУ сдать, а т. ЗАЛЬЦМАНУ принять дела издательства к 10-му июня с. г. с оформлением сдачи приёма соответствующим актом» (МИМД. КП-4012).
- 185 МИМД. КП-4013.
- 186 МИМД. КП-4121.
- 187 За что мы любим Художественный театр (Учащиеся моск. школ о Худож. Театре) / Общий план и подготовка изд. М.И. Воронкова. М., 1948. 80 с.: ил.
- 188 МИМД. КП-4113.
- 189 МИМД. КП-4118.
- 190 МИМД. КП-4115.
- 191 МИМД. КП-4117.
- 192 *Воронков М.И.* О проведении в 1958 году практики учащихся VIII-IX классов в сельскохозяйственном производстве. М., 1958 (Московский гор. Отд. нар. образ. Информ.-инструктор. письмо. 1958. №2); О снабжении учащихся школ гор. Москвы учебниками на 1958-1959 учебный год / Сост. М.И. Воронков. М., 1958. 7 с.
- 193 МИМД. КП-4121.
- 194 МИМД. КП-4122.
- 195 *Воронков М.И.* Указатель изданий МосгорОНО и Московского городского института усовершенствования учителей, вышедших из печати за время с 1 октября 1963 года по 1 октября 1969 года. М., 1969. 33 с.